

202
№ 92

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦИИ.

1860.

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть официальная.

	<i>Стр.</i>
Отдѣль I. Высочайшія повелѣнія.	5.
I. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ теченіи декабря 1859 г.	
II. Высочайшія повелѣнія, предложенныя Правительствующему Сенату въ декабрь 1859 г.	
III. Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по межевому дѣлу.	
Отдѣль II.	17.
Записка о состояніи Московскаго архива Министерства Юстиціи.	
Отдѣль III. Личный составъ.	61.
I. Высочайшія награды по вѣдомству Министерства Юстиціи.	
II. Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи.	

II. Часть неофициальная.

Отдѣль I. Объ апелляціи въ области уголовного суда.	
С. И. Баршева. . .	3.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.

1860.

ТОМЪ III.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать по^зволяется. С. Петербургъ. 23 января 1860 г.

Ценсоръ *Обертъ*.

ИЗВЕЩАЕТЪ

МИНИСТЕРСТВА ВОССТАНОВЛЕНІЯ

I.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

SECRET

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

I. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ продолженіе декабря мѣсяца 1859-го года.

1. О порядкѣ обнародованія объявленій о торгахъ на поставки и подряды.

16-го ноября 1859-го г. Высочайше утверждено и 8-го декабря распубликовано мнѣніе государственнаго совѣта о порядкѣ обнародованія объявленій о торгахъ на поставки и подряды. Мнѣніемъ этимъ, согласно съ представленіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ измѣненіе пункта 5-го статьи 1849-й зак. гр. (св. зак. т. X-го ч. 1-й изд. 1857 г.), постановлено: объявленія о торгахъ на сумму свыше трехъ сотъ рублей обнародываются: въ губерніи, гдѣ назначены торги, порядкомъ указаннымъ въ 3-мъ пунктѣ сей статьи; а въ смежныхъ губерніяхъ, посредствомъ припечатанія сихъ объявленій въ мѣстныхъ губерн-

скихъ вѣдомостяхъ; если же сумма торговъ превышаетъ семь тысячъ пять сотъ руб., то объявленія помѣщаются и въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ.

2) *О претензіяхъ, признанныхъ конкурснымъ управленіемъ подлежащими судебному разбирательству.*

19-го октября 1859-го г. Высочайше утверждено и 8-го декабря обнародовано мнѣніе государственнаго совѣта о претензіяхъ, признанныхъ конкурснымъ управленіемъ подлежащими судебному разбирательству. Мнѣніемъ этимъ, въ дополненіе къ ст. 1981 т. XI ч. II уст. торг. (св. зак. изд. 1857 г.), постановлено: Если истецъ подчинится опредѣленію конкурснаго управленія, коимъ предъявленная имъ претензія признана подлежащею судебному разбирательству, или опредѣленіе это будетъ утверждено высшею властію, то онъ съ искомъ долженъ обратиться въ надлежащій судъ не далѣе трехъ мѣсяцевъ со дня объявленія ему окончательнаго о семъ постановленія; для лицъ же отсутствующихъ къ трехъ мѣсячному сроку прибавляется еще срокъ поверстный.

5) *О генеральномъ и специальномъ размежеваніи земель въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ.*

27-го октября 1859-го г. Высочайше утверждено и 9-го декабря обнародовано положеніе о размежеваніи Черниговской и Полтавской губерній. Положеніе это препровождено въ Правительствующій Сенатъ при именномъ указѣ слѣдующаго содержанія: Признавъ нужнымъ открыть въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ генеральное и специальное размежеваніе земель, въ особенности необходимое при нынѣшнихъ предположеніяхъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, и принявъ въ уваженіе, что поземельное въ сихъ губерніяхъ владѣніе, независимо отъ чрезвычайной чрезполосности, представляетъ другія отличія отъ основаній сего дѣла въ Велико-

россійскихъ губерніяхъ, Мы повелѣли, для постановленія, сообразно мѣстнымъ особенностямъ и потребностямъ края, главныхъ началъ производства тамъ межеванія, образовать особый комитетъ изъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ и межеваго вѣдомства и изъ опытнѣйшихъ помѣщиковъ того края, наиболѣе знакомыхъ съ исключительнымъ хозяйственнымъ положеніемъ онаго. Составленный, во исполненіе сего, проектъ главныхъ основаній для размежеванія Черниговской и Полтавской губерній былъ провѣренъ въ практическомъ его примѣненіи производствомъ межевыхъ дѣйствій въ тамошнемъ краѣ. За тѣмъ, по соображеніи всѣхъ собранныхъ на мѣстахъ свѣдѣній и указаній опыта, составленъ подробный проектъ положенія о межеваніи упомянутыхъ губерній, который былъ рассмотрѣнъ сперва въ особомъ комитетѣ изъ главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ Собственной Нашей канцеляріи и министровъ юстиціи и государственныхъ имуществъ, а потомъ въ государственномъ совѣтѣ. Утвердивъ нынѣ положеніе о размежеваніи Черниговской и Полтавской губерній, а также штаты учреждаемыхъ для этого въ сихъ двухъ губерніяхъ межевыхъ палатъ и комиссій, мы препровождаемъ оныя въ Правительствующій Сенатъ повелѣвая ему привести ихъ въ дѣйствіе установленнымъ порядкомъ.

4) О дозволѣніи воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній начинать службу въ канцеляріи Правительствующаго Сената.

23-го ноября 1859-го г. Высочайше утверждено и 15-го декабря обнародовано мнѣніе государственнаго совѣта, кои мнѣ, согласно съ представленіемъ управляющаго министерствомъ юстиціи, въ дополненіе и поясненіе примѣчанія къ ст. 392 уст. о сл. прав. (св. зак. т. III-го по I-му прод.), постановлено: «Воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, выпускаемымъ изъ оныхъ съ учеными степенями, дозволяется начинать службу прямо въ канцеляріи Правительствующаго Сената».

5) О выдачѣ недорослямъ изъ дворянъ свидѣтельствъ о дворянствѣ.

2-го ноября 1859-го г. Высочайше утверждено и 16-го декабря обнародовано мѣнѣе государственнаго совѣта, коимъ постановлено статью 65 зак. о сост. (св. зак. т. IX-го изд. 1857 г) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: Вмѣсто означенныхъ въ сей статьѣ копій съ протоколовъ могутъ быть выдаваемы изъ дворянскихъ депутатскихъ собраній недорослямъ изъ дворянъ, по желанію ихъ, свидѣтельства о дворянствѣ на листѣ гербовой бумаги въ 90 копѣекъ, съ обозначеніемъ въ оныхъ на основаніи документовъ просителя; чей онъ сынъ, какихъ лѣтъ, точно ли онъ принадлежалъ къ роду, который внесень уже въ дворянскую родословную книгу, въ какую часть оной, и когда представлены о немъ въ департаментъ герольдіи документы; если же родъ его утверждень уже въ дворянствѣ Правительствующимъ Сенатомъ, то когда и какого содержания послѣдовалъ о семъ изъ Правительствующаго Сената указъ.

6) О протестѣ маклерскихъ записокъ.

23-го ноября 1859 года Высочайше утверждено и 16-го декабря обнародовано мѣнѣе государственнаго совѣта, коимъ, согласно съ представленіемъ министра финансовъ, въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено: Правила, предписанныя для протеста маклерскихъ записокъ, заключаемыхъ при С. Петербургской и Рыбинской биржахъ, распространяются на такія же записки, совершаемыя при биржахъ: Московской, Одесской и Нижегородской и при портахъ: Архангельскомъ и Таганрогскомъ, съ тѣмъ, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ биржеваго нотаріуса, записки сіи были представляемы къ протесту у публичнаго нотаріуса.

7) *О возвратѣ въ казну пособія, выданнаго чиновникамъ при опредѣленіи на службу въ отдаленные края имперіи.*

16-го ноября 1859 г. Высочайше утверждено и 22-го декабря обнародовано мнѣніе государственнаго совѣта, коимъ въ дополнение подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено: Служащіе въ отдаленныхъ краяхъ имперіи чиновники могутъ, по удостовѣренной надлежащимъ образомъ болѣзни, быть увольняемы отъ службы до выслуги опредѣленнаго срока, съ тѣмъ, чтобы часть пособія, слѣдующая съ нихъ къ возврату въ казну за недослуженное время, была означаема въ ихъ формулярныхъ спискахъ или аттестатахъ и чтобы въ случаѣ поступленія таковыхъ чиновниковъ вновь на службу, она была взыскиваема, на законномъ основаніи, изъ получаемаго ими содержанія.

8) *О правѣ судей и засѣдателей окружныхъ судовъ на полученіе ордена Св. Анны третьей степени.*

30-го ноября 1859 г. Высочайше утверждено и 29-го декабря обнародовано мнѣніе государственнаго совѣта, коимъ, согласно съ представленіемъ управлявшаго министерствомъ юстиціи, въ дополнение и поясненіе пункта 581 учр. орд. св. зак. т. I изд. 1857 г., постановлено: «Право на полученіе ордена Св. Анны третьей степени пріобрѣтаютъ наравнѣ съ судьями и засѣдателями уѣздныхъ судовъ судьи и такіе суды, кои учреждены въ Бессарабіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ имперіи не для одного, а для двухъ и даже болѣе уѣздовъ, и потому называются окружными судами, прослужившіе по выборамъ дворянства ревностно и безпорочно шесть лѣтъ и избранные на другое шестилѣтіе, а также засѣдатели тѣхъ же судовъ, прослужившіе два шестилѣтія и избранные на третье, хотя бы то не сряду.

II. Высочайшая повелѣнія, сообщенныя министерству юстиціи управляющимъ межевымъ корпусомъ.

А) *Объ отправленіи за границу нѣсколькихъ межевыхъ офицеровъ.*

По всеподданнѣйшему докладу управляющаго межевымъ корпусомъ о необходимости отправленія за границу нѣсколькихъ межевыхъ офицеровъ, какъ для изученія административно-учебнаго порядка въ лучшихъ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и для образованія профессоровъ по нѣкоторымъ специальнымъ наукамъ, Государь Императоръ въ 19-ый день октября 1859-го г. Высочайше повелѣть изволилъ:

1., Инспектора классовъ Константиновскаго межеваго института и при немъ одного изъ лучшихъ межевыхъ инженеровъ отправить въ Бельгію, Францію и Германію, на три мѣсяца, для основательнаго изученія административно-учебной части въ замѣчательнѣйшихъ учебныхъ заведеніяхъ, дабы, по возвращеніи въ Россію, эти офицеры, практически ознакомившись съ дѣломъ, могли содѣйствовать улучшенію и по нѣкоторымъ частямъ преобразованію межевыхъ учебныхъ заведеній. Содержаніе отправляемымъ офицерамъ назначить каждому до пяти сотъ рублей въ мѣсяцъ, въ томъ числѣ на отправленіе за границу и возвращеніе въ Россію, а также на экипировку.

2., Для изученія Геодезіи и Картографіи, отправить на годъ въ Бельгію и Германію, профессора Геодезіи Константиновскаго межеваго института, назначивъ ему на путевыя издержки, съ отправленія до возвращенія въ Россію, двѣ тысячи пятьсотъ рублей.

3., Для изученія Естественныхъ наукъ, Метеорологіи и магнитныхъ наблюденій, отправить на два года въ Германію, Бельгію и Францію одного изъ межевыхъ инженеровъ, съ назначеніемъ отъ тысячи пяти сотъ до двухъ тысячъ рублей годоваго содержанія.

4., Всѣмъ отправляемымъ за границу офицерамъ выдать
безпошлинные паспорта, и

5., Издержки по этому предмету отнести на остаточныя
межевыя суммы.

*Б) Объ установленіи двухъ добавочныхъ старшихъ меже-
выхъ ревизоровъ.*

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу генера-
ла отъ инфантеріи Муравьева, въ 18-тый день ноября 1859-гого-
да Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) на время межеванія Чер-
ниговской и Полтавской губерній установить при управляю-
щемъ межевымъ корпусомъ двухъ добавочныхъ старшихъ ме-
жевыхъ ревизоровъ, уравнивъ ихъ въ правахъ и содержаніи съ
младшими членами межевыхъ палатъ. Расходъ этотъ обратить
на тотъ же источникъ, на который обращены все расходы по
межеванію Малороссійскихъ губерній, и 2) на одну изъ вы-
шесказанныхъ вакансій нынѣ же назначить къ исправленію
должности старшаго межеваго ревизора инженеръ штабсъ-капи-
тана Якимова.

III. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта по межевому дѣлу.

*О земляхъ, спорныхъ между губернскимъ секретаремъ
Карнитскимъ и помѣщицею Обуховою (30-го ноября 1859 г.).*

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ внесенное по разно-
гласію изъ общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ
Правительствующаго Сената дѣло о земляхъ, спорныхъ между
губернскимъ секретаремъ Карнитскимъ и помѣщицею Обуховою,

миѣніемъ положилъ: утвердить по сему дѣлу заключеніе товарища министра юстиціи и сенаторовъ, съ нимъ согласныхъ.

Сущность этого заключенія состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ настоящемъ дѣлѣ подлежитъ разсмотрѣнію споръ помѣщиковъ губернскаго секретаря Петра Карпитскаго и коллежской ассесорши Екатерины Обуховой о количествѣ принадлежащей каждому изъ нихъ земли въ дачѣ пустоши Чуркиной, находящейся въ общемъ ихъ владѣніи въ Арзамаскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи.

Полюбовнаго соглашенія на раздѣлъ сей дачи не состоялось и совладѣльцы требовали размежеванія ихъ по крѣпостямъ.

Въ доказательство правъ своихъ стороны представили слѣдующіе документы: Карпитскій справку изъ дѣла вотчиннаго департамента и купчую крѣпость 1736 года, а Обухова выписъ изъ Московскаго архива министерства юстиціи и отказъ 1768 г.

Изъ документовъ сихъ видно, что пустошь, нынѣ деревня Чуркина или Маркашъ, находящаяся въ Арзамаскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Келѣ, съ 1621 года состояла во владѣніи разныхъ лицъ изъ рода Щукиныхъ, и въ пустоши сей, по первоначальной писцовой дачѣ, считалось 72 четверти.

Въ 1720 и 1736 г. Василій Афанасьевъ и Александръ Григорьевъ Щукины продали свои части въ пустошѣ Чуркиной Афанасіе Извъкову: первый 36, и послѣдній 12, а всего 48 четвертей. Отъ Извъкова означенныя 48 четвертей, въ числѣ прочихъ имѣній, достались, по закладному праву, Обрѣзковой, а отъ сей послѣдней по наслѣдству Обуховой.

Остальная часть пустоши Чуркиной Александромъ Григорьевымъ Щукинымъ продана въ 1836 году въ родъ Полочанниковыхъ; но въ купчей, при семъ случаѣ совершенной, количества проданной земли опредѣленною мѣрою не означено.

Въ 1831 году статскій совѣтникъ Егоръ Полочанниковъ принадлежащія ему села Медынцово и Воронцово, вмѣстѣ съ пустошью Чуркиною, продалъ коллежскому ассесору Петру Кар-

питскому, который въ томъ же году заложилъ означенныя имѣнія женѣ своей. Въ 1850 г., заложенные приобрѣтателемъ имѣнія вмѣстѣ съ пустошью Чуркиною достались, по праву выкупа, сыну его губернскому секретарю Карпитскому. Въ актахъ о сихъ послѣднихъ переходахъ владѣнія пустошью Чуркиной также на опредѣляется количества находящейся въ оной земли.

Такимъ образомъ изъ представленныхъ сторонами къ дѣлу документовъ усматривается, что находящаяся нынѣ въ ихъ чрезполосномъ владѣніи пустошь Чуркина состояла за предшественниками ихъ, Щукиными, по первоначальной писцовой дачѣ, въ количествѣ только 72 четвертей или 108 десятинъ. Изъ сего числа 48 четверт. достались Обуховой, а остальные 24 четв. Карпитскому.

Между тѣмъ при генеральномъ межеваніи въ деревнѣ Чуркиной оказалось въ общемъ владѣніи означенныхъ лицъ удобной и неудобной земли всего 392 десят., т. е. на 284 дес. болѣе противу писцовой дачи. Это количество излишней земли составляетъ въ настоящее время предметъ спора Обуховой съ Карпитскимъ.

Помѣщица Обухова, утверждая, что означенная излишняя земля замежевана при генеральномъ межеваніи въ ихъ общее владѣніе, какъ примѣрная, требуетъ, чтобы излишекъ раздѣленъ былъ между нею и Карпитскимъ на основаніи существующихъ о примѣрныхъ земляхъ узаконеній, (1154 ст. X т. ч. III зак. меж.) по числу крѣпостныхъ дачъ ихъ. Такъ какъ изъ числа 72 четвертей, составляющихъ первоначальную писцовую дачу пустоши Чуркиной, Обуховой принадлежитъ по крѣпостямъ 48 четвертей, а на долю Карпитскаго, по безмѣрности крѣпостей его, остается только 24 четверти, то первая изъ нихъ домогается объ отводѣ ей $\frac{2}{3}$ изъ всего опредѣленнаго при генеральномъ межеваніи пространства дачи Чуркиной и о предоставленіи Карпитскому только $\frac{1}{3}$ той дачи.

Напротивъ того Карпитскій, не опровергая правъ Обуховой на 48 четверт., принадлежащихъ ей по крѣпостямъ, требуетъ чтобы все остальное затѣмъ количество десятинъ, значащихся по плану генеральнаго межеванія въ дачѣ Чуркиной, предоставлено было въ его исключительное владѣніе.

Доказывая права свои на излишнюю землю въ деревнѣ Чуркиной, Карпитскій объясняетъ, что предшественникамъ его во владѣніи тою дачею, Щукинымъ, кромѣ 72 четвертей, значащихся за ними по писцовой дачѣ принадлежали еще 200 четвертей земли, ими разчищенной.

Въ доказательство сего Карпитскій ссылается на справку вотчиннаго департамента, изъ которой видно, что въ 1682 году Григорій и Иванъ Щукины ходатайствовали объ отводѣ къ помѣстью ихъ Чуркину разчищенныхъ ими 200 четвертей земли, находящейся внизъ отъ Ярцева оврага, по обѣ стороны онаго, по правую до Моховаго болота, а по лѣвую за Крестовъ оврагъ до Старыхъ Мочалищъ. Объ этой, просимой Щукиными землѣ, велѣно было послать грамоту къ писцамъ и учинить по наказу, а въ 1694 году предоставлено имъ владѣть тою землею до валовыхъ писцовъ.

Основываясь на томъ, что въ купчей, по которой перешло владѣніе Чуркиной пустошью изъ рода Щукиныхъ къ Полочанниковымъ, хотя и не означено количества проданной земли, но объяснено, что къ Полочанникову должно поступить все то, что принадлежало отцу и дѣду продавца Александра Григорьева Щукина, преемникъ правъ Полочанниковыхъ Карпитскій утверждаетъ, что разчищенная земля въ количествѣ 200 четв., принадлежавшая Григорію Щукину, должна быть оставлена за нимъ.

Для опредѣленія мѣстности нахожденія разчищенной земли по названнымъ въ документахъ объ оной урочищамъ произведено было изслѣдованіе. Ярцевъ оврагъ, по обѣ стороны котораго значится разчищенная земля, показана на самомъ планѣ. Но Моховаго болота и Старыхъ Мочалищъ, показанныхъ въ документахъ

границами той земли, на планѣ не значится; спрошенные подѣ присягою окрестные жители показали, что первое изъ означенныхъ урочищъ должно находиться въ селѣ Медынцевѣ, примыкающемъ къ пустошѣ Чуркиной, а второе на рѣкѣ Келѣ, составляющей противоположную грань той пустоши.

Такъ какъ изъ показанія понятыхъ можно заключить, что урочища Моховое болото и Старья Мочалица, между которыми въ документахъ показана разчищенная земля, находятся на двухъ противоположныхъ предѣлахъ пустоши Чуркиной, то означенная земля должна всецѣло состоять въ предѣлахъ той пустоши.

Между тѣмъ въ документахъ о разчищенной землѣ именно сказано, что земля сія находится по обѣ стороны Ярдева оврага, составляющаго границу пустоши Чуркиной, слѣдовательно всецѣло не можетъ быть въ предѣлахъ этой пустоши.

Такимъ образомъ разсмотрѣніе плана деревни Чуркиной и соображеніе свѣдѣній, заключающихся въ документахъ и показаніяхъ понятыхъ, положительно не разрѣшаетъ вопроса о мѣстѣ настоящаго нахождения отыскиваемой Карпитскимъ разчищенной земли.

За недоказательствомъ со стороны Карпитскаго, что вся остальная, за выдѣломъ ему по документамъ 24-хъ четвертей, земля составляетъ упоминаемую въ его документахъ разчищенную землю, остающійся по генеральному плану излишекъ 284 дес. долженъ быть раздѣленъ между владѣльцами дачи на точномъ основаніи судебно-межевыхъ узаконеній объ излишнихъ земляхъ.

По закону: когда отъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ представлены будутъ выписи съ послѣднихъ писцовыхъ книгъ и крѣпости съ извѣстною мѣрою или съ положительнымъ описаніемъ границъ владѣнія по живымъ урочищамъ, а отъ другихъ безъ мѣры или безъ описанія границъ по урочищамъ, въ такомъ случаѣ, утвердивъ за первыми то самое количество, земли какое въ ихъ крѣпостяхъ написано или живыми урочищами приурочено, прочихъ надѣлять по числу ревизскихъ душъ, бывшихъ во время

генеральнаго межеванія, полагая по 8-ми десятинамъ на душу. Когда же для надѣленія владѣльцевъ по 8-ми десятинамъ на душу земли окажется недостаточно, то утверждать за ними, сколько придется на душу (ст. 1155 X т. ч. III зак. меж).

Совладѣльцы общей дачи Чуркиной, изъявившіе желаніе развестись по крѣпостямъ, представили: Обухова документы, въ которыхъ принадлежащія ей земли означены въ количествѣ 48 четвертей, а Карпитскій документы безмѣрные.

При генеральномъ межеваніи въ деревнѣ Чуркиной за предмѣстницею Обуховой, Обрѣзковою крестьянъ не значится, а за предшественникомъ Карпитскаго Полочаниновымъ показано 90 душъ крестьянъ.

Посему, на точномъ основаніи вышеприведеннаго узаконенія, изъ числа 392-хъ десятинамъ съ саженьями, значащихся на планѣ генеральнаго межеванія въ деревнѣ Чуркиной, помѣщицѣ Обуховой слѣдуетъ выдѣлить принадлежащія ей по документамъ 48 четвертей или 72 десят., а Карпитскому по безмѣрности его документовъ, отвести изъ остальнаго количества столько десятинамъ земли, сколько придется по числу крестьянскихъ душъ, показанныхъ за предмѣстникомъ его при генеральномъ межеваніи.

Что касается домогательства Обуховой о разверсткѣ излишнихъ противъ писцовой дачи 284 десят. такимъ образомъ, чтобы изъ сего числа на долю ея досталось $\frac{2}{3}$ излишка, согласно количеству четвертей, значащемуся въ представленныхъ ею крѣпостяхъ, то домогательство это не можетъ быть принято въ уваженіе, потому, что законъ о разверсткѣ между совладѣльцами излишнихъ земель по числу крѣпостныхъ дачъ относится только къ тѣмъ случаямъ, когда у всѣхъ владѣльцевъ имѣются документы съ показаніемъ земли опредѣленною мѣрою; въ настоящемъ же дѣлѣ такіе документы представлены только Обуховой, а со стороны Карпитскаго представлены документы безмѣрные.

ОТДѢЛЪ II.

Въ октябрьской книжкѣ журнала министерства юстиціи за 1859 годъ мы помѣстили извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета по министерству за 1857 годъ, при чемъ сообщили краткія свѣдѣнія о состояніи Московскаго архива министерства юстиціи.

Этотъ архивъ, получившій настоящее наименованіе и устройство 7-го іюля 1852 года, по справедливости можетъ назваться однимъ изъ древнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ государственныхъ архивовъ Россіи, по отношенію къ документамъ въ немъ хранящимся,

Не говоря о значеніи этого архива для историка, который можетъ найти въ немъ богатѣйшіе, не разработанные еще матеріалы для изученія внутренняго быта Россіи въ разныя эпохи ея существованія, мы можемъ смѣло сказать, что Московскій архивъ имѣетъ огромное значеніе и для практиковъ. Они могутъ найти въ немъ свѣдѣнія о разнаго рода недвижимыхъ имѣніяхъ, о переходѣ этихъ имѣній отъ одного владѣльца къ другому, о древнихъ дворянскихъ фамиліяхъ и о ихъ развѣтвленіи. Всякій, кто только имѣлъ тяжбы или же ходатайствовалъ о возстановленіи своихъ дворянскимъ правъ, вѣроятно по опыту знаетъ, въ какой мѣрѣ необходимы для дѣлъ сего рода документы, хранящіеся въ Московскомъ архивѣ.

Нынѣ мы получили отъ директора архива П. И. Иванова, извѣстнаго уже читающей публикѣ своими учеными трудами, весьма любопытную записку, въ которой изложены подробныя свѣдѣнія о состояніи архива.

Эту записку мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ на страницахъ нашего журнала.

Московскій архивъ министерства юстиціи, подъ настоящимъ своимъ наименованіемъ, соединяетъ въ себѣ состоявшіе при Правительствующемъ Сенатѣ въ Москвѣ государственные архивы: 1) разрядный, 2) архивъ старыхъ дѣлъ и 3) вотчинный департаментъ. Установленія эти и составили три особыя отдѣленія Московскаго архива министерства юстиціи.

Имѣя своимъ назначеніемъ а) храненіе, а равно приѣмъ къ храненію дѣлъ и документовъ, и б) изготовленіе и доставленіе справокъ по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ и правительственныхъ лицъ и по прошеніямъ частныхъ лицъ, Московскій архивъ министерства юстиціи находится подъ главнымъ завѣдываніемъ министра юстиціи. Отъ него зависитъ возложеніе на архивъ и другихъ обязанностей, кромѣ вышеозначенныхъ, какъ-то: привиденіе въ извѣстность документовъ, заслуживающихъ особаго вниманія по историческому или юридическому значенію своему, собраніе историческихъ, юридическихъ и т. п. свѣдѣній. Установленіе правилъ для управленія архивомъ, производства и храненія въ немъ дѣлъ, приведеніе архива въ окончательное устройство, приѣмъ въ него новыхъ дѣлъ для храненія, и допущеніе постороннихъ лицъ, для извлеченія свѣдѣній изъ архивныхъ документовъ, предоставлены также министру юстиціи, которымъ и дана въ руководство архиву особая инструкція. Въ случаѣ поступленія тре-

бованій о доставленіи въ присутственныя мѣста подлинныхъ документовъ, а также въ случаѣ требованій постороннихъ вѣдомствъ о доставленіи свѣдѣній, выходящихъ изъ круга обыкновенныхъ справокъ, архивъ также обязанъ предварительно представлять о семъ на усмотрѣніе и разрѣшеніе министра юстиціи.

Ближайшее и непосредственное завѣдываніе архивомъ ввѣрено директору его, подъ наблюденіемъ оберъ-прокурора общаго собранія Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

Каждое изъ трехъ помянутыхъ отдѣленій архива состоитъ изъ архиваріуса (онъ же и начальникъ отдѣленія), помощника его, секретаря и канцелярскихъ служителей по штату.

Въ III-мъ отдѣленіи полагается архиваріусу два помощника и секретарю одинъ помощникъ.

На обязанности отдѣленій архива лежитъ храненіе дѣлъ въ цѣлости, содержаніе въ исправности описей и алфавитовъ, выдача справокъ, за невѣрность и неполноту которыхъ они подлежатъ отвѣтственности.

При директорѣ находится особая канцелярія, состоящая изъ правителя оной, столоначальниковъ, помощниковъ ихъ, и писцовъ по штату, на обязанности которой лежатъ всѣ дѣла распорядительныя и до самаго архива относящіяся, какъ то: представленіе отчетности, наблюденіе за теченіемъ дѣлъ по архиву, а также разборъ старыхъ дѣлъ, составленіе имъ описей и алфавитовъ, и проч.

На содержаніе архива, кромѣ канцеляріи директора, отпускается ежегодно изъ государственнаго казначейства 9042 рубля, въ томъ числѣ 8682 рубля на жалованье чинамъ архива и 360 рублей на канцелярскіе расходы по оному, для канцеляріи же директора архива изъ того же государственнаго казначейства отпускается особо 8903 рубля 8 копѣекъ, изъ

копѣхъ 8003 рубля 8 копѣекъ на жалованье, а остальные 900 рублей на канцелярскіе расходы.

Помѣщеніе Московскій архивъ министерства юстиціи имѣеть въ каменномъ зданіи Правительствующаго сената, устроенномъ въ 1788 году, въ 4-мъ этажѣ, гдѣ съ самаго построенія сего зданія помѣщались учрежденія, вошедшія нынѣ въ составъ архива. Къ крайнему сожалѣнію, во время непріятельскаго нашествія въ Москву въ 1812 году, залы этихъ учреждений были обращены въ казармы, а хранившіеся въ нихъ документы выброшены французскими солдатами во рвы, окружавшіе Кремль, гдѣ и оставались до совершеннаго очищенія Москвы отъ непріятеля, отъ чего всѣ вообще документы перемѣшались и многіе изъ нихъ частію совершенно погибли, частію же потерпѣли весьма важныя поврежденія; въ тоже время утратилась большая часть описей и алфавитовъ, почему въ послѣдствіи представилась необходимость вновь приступить къ разбору всѣхъ документовъ по ихъ родамъ и къ составленію имъ описей и алфавитовъ.

Громадный трудъ этотъ только въ настоящее время приходитъ къ совершенному окончанію. Первоначально смотрѣніе за означеннымъ разборомъ и описаніемъ документовъ поручено было находившемуся за оберъ-прокурорскимъ столомъ статскому совѣтнику (что потомъ дѣйствительный тайный совѣтникъ сенаторъ) Огареву; позднѣе занятія по приведенію въ порядокъ архивныхъ учреждений продолжались подъ вѣдѣніемъ оберъ-прокуроровъ общаго собранія Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

Въ 1835 году бывшій министръ юстиціи Дашковъ, желая сдѣлать государственные архивы доступными для каждаго, учредилъ для сего особый комитетъ, которому вмѣнено было въ обязанность, обозрѣвъ архивы во всѣхъ отношеніяхъ, составить имъ подробныя описанія, отдѣливъ документы, заслуживающіе особеннаго вниманія, отъ прочихъ. Занятія сего коми-

тета продолжались до учрежденія въ 1843 году, для ближайшаго надзора надъ государственными архивами, особаго инспектора изъ состоявшихъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ чиновниковъ (нынѣ директоръ Московскаго архива министерства юстиціи).

Подъ наблюдениемъ сего послѣдняго и совершалось дальнѣйшее приведеніе въ порядокъ архивныхъ учрежденій до 1852 года, когда, согласно съ заключеніемъ министра юстиціи, Высочайше утвержденнымъ въ 7-й день іюля того же года мнѣніемъ государственнаго совѣта, соединены эти учрежденія, подъ названіемъ Московскаго архива министерства юстиціи, чрезъ что и получилъ онъ настоящее устройство, о коемъ объяснено выше.

МОСКОВСКІЙ АРХИВЪ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

1-е ОТДѢЛЕНІЕ АРХИВА

ИЛИ

БЫВШІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАЗРЯДНЫЙ АРХИВЪ.

Въ 1-мъ отдѣленіи архива заключается богатое и разнообразное собраніе историческихъ матеріаловъ; замѣчательныхъ сколько по глубокой древности, столько же и по занимательности.

Изъ документовъ этого архива можно получить свѣдѣнія: 1-е) о составѣ прежнихъ военныхъ силъ въ Россіи, смотрахъ, верстаняхъ помѣстными и денежными окладами, военныхъ походахъ, наградахъ и проч.; 2-е) о дворянскихъ родахъ, выѣздахъ иностранцевъ въ Россію, а также боярахъ, составлявшихъ

въ разныя времена царскую думу или занимавшихъ другія важныя и почетныя должности въ государственномъ и въ военномъ управленіи, а равно и о прочихъ чиновникахъ военной и гражданской службы, не исключая и канцелярскихъ (подъячихъ); 3-е) хранящіяся въ немъ записныя книги и для Московскаго стола представляютъ весьма любопытныя подробности о жизни русскихъ государей, а также о разныхъ государственныхъ событіяхъ; 4-е) дѣла Малороссійскаго и Сибирскаго приказовъ заключаютъ въ себѣ много матеріаловъ для исторіи Малороссіи и Сибири. Документы перваго отдѣленія архива обнимаютъ дѣла слѣдующихъ древнихъ присутственныхъ мѣстъ Россіи: I-е) разряда или разряднаго приказа, II-е) Малороссійскаго приказа, III-е) Сибирскаго приказа, IV) печатнаго приказа, печатной конторы и герольдмейстерской конторы.

I) РАЗРЯДЪ ИЛИ РАЗРЯДНЫЙ ПРИКАЗЪ.

Разрядъ или разрядный приказъ по всей вѣроятности есть одинъ изъ древнѣйшихъ; время его учрежденія неизвѣстно, но можно предполагать, что онъ получилъ начало въ царствованіе Іоанна III-го; въ первый разъ упоминается о немъ въ ⁶⁹⁷⁹/₁₄₇₁ году (смотри 582 примѣч. къ 6 тому Россійской имперіи Карамзина). Онъ завѣдывалъ: 1-е) всѣми дѣлами, касающимися до сословія дворянскаго; 2-е) велъ разрядныя книги (указъ ⁷¹⁵⁷/₁₆₁₉ года іюня), которыя, какъ источникъ печальныхъ безпорядковъ отъ такъ называемаго мѣстничества, по коему лица дворянскаго сословія считались между собою въ самомъ принятіи и отправленіи служебныхъ обязанностей мѣстами и службами своихъ предковъ, были въ 1682 году преданы огню царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ; 3-е) имѣлъ списки военнымъ силамъ Россіи и таковыя же боярамъ, стольникамъ, стряпчимъ и другимъ чинамъ придворной, военной и гражданской служ-

бы, и вообще всѣмъ дворянамъ; 4-е) въ немъ производились дѣла, относящіяся, до полковъ: Бѣлгородскаго, Сѣвскаго и Новгородскаго, строевъ: Гусарскаго, Рейтарскаго и Драгунскаго; этотъ же приказъ 5-е) производилъ раздачу помѣстныхъ земель, состоявшихъ въ округѣ военныхъ поселеній означенныхъ полковъ, собиралъ разнаго рода доходы въ городахъ, принадлежавшихъ этимъ полкамъ, какъ-то: таможенные и другаго наименованія, изъ копѣй производилъ означеннымъ полкамъ жалованье (указъ ⁷¹⁷³/₁₆₆₅ года февраля 10).

Документы разряднаго приказа суть слѣдующіе:

а) Боярскія книги.

Основываясь на нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, начало боярскихъ книгъ почти безошибочно можно отнести къ царствованію Іоанна III-го. Въ этихъ книгахъ означались не только чины и должности всѣхъ лицъ, состоявшихъ въ государственной службѣ, но и получаемые ими оклады помѣстные и денежныя, а также всѣ переѣмы, происходившія въ ихъ служебной дѣятельности (повышеніе въ чины, прибавка окладовъ, отставка и проч.).

При нѣкоторыхъ лицахъ дѣлались даже особыя біографическія отмѣтки, заключавшія извѣстія о какомъ нибудь особенно важномъ случаѣ изъ ихъ жизни: (о постигавшемъ ихъ тяжкомъ недугѣ и болѣзни, о плѣненіи ихъ непріятелями, объ опалѣ ихъ, казни, поступленіи въ монастырь и проч.). Начавшись при Іоаннѣ III-мъ, веденіе боярскихъ книгъ продолжалось постоянно до Петра I-го, когда преобразование государственнаго устройства и введеніе новыхъ началъ служебной дѣятельности потребовали другихъ формъ и правилъ. Какъ писцовыя и межевыя книги служили основаніемъ права на недвижимую собственность, такъ боярскія книги служили основаніемъ праву личному; онѣ между прочимъ разрѣшали споры по мѣстниче-

ству, объясняя состояніе чиновъ въ извѣстные годы. Къ сожалѣнію самыя древнѣйшія изъ нихъ были истреблены во время нашествія поляковъ на Москву при самозванцахъ и французъ въ 1812 году, уцѣлѣло же и теперь хранится въ этомъ архивѣ только 12-ть боярскихъ книгъ.

б) *Боярскіе списки.*

Боярскіе списки почти одно и тоже, что и боярскія книги, ибо въ нихъ значатся тѣже самыя лица, кои помѣщены въ первыхъ; разница же между ними состоитъ въ томъ, что въ боярскихъ спискахъ писались одни только наименованія и званія лицъ, находившихся на службѣ, безъ тѣхъ отмѣтокъ объ окладахъ, которыя находятся въ боярскихъ книгахъ. Каждый годъ составляли новый боярскій списокъ, въ который первоначально вносились чины прежняго года, затѣмъ вновь пожалованные. Боярскій списокъ есть полный послужной списокъ или адресъ-календарь каждаго года лицъ, состоявшихъ на службѣ придворной, гражданской и частию военной, для которой впрочемъ были особенные списки подъ названіемъ десятичныхъ смотренныхъ и другихъ, о коихъ сказано будетъ ниже. Боярскихъ списковъ сохранилось съ ¹⁷¹⁶/₁₆₆₈ по 1714 годъ 60-ть книгъ.

в) *Десятенные списки.*

Эти списки представляютъ самое подробное исчисленіе служившихъ чиновъ въ военной службѣ, съ изложеніемъ наказовъ, коими руководствовались при составленіи десятичъ. Въ спискахъ этихъ обозначены разборы дворянъ, дѣтей боярскихъ и новиковъ, съ объясненіемъ ихъ способностей къ военной службѣ, вооруженія, числа людей, имѣющаго слѣдовать за ними въ походъ, съ описаніемъ наружнаго вида сихъ послѣднихъ, доспѣховъ ихъ и количества запасовъ. Далѣе обозначались помѣстные и денежныя оклады. Помѣщенные въ этихъ спискахъ чины раздѣ-

лялись на три статьи, а въ нѣкоторыхъ десятияхъ была даже и четвертая статья. Всѣхъ десятичныхъ списковъ въ 1-мъ отдѣленіи архива 308 книгъ.

г) Смотренные списки.

Смотренные списки содержатъ въ себѣ одни имена и должности состоявшихъ въ военной службѣ людей, не исключая копѣйщиковъ и рейтаръ, съ означеніемъ времени явки ихъ на службу, равно числа помѣстныхъ окладовъ по статьямъ. По симъ уже спискамъ получали дворяне назначеніе въ высшія должности, какъ-то стольники, стряпчіе, жильцы, Московскіе дворяне и проч. Смотренные списки были составляемы по разнымъ случаямъ, какъ-то: 1-е) при объявленіи войны и предполагаемаго похода для узнанія исправности, съ которою каждый являлся на сборное мѣсто; 2) по окончаніи войны для исчисленія убыли и оставшихся на лицо; 3) раненымъ и престарѣлымъ, не могущимъ исправлять военной службы; 4) вышедшимъ изъ плѣна, съ обозначеніемъ числа лѣтъ, сколько кто въ немъ находился. Сюда же можно отнести описи и смотры: а) военному снаряду, доспѣхамъ, знаменамъ и прочему, что называлось городовыми смѣтами (въ нихъ были означаемы разнаго рода пушки на воловыхъ станкахъ, на башняхъ, пищали, а также мушкеты, ядра, зелье пушечное, свинцовыя мушкатныя пули, дробь, свинець, фитиль, латы съ шашками и безъ нихъ, копья, рогатины, бердыши и проч.) и б) состояніе городовъ, съ подробнымъ описаніемъ крѣпостнаго строенія и числа служилыхъ людей. Эти послѣдніе списки съ особенною подробностію составлялись при приѣмѣ города новымъ воеводою. Смотренныхъ списковъ находится 87-мъ книгъ.

д) Жилецкіе списки.

Жилецкіе списки содержатъ въ себѣ имена тѣхъ изъ городскихъ дворянъ, которые удостоивались быть включенными

въ жилецкіе списки, какъ въ почетный разрядъ воинскихъ людей, и обязаны были находится на службѣ въ Москвѣ, чередуясь въ томъ по третямъ года. Эти списки двухъ родовъ: въ однихъ обозначены помѣстные оклады съ придачами, получаемое каждымъ жильцемъ жалованье денежное и мѣсто, куда отправленъ кто изъ нихъ по должности, въ другихъ же объяснены одни только денежные оклады. Списковъ этого рода состоитъ 83 книги.

е) *Московского стола записныя книги.*

Въ записныхъ книгахъ значатся многія производства, какъ до мѣстничества, такъ и другихъ случаевъ относящихся и которыя возникали или по жалобамъ на притѣсненія и несправедливости, или касались до испрашиванія какихъ-либо милостей и наградъ за службу, придачь помѣстныхъ земель и обращенія ихъ въ вотчины; въ нѣкоторыхъ книгахъ заключается описаніе благочестивыхъ занятій русскихъ царей, ихъ выходы въ торжественные и праздничные дни въ соборы, церкви и монастыри, съ обозначеніемъ тѣхъ бояръ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые сопровождали эти выходы; тамъ же помѣщены церемоніи, происходившія во время крещенія или похороуъ какого-либо изъ лицъ царской фамиліи и проч. Изъ уцѣлѣвшихъ 27-ми записныхъ книгъ есть относящіяся до ⁷¹³¹/₁₆₂₈ года.

ж) *Московского, Владимірскаго и другихъ столовъ.*

Книгъ столовъ Московскаго сохранилось съ ⁷¹⁷⁷/₁₆₆₉ по ⁷²⁰⁶/₁₆₉₈—181, Владимірскаго съ ⁷¹⁷⁹/₁₆₇₁ по ⁷²⁰⁶/₁₆₉₈—26, Новгородскаго съ ⁷¹²¹/₁₆₁₆ по 1703—75, Бѣлгородскаго съ ⁷¹¹⁶/₁₆₃₈ по 1709—201, Сѣвскаго съ ⁷¹³⁹/₁₆₃₆ по 1701—32, Кіевскаго по вытыя съ ⁷¹⁸⁹/₁₆₈₁ по 1707—56-ть. Столбцевъ означенныхъ столовъ сохранилось: Московскаго 1174, Владимірскаго 204, Новгородскаго 361, Бѣлгородскаго 1911 и Сѣвскаго 507. Въ столб-

цахъ и книгахъ этихъ содержатся списки ратнымъ людямъ означенныхъ городовъ, по коимъ они состояли на службѣ, съ обозначеніемъ ихъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ. Тамъ же видны смѣты крѣпостнымъ постройкамъ и выполненіе по нимъ, а также описи военнымъ снарядамъ. Здѣсь же помѣщены описанія военныхъ дѣйствій съ неприятелями, мѣры осторожности и обороны отъ нападеній ихъ, особенно въ пограничныхъ мѣстахъ. Дѣла Московскаго стола особенно любопытны какъ по разнообразію предметовъ и важности ихъ, такъ и по связи съ событіями, имѣвшими вліяніе на цѣлое государство.

з) *Приказнаго стола.*

Въ столбцахъ и книгахъ этого стола, по большей части, находятся разнаго рода прошенія объ обидахъ, оскорбленіяхъ, жалобы на злоупотребленія, беспорядки, а равно и учиненныя по нимъ слѣдственные производства; здѣсь также заключаются поручныя записки и другаго рода документы, представленные для записки и должнаго взыскація. Кромѣ сего въ документахъ этого стола встрѣчаются иногда разборы и наряды ратныхъ людей, реестры городовымъ воеводамъ съ имѣющимися у нихъ въ распоряженіи людьми, оружіемъ, военными снарядами, а также и другія производства, относящіяся ко внутреннему канцелярскому порядку. Книгъ приказнаго стола сохранилось 44, а столбцевъ 2750.

и) *Денежнаго стола.*

Столбцы и книги этого стола заключаютъ въ себѣ приходъ и расходъ по тѣмъ городамъ, которые состояли въ зависимости отъ разряда. Въ нихъ помѣщены инструкціи сборщикамъ, цѣловальникамъ, повѣрка ихъ, мѣры, принимаемыя къ прекращенію злоупотребленій и другія распоряженія, относящіяся къ увеличенію доходовъ по разнымъ отраслямъ тогдашней финансовой системы. Учтѣвшіе документы этого стола начи-

наются съ 1615 года; они сохранились въ числѣ 361 книги и 24 столбцевъ.

г) Помѣстнаго стола.

Уцѣлѣвшіе 215 столбцевъ этого стола относятся до раздачи помѣстныхъ земель, состоявшимъ въ военной службѣ лицамъ, въ такъ называемыхъ заказныхъ городахъ, въ пограничныхъ мѣстахъ лежавшихъ. Они начинаются съ 1620 года.

к) Столбцы, заключающіе въ себѣ родословныя.

Царь Феодоръ Алексѣевичъ соборнымъ дѣяніемъ въ 1682 году, уничтоживъ мѣстничество, повелѣлъ предать созженію разрядныя книги, а въ замѣнъ ихъ постановилъ составить родословныя росписи, изъ которыхъ до настоящаго времени уцѣлѣли только 163 столбца.

л) Дѣла бывшаго разряда.

Дѣла бывшаго разряда заключаются въ спискахъ дворянъ и другихъ лицъ, смотрахъ, имъ производившихся по разнымъ случаямъ при преобразованіи военныхъ силъ въ Россіи, во время Императора Петра Великаго. Дѣла такъ называемаго разряда начинаются съ 1702 года и оканчиваются 1711 годомъ.

II) малороссійскій приказъ.

Учрежденіе Малороссійскаго приказа можно отнести къ 1654 году или ко времени гетманства Богдана Хмѣльницкаго, когда Малороссія подчинилась россійскому скипетру. По дѣламъ же посольскаго приказа значится онъ съ 1649 года, а по записнымъ разряднымъ книгамъ съ 1663 по 1709; въ приказѣ этомъ находятся дѣла, относящіяся до присоединенія Мало-

росіян къ Россіи переписка о томъ гетмановъ съ російскими государями и гусударей съ ними, равно и съ другими лицами какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія. Приказъ сей между прочимъ завѣдывалъ церемоніалами о принятіи малороссійскихъ посланниковъ; а также отсюда посланники російскіе отправлявшіеся въ Малороссію, получали наказы съ изложеніемъ особенныхъ секретныхъ статей; въ послѣдствіи же въ семь приказѣ производились дѣла какъ о пожалованіи разныхъ наградъ должностнымъ лицамъ, въ малороссійскомъ краю находившимся, такъ о подтвержденіи преимуществъ народу, назначеніи войску запорожскому жалованья и вообще производства, до Малороссіи относящагося, равно и переписка гетмановъ съ Россіею по пограничнымъ польскимъ, турецкимъ и татарскимъ дѣламъ. Сохранившіеся до настоящаго времени документы малороссійскаго приказа состоятъ изъ 127 книгъ и 233 столбцевъ.

III) СИБИРСКІЙ ПРИКАЗЪ.

О Сибирскомъ приказѣ записныя книги упоминаютъ съ 1637 года. Этотъ приказъ завѣдывалъ дѣлами, до Сибири относящимися, съ разными живущими въ ней иновѣрческими народами и всѣми военными силами, находившимися въ томъ краю; также занимался дѣлопроизводствомъ по посольствамъ въ Китай, пріѣздамъ въ Россію Монгольскихъ и Калмыцкихъ владѣльцевъ, Тайшей и проч.

Дѣла Сибирскаго приказа, сохранившіяся въ числѣ 1648 книгъ и 1704 столбцевъ и 333 связокъ, заключаются въ наказахъ отправлявшимся въ сибирскій край воеводамъ и другимъ лицамъ, находившимся въ Сибири по военной и гражданской службѣ, раздачѣ имъ жалованья, а главное изъ дѣлъ этого приказа можно имѣть самое подробное свѣдѣніе о собраніи мягкой рухляди (ясака) и о тогдашней цѣнѣ ея. Вооб-

ще въ дѣлахъ этого приказа заключается вся переписка объ управленіи сибирскимъ краемъ въ административномъ, судебномъ, хозяйственномъ и финансовомъ отношеніяхъ.

IV) ПЕЧАТНЫЙ ПРИКАЗЪ

И

ПЕЧАТНАЯ КОНТОРА.

Печатный приказъ получилъ свое начало въ 1611 году. Въ немъ прилагалась государева печать къ грамотамъ, наказамъ, указамъ, памятямъ, подорожнымъ и другимъ актамъ, равно выдавались инструкціи чиновникамъ, опредѣлявшимся къ должностямъ, со взятіемъ установленныхъ за сіе пошлинь (улож. глава XVIII указы 7207—1699 г. декабря 5; 1701 г. ноября 7; 1702 г. апрѣля 1; 1714 г. августа 30; 1721 г. февраля 1). Затѣмъ вмѣсто этого приказа учреждена печатная контора въ 1722 году, которой повелѣно прикладывать печати къ грамотамъ, наказамъ, указамъ, памятямъ подорожнымъ, крѣпостямъ, актамъ и всякаго рода выдаваемымъ бумагамъ и промероріямъ, со взиманіемъ пошлинь, которыя и записывались въ особыя тетради.

Въ 1763 году печатная контора уничтожена и дѣла ея отданы въ разрядный архивъ (1763 г. декабря 15-й пункт. 18-го манифеста новыми штатами).

Документы, записанные частію перечнемъ, а частію подлинникомъ въ особо заведенныя для сего книги, содержатъ въ себѣ дѣла печатнаго приказа, а по уничтоженіи его, печатной конторы, которыя заключаются въ 1815 книгахъ.

Кромѣ сего въ минувшемъ 1855 году, по распоряженію г. министра юстиціи, поступили въ 1 отдѣленіе препровожденныя изъ С. Петербургскаго сенатскаго архива дѣла герольдмейстер-

ской конторы, заключающія въ себѣ документы, относящіяся до дворянскихъ родовъ.

V) ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКАЯ КОНТОРА.

Должность герольдмейстера получила начало свое вѣроятно вмѣстѣ съ должностью рекетмейстера, т. е. въ 1722 году (*). Въ вѣдѣніи герольдмейстера находились всѣ русскіе дворяне высшихъ и низшихъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, а также и неимѣющіе чина: обязанность его была въ составленіи списка всѣмъ этимъ дворянамъ. Онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы никто изъ нихъ не уклонялся отъ службы. Въ его же вѣдѣніи находилась школа для обученія дворянъ экономіи и гражданскому праву. При герольдмейстерѣ существовала контора, дѣла которой 1720—(**) 1749 г. въ числѣ 743 книгъ хранятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

Вообще же въ 1-мъ отдѣленіи заключается: а, столбцевъ 10351, б, книгъ 6182, въ томъ числѣ съ описями и алфавитами 286, п в, 239 вязокъ, изъ коихъ 148 съ дѣлами герольдмейстерской конторы, частію уже переплетены, а частію изготовлены къ переплету въ книги, а остальные съ дѣлами Сибирскаго приказа.

II-е ОТДѢЛЕНИЕ АРХИВА

или

БЫВШІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ СТАРЫХЪ ДѢЛЪ.

II-е отдѣленіе архива, вмѣщающее въ себѣ документы многихъ прежнихъ государственныхъ учреждений, богато обширно-

(*) Прим. Впрочемъ смотры дворянъ гораздо раньше сего производились въ Сенатѣ.

(**) Въ дѣла герольдмейстерской конторы вошли также производства, относившіяся къ смотрамъ дворянъ, которыя производились и до учрежденія конторы въ 1722 году.

стію и разнообразіемъ хранящихся въ немъ актовъ; особенно сохранившіяся древнія грамоты коллегіи экономіи съ XIV до XVII вѣка представляютъ самое богатое собраніе памятниковъ отечественныхъ древностей. Многочисленность этихъ документовъ (болѣе 15000) съ одной стороны подаетъ высокую идею о благочестіи русскаго народа, ибо большая часть этихъ актовъ особенно относится до пожалованія монастырямъ, церквамъ и вообще черному и бѣлому духовенству недвижимыхъ имѣній и разныхъ привилегій; а съ другой стороны есть также между ними весьма много судебныхъ, межевыхъ и другихъ наименований актовъ, въ высшей степени любопытныхъ по содержанію и по формамъ судопроизводства.

Дѣла патріаршихъ приказовъ, экономическихъ управленій заключаютъ въ себѣ довольно интересныхъ документовъ, а равно изъ производствъ нѣкоторыхъ приказовъ коллегій и другихъ мѣстъ можно имѣть ясное понятіе о тогдашнемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, и между ними встрѣчаются иногда весьма любопытныя производства, показывающія степень тогдашняго образованія и развитія народныхъ нравовъ. Но въ этомъ отдѣленіи особенный интересъ представляютъ дѣла Правительствующаго Сената и состоявшихъ при немъ учреждений съ 1711 года, т. е. съ самаго основанія Сената по 1797 годъ.

Въ этомъ отдѣленіи архива хранятся документы слѣдующихъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ:

I) ПРИКАЗЫ.

1) Патріаршіе приказы.

Патріаршими приказами назывались тѣ, которые завѣдывали съ одной стороны дѣлами до духовенства относившимися, а съ другой имѣніями, принадлежавшими монастырямъ, церк-

вамъ и вообще духовнымъ властямъ. Приказы эти были слѣдующіе: монастырскій, учрежденный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; онъ завѣдывалъ дѣлами, до монастырскихъ имѣній относящимися; казенный; въ зависимости отъ него состоялъ патриаршій денежный приходъ и расходъ; дворцовый и судный, коимъ поручался разборъ дѣлъ, касающихся до духовенства, а также они завѣдывали нѣкоторыми отраслями доходовъ. Кромѣ того подчинялись патриархамъ духовный приказъ и разрядъ. Первый завѣдывалъ дѣлами, до вѣры относящимися, а второй по большей части разсматривалъ дѣла, касавшіяся лицъ духовнаго вѣдомства. Дѣла нѣкоторыхъ изъ сихъ приказовъ хранятся во II отдѣленіи архива въ слѣдующемъ количествѣ: монастырскаго 206 книгъ и 84 вязки, казеннаго 437 книгъ и 49 вязокъ, дворцоваго 488 книгъ и 130 вязокъ и суднаго 704 книги и 786 вязокъ.

2) Каменный приказъ.

Каменный приказъ былъ учрежденъ въ Москвѣ въ 1584 году (*) Великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ для того чтобы чрезъ размноженіе кирпичныхъ заводовъ обезопасить жителей отъ частыхъ пожаровъ, доставивъ имъ средства къ сооруженію каменныхъ зданій и сберечь лѣса, которые истреблялись въ большомъ количествѣ на постройки; этотъ приказъ также имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи всѣхъ рабочихъ, производившихъ разнаго рода постройки, разбиралъ споры между домохозяевами и рабочими людьми, выдавалъ планы, фасады и смѣты на зданія. Каменный приказъ былъ уничтоженъ въ 1789 году. Дѣла этого, приказа, хранящіяся въ архивѣ, начинаются съ 1775-го года, а оканчиваются 1789 годомъ. Они заключаются въ числѣ 84 книгъ и 45 вязокъ.

(*) Вообще опредѣленія мѣстъ, въ этомъ обзорѣніи помѣщенныхъ, по большей части ограничиваются дѣлами, хранящимися въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

3) Преображенскій приказъ.

Преображенскій приказъ первоначально занимался розысками солдатъ, ихъ женъ и дѣтей, пойманныхъ въ корчемствѣ (указ. 7207—1698 г. ноября 3); въ него же препровождались изъ холопьяго приказа отпущенные на волю дворовые люди и крестьяне для записки въ солдаты (указ. 1700 г. февраля 1), а потомъ въ него посылались люди, сказывающіе за собою «слово и дѣло», т. е. имѣющіе объяснить о важныхъ преступленіяхъ или намѣреніяхъ къ онымъ, для изслѣдованія ихъ показаній и принятія мѣръ къ устраненію угрожающей опасности. Сюда же поступали дѣла, относившіяся до особенныхъ смертоубійствъ и разбоевъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ (указы 1702 г. сент. 25-го 1705 г. февр. 9, 1721 г. февр. 16, 1722 г. апрѣл. 28, 1723 г. сент. 27, Высоч. резолюція на магистр. докладъ). Дѣла Преображенскаго приказа состоятъ изъ двухъ родовъ: одни сохраняются въ секретномъ отдѣленіи и недоступны для частнаго любопытства, прочія же, въ числѣ 28 книгъ, 140 вязомъ и 43 столбцевъ, находятся въ общихъ помѣщеніяхъ и не заключаютъ въ себѣ особенной важности. Они начинаются съ 1700 и оканчиваются 1729 годомъ.

4) Судный приказъ.

Время первоначальнаго учрежденія судныхъ приказовъ по разнымъ памятникамъ опредѣляется различно: по однимъ видно, что они существовали еще въ концѣ XVI вѣка, а по другимъ начало ихъ относить къ 1627 году; въ 1681 году въ судный приказъ перешли дѣла холопьяго приказа, въ 1685 году все дѣла челобитнаго приказа, а съ 1701 года все судныя и допросныя дѣла патриаршаго разряда. Въ судный приказъ поступали жалобы на несправедливости судей, дьяковъ въ тяжбныхъ дѣлахъ. Онъ же завѣдывалъ дѣлами: а) о выкупѣ заложныхъ вотчинъ (впрочемъ, въ послѣдствіи, дѣла этого рода

переведены въ помѣстный приказъ указомъ 7192—1684 г. августа 5); б) о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ; в) о взысканіи денегъ за пристанодержательство; г) разсматривалъ дѣла о татбахъ и разбоѣ безъ поличнаго, т. е. когда дѣла этого рода могли быть рѣшены, не прибѣгая къ пыткѣ (Улож. гл. XVII ст. 32, 33, глав. XX ст. 4, глава XXI ст. 49); д) свидѣтельствовавъ духовныя завѣщанія, отпускныя дворовыхъ людей (указ. 1704 г. февр. 25, ноябр. 9, 1705 г. февраля 19); е) разсматривалъ дѣла по раздѣламъ движимыхъ наслѣдственныхъ имѣній, приданыхъ и о духовныхъ завѣщаніяхъ (указ. 7200 1691 г. ноябр. 7; 1701 г. ноябр. 7), а также дѣла о насильственномъ завладѣніи, грабежѣ и разбоѣ вотчинъ и помѣстій (указ. 7191 1682 г. августа 11) и ж) посылалъ команды для поимки воровъ и разбойниковъ (указ. 1707 г. ноябр. 17). Судный приказъ былъ уничтоженъ въ 1782 году (указ. 1782 г. октября 2). Сохранившіяся въ числѣ 704 книгъ и 786 вязокъ дѣла этого приказа начинаются 1710, а оканчиваются 1787 годомъ.

5) Сыскной приказъ.

Въ 1682 году бывшій разбойный приказъ переименованъ въ сыскной приказъ (указ. 7191—1682 г. ноября 6). Предметы его занятій были: открытіе преступленій, розыскъ преступниковъ, изслѣдованіе обстоятельствъ совершенія преступленій, все это возлагалось на сыщиковъ. Онъ же посылалъ во всѣ Московскія слободы приказныхъ людей для сыска воровъ и разбойниковъ (указ. 7196 1687 г. октября 17), также командировалъ довѣренныхъ людей въ города къ воеводамъ для осмотра тамошнихъ тюремъ (указ. 7196. 1687 г. декабря 19), равно разсматривалъ дѣла о содержащихся подъ стражею колодникахъ. Въ 1701 году приказъ этотъ былъ уничтоженъ, дѣла его были распредѣлены по прочимъ приказамъ (указ. 1701 г. ноября 2); но въ 1730 году опять былъ восстановленъ подъ апелляціею юстицъ-коллегіи (указы 1730 г. марта 20 и июля

22); окончательно уничтоженъ въ 1763 году (указ. 1763 г. декабря 15-го. Дѣла этого приказа въ числѣ 439 книгъ и 104 вязокъ сохранились съ 1730 по 1764 годъ.

II. КОЛЛЕГІИ.

1) *Каммеръ-коллегія.*

Каммеръ-коллегія учрежденная въ 1718 году, наблюдала за всѣми окладными доходами государства. Въ зависимости ея состояли: денежныя дворы, подряды на вино и другія отрасли доходовъ. Она опредѣляла въ губерніи комиссаровъ и ландратовъ (указ. 1719 г. апрѣля 17), вообще предметы ея заботъ были государственные доходы и расходы. Раздѣлена она была на два департамента. Въ 1801 году коллегія эта была уничтожена (указ. 1800 г. марта 9). Для окончанія же и рѣшенія дѣлъ оставленъ былъ одинъ ея департаментъ (указы 1801 г. декабря 5, 1802 г. ноябра 23). Къ документамъ каммеръ-коллегіи относятся также ландратскія книги и ревизскія сказки первыхъ трехъ ревизій или народныхъ переписей въ Россіи, изъ коихъ первая произведена въ 1719, вторая въ 1740 и третья въ 1762 годахъ. Дѣла каммеръ-коллегіи изъ сохранившихся во II-мъ отдѣленіи начинаются съ 1704, а оканчиваются 1802 годомъ (*). Они заключаются: а) въ числѣ 2106 книгъ и 2293 вязокъ; б) этой же каммеръ-коллегіи ландратскихъ и ревизскихъ 1-й, 2-й и 3-й ревизій полныхъ и разбитыхъ 4242 книги.

2) *Ревизионъ-коллегія.*

Въ 1718 году учреждена ревизионъ-коллегія. Она наблюдала за денежнымъ движеніемъ въ коллегіяхъ, ревизовала сче-

(* Прим. Въ числѣ этихъ дѣлъ есть такія, которыя образовались до учрежденія коллегіи.

ты всѣмъ государственнымъ доходамъ и расходамъ, также занималась взысканіемъ недоимокъ. Ревизионъ-коллегія въ 1722 году присоединена была къ Сенату и названа конторою (указ. 1722 г. января 12); въ 1725 же году, оставаясь въ полномъ вѣдомствѣ Сената, получила прежнее наименованіе коллегіи (указы: 1725 г. іюля 7, 1726 г. марта 7). Въ 1728 году переведена въ Москву (указ. 1728 г. іюня 7), а въ 1737 году опять въ Петербургъ, а въ Москвѣ учреждена ея контора (1737 года іюля 4 резолюція кабинета министровъ), въ 1763 году раздѣлена была на 5 департаментовъ, по которымъ и учинено распределеніе дѣлъ, но дѣла по лихоимству рѣшались въ общемъ присутствіи коллегіи. Ревизионъ-Коллегіею и конторою ея управлялъ одинъ изъ сенаторовъ, смѣнявшихся ежегодно (указ. 1763 г. декабря 15, манифестъ о штатахъ). Дѣла ея съ 1718 по 1806 годъ заключаются въ 15768 книгахъ и 1002 вязкахъ, изъ нихъ 100 разбитыхъ и веткихъ, собранныхъ послѣ 1812 года. При ревизионъ-коллегіи находятся иногородныя крѣпостныя книги съ 1730 по 1769 годъ.

3) Коллегія экономіи.

Коллегія экономіи учреждена въ 1726 году (указъ 1726 года сентября 27 дня), вмѣсто 2-го департамента синодальнаго правленія. На обязанности ея лежало управленіе имѣніями, принадлежавшими архіереямъ, монастырямъ и вообще духовнымъ властямъ, кои до учрежденія ея завѣдывали патриаршіе приказы: монастырскій, дворцовый, казенный и синодальное экономическое правленіе. Дѣла коллегіи экономіи вмѣстѣ съ дѣлами монастырскаго приказа съ 1712 по 1763 годъ сохранились въ числѣ 4 книгъ. Крімъ того при дѣлахъ этой же коллегіи хранится нынѣ 15000 подлинныхъ грамотъ и выписей, поступившихъ сюда изъ духовнаго вѣдомства при переходѣ недвижимыхъ имѣній, принадлежавшихъ монастырямъ, въ вѣдомство сей коллегіи. Грамоты эти и другіе юридическіе акты по-

слѣдовали отъ Великихъ князей и царей Россійскихъ и разныхъ извѣстныхъ членовъ древней Россійской аристократіи и другихъ лицъ. Къ документамъ этой коллегіи принадлежатъ также дѣла синодальнаго и Елецкаго экономическихъ правленій. Дѣлопроизводство коллегіи экономіи, хранящееся во II-мъ отдѣленіи архива, начинается съ 1763-го и оканчивается 1787-мъ годомъ. Впрочемъ дѣла о вѣчныхъ памятяхъ и другіе документы, помѣщенные въ этихъ же дѣлахъ, относятся даже къ 1723 году. Вообще же всѣ дѣла коллегіи экономіи и относящихся къ ней учреждений заключаются въ числѣ 17606 книгъ и 1569 вязокъ.

4) Юстицъ-коллегія.

Юстицъ-коллегія, учрежденная въ 1718 году (указ. 1718 г. мая 9), производила судныя дѣла по части гражданской и уголовной (1718 г. мая 9 Высоч. рескр. на докладѣ юст. кол., указы: авг. 28, дек. 12 и 22; 1719 г. января 15, іюля 15, окт. 15, и 1730 г. мар. 20. Высоч. резол. указ. іюля 22); также дѣла, вносимыя въ нее порядкомъ апелляціоннымъ по жалобамъ на надворные суды, дѣла по доношеніямъ фискаловъ и исключительный судъ надъ ними (указы 1718 г. декаб. 22; 1719 г. января и ноября 16); въ ней разбирались тяжбы иноземцевъ, служившихъ въ коллегіяхъ, какъ между собою, такъ и съ посторонними людьми, въ ней же производились слѣдствія надъ преступниками; дѣла судныя межевыя; она же судила крестьянъ и всѣхъ лицъ, находившихся въ вѣдѣніи Синода, по дѣламъ, подвергавшимъ ихъ смертной казни. Юстицъ коллегія, находясь въ Москвѣ, раздѣлялась на 4 департамента. Ей подчинены были: помѣстный, на короткое впрочемъ время— до 1720 года (указы 1718 г. мая 9 и августа 8 и 1719 г. января 15 дня) и сыскной приказъ въ Москвѣ и юстицъ контора въ С. Петербургѣ, а также главные губернскіе и надворные суды, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Сохранившіяся дѣла юстицъ-коллегіи и конторы ея по 1786 годъ за-

клетаются въ числѣ 4072 книгъ и 635 вязокъ; при дѣлахъ этой коллегіи хранятся крѣпостныя книги съ 1701 по 1787 г.

III. конторы.

1) Сенатская контора.

Для высшаго надзора за производствомъ дѣлъ въ Москвѣ и вслѣдствіе неудобства для губерній, прилегающихъ къ оной, обращаться по дѣламъ въ Петербургъ, учреждена была въ 1722 году (указа 1722 г. января 19) въ Москвѣ контора Сената она состояла изъ столькихъ членовъ, сколько было въ Москвѣ коллежскихъ конторъ. Первоприсутствующимъ же въ ней былъ одинъ изъ сенаторовъ, назначавшійся ежегодно по очереди. Обязанности Сенатской конторы были записывать полученные отъ Государя или Сената указы, наблюдать за исполненіемъ коллежскими конторами ихъ должности, принимать челобитныя на медленное производство дѣлъ въ Московскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Право окончательнаго рѣшенія она имѣла только тогда, когда осужденный приговаривался къ наказанію штрафомъ; но если онъ подлежалъ естественной или политической смерти или временной ссылки на галеры, то такія дѣла и самыя осужденныя присылались въ Сенатъ. О всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Сенатская контора должна была вести подробный журналъ и ежемѣсячно доносить Сенату (указъ 1822 года января 19 и апрѣля 6). Уничтоженіе Сенатской конторы послѣдовало въ 1763 году. Въмѣсто ея Императрица Екатерина учредила въ Москвѣ два департамента Сената. Впрочемъ Сенатская контора непостоянно находилась въ Москвѣ. Она временно открывалась въ С.-Петербургѣ, во время нахождения Сената вмѣстѣ съ дворомъ въ Москвѣ. Дѣла Сенатской конторы отъ 1730 по 1763 годъ въ числѣ 523 книгъ и 72 вязокъ хранятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

2) *Рекетмейстерская контора.*

Для облегченія способовъ каждому къ отысканію правосудія Петръ указомъ 1722 года января 11 учредилъ при Сенатѣ должность рекетмейстера; на обязанности его лежало: принимать жалобы на проволочки и несправедливыя рѣшенія присутственныхъ мѣстъ. Онъ имѣлъ право отпрапляться въ присутственное мѣсто и требовать неотложнаго окончанія дѣла въ извѣстные сроки; въ случаѣ же уклоненія отъ того и проволочки онъ прямо могъ о томъ доносить Государю. Просьбы, поданныя на имя Императора, поступали къ нему же на предварительное разсмотрѣніе. Указомъ 1727 года марта 7 должность рекетмейстера была отмѣнена, а исправленіе его должности было возложено на оберъ-прокурора Сената. Императрица Анна Иоановна въ 1730 году опять возстановила должность рекетмейстера. При рекетмейстерѣ существовала особая контора, дѣла которой, по уничтоженіи въ 1763 году Императрицею Екатериною должности рекетмейстера, переданы ею второму департаменту Правительствующаго Сената. Дѣла рекетмейстерской конторы съ 1722 по 1748 годъ, въ числѣ 66 книгъ хранятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

3) *Банковая контора.*

Банковыя конторы учреждены были въ 1754 году (указъ 1754 г. мая 13) въ Москвѣ и С. Петербургѣ для ссуды дворянамъ въ займы денегъ подъ залоги недвижимыхъ ихъ имѣній и драгоценныхъ вещей. Дѣла Московской конторы, заключающаясь въ 914 книгахъ, начинаются съ 1754 года и оканчиваются 1800 годомъ.

4) *Главная соляная контора.*

Главная соляная контора, учрежденная въ 1731 году (указъ 1731 г. августа 10), завѣдывала дѣлами, касающимися до снаб-

женія государства солью и продажи ея отъ казны. До разсмотрѣнія и суда главной соляной конторы относились вообще расчеты съ поставщиками соли и дѣла между соляными промышленниками (указы 1732 года января 23, марта 16, Юля 6 и октября 2). Контора эта находилась въ Москвѣ и отъ нея зависѣли конторы: С. Петербургская, Низовская въ Саратовѣ, Нижегородская и Сибирская въ Тобольскѣ, также комисарства: Псковское, Олонекое, Архангельское, Самарское, Оренбургское и Дмитровское или Камышинское. Дѣла о продажѣ соли хранящіяся во II-мъ Отдѣленіи съ 1727 по 1772 годъ, заключаются въ числѣ 298 книгъ.

5) *Камеръ контора лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ.*

Въ 1742 году камерный департаментъ лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, бывъ отдѣленъ отъ тамошней юстицъ-коллегіи преобразованъ въ камеръ-контору. Предметы занятій камеръ конторы лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ заключались вообще въ приведеніи въ извѣстность государственныхъ поземельныхъ доходовъ, собираемыхъ въ Лифляндіи и Эстляндіи. Дѣла ея, хранящіяся во II-мъ отдѣленіи съ 1716 (*) по 1799 годъ, заключаются въ числѣ 3008 книгъ и 28 вязокъ.

6) *Цалмейстерская контора.*

Контора эта получила начало въ 1750 году когда камеръ коллегіею для приращенія казенныхъ доходовъ было набавлено на каждое ведро вина въ питейныхъ домахъ по 50 коп. Для наблюденія за сборомъ этихъ денегъ учреждена была въ томъ же году при камеръ коллегіи цалмейстерская контора (указъ 1750 г. мая 29); главные предметы занятій ея состояли въ

(*) Въ камеръ контору лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ поступили дѣла существовавшихъ до ея учрежденія камеръ конторы и юстицъ коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, соединенныхъ въ 1729 году въ одну коллегію, которая была раздѣлена на два департамента.

томъ, чтобы: а) принимать и записывать въ приходныя книги присылаемыя изъ разныхъ мѣстъ, новоположенныя съ винной продажи деньги и о полученіи ихъ увѣдомлять тѣ мѣста; б) вести особую расходную книгу о расходахъ изъ получаемыхъ съ сего предмета денежныхъ суммъ. Цалмейстерская контора обязана была составлять каждую треть и потомъ за цѣлый годъ генеральный отчетъ о всѣхъ получаемыхъ и хранящихся въ конторѣ деньгахъ и представлять его въ Правительствующій Сенатъ. Сохранившіяся дѣла этой конторы съ 1739 (*) по 1765 годъ заключаются въ числѣ 22 книгъ и 109 вязокъ.

7) *Штатсъ-контора.*

Штатсъ-конторъ коллегія, учрежденная въ 1718 году, завѣдывала всѣми государственными расходами указъ 1718 г. декаб. 12) и занималась составленіемъ штатовъ расходамъ по каждому вѣдомству и мѣсту отдѣльно реглам. штатсъ-конторы 1719 г. февраля 12 ст. 23. Въ 1726 году она была присоединена къ камеръ-коллегіи; но въ 1730 году составила опять особое, независимое отъ прочихъ коллегій вѣдомство. Сохранившіяся дѣла этой конторы съ 1719 по 1784 годъ заключаются въ числѣ 657 книгъ и 737 вязокъ.

8) *Юстицъ-контора.*

Для устраненія медленности въ рѣшеніи дѣлъ, поступавшихъ въ большомъ количествѣ въ юстицъ-коллегію, въ 1735 году учреждена была въ С.-Петербургѣ юстицъ-контора, которая и подчинялась юстицъ-коллегіи. Она завѣдывала тѣми же дѣлами, кои лежали на обязанности первой, по С. Петербургской губерніи и Ингерманландіи, впрочемъ подъ апелляціею юстицъ-

(*) Такъ какъ цалмейстерская контора была учреждена въ 1730 году въ видѣ контрольнаго отдѣленія при камеръ коллегіи, то въ нее поступили также и дѣла другихъ подобныхъ учрежденій при камеръ коллегіи существовавшихъ прежде цалмейстерской конторы.

коллегии. Эта же контора занималась совершением крѣпостныхъ актовъ и записываніемъ ихъ въ особо установленныя книги. Въ 1780 году, по учрежденіи въ губерніяхъ палатъ гражданскаго суда, дѣйствія юстицъ-конторы окончились. Дѣла юстицъ конторы начинаются съ 1702 (*) по 1785 годъ, крѣпостныя книги съ 1710 по 1783 годъ.

9) Ямская контора.

Ямская контора была учреждена въ 1722 году вмѣсто ямскаго приказа; она завѣдывала всѣми дѣлами, касавшимися до почтовой гоньбы, отдавала паспорта ямщикамъ (указъ 1764 г. февраля 10), и подорожныя отъѣзжающимъ (указы: 1742 г. февраля 3 и 1769 г. марта 3) наблюдала за доставленіемъ пакетовъ и посылокъ по назначеніямъ (указы: 1756 г. августа 23, 1761 г. іюля 18, и 1764 г. декабря 24); также занималась судомъ и расправою между ямщиками, кромѣ уголовныхъ и важныхъ дѣлъ (указы: 1728 г. іюня 30, 1749 г. февраля 22 и 1750 г. сентября 27). Дѣла этой конторы съ 1721 по 1782 годъ хранятся въ числѣ 260 книгъ.

IV. канцеляріи.

1) Губернская канцелярія.

Съ открытіемъ въ 1708 году 8-ми губерній получила первоначальное образованіе въ Московской губерніи губернская канцелярія, а въ послѣдствіи и въ прочихъ губернскихъ городахъ открыты губернскія канцеляріи. Канцелярія эта, состоя подѣ непосредственнымъ и главнымъ завѣдываніемъ губернатора, а въ случаѣ его отсутствія въ распоряженіи его товарища, занн-

(*) Въ юстицъ-контору поступили разныя дѣла спорныя гражданскія и уголовныя, производившіяся еще прежде учрежденія этой конторы.

малась дѣлами, относящимися до благоустройства городовъ, каждая по своей губерніи производила судныя и розыскныя дѣла до утвержденія приказовъ: суднаго и розыскаго распоряжалась поимкою бѣглыхъ и разбойниковъ, понуждала ко взносу окладныхъ и другихъ казенныхъ сборовъ, равно пеклась и о срочномъ выполненіи рекрутскихъ повинностей. Она же собирала свѣдѣнія о числѣ жителей городовъ и цѣлой губерніи.

Въ 1782 году Московская губернская канцелярія вмѣстѣ съ учрежденнымъ при ней въ 1776 году департаментомъ была уничтожена (указъ 1782 г. октября 2). Дѣла этой канцеляріи съ 1707 по 1787 годъ заключаются въ числѣ 1751 книгъ и 808 вязокъ.

2) *Дмитріевская воеводская канцелярія.*

Уѣздное или городское управленіе по всѣмъ различнымъ отраслямъ его ввѣрялось вѣдѣнію воеводъ; при нихъ для производства дѣлъ полагалась воеводская канцелярія. Въ нихъ по штату 1716 года положены разные канцелярскіе служители, секретарь, надсмотрщикъ, канцеляристы и кописты. Обязанность городовыхъ канцелярій была: 1) обвѣщать указы, изъ губерній и изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ полученные, рассылая ихъ съ нарочными по уѣзду, 2) смотрѣть за дорогами и мостами, 3) собирать свѣдѣнія о числѣ положенныхъ въ окладъ жителей, 4) отыскивать и изкоренять воровъ и разбойниковъ, 5) собирать доходы и посылать счета книгъ о числѣ получаемыхъ ею доходовъ, такъ и о расходахъ изъ нихъ въ ревизионъ-коллегію, 6) отсылать преступниковъ для пытки въ провинціальную канцелярію, 7) она же разматривала тяжбы дѣла по уѣзду, исключая дѣлъ купечества, подсуднаго только магистрату или ратушѣ. На основаніи этого и занятія Дмитровской воеводской канцеляріи состояли въ вышеписанныхъ предметахъ. Дѣла въ количествѣ 999 книгъ и 249 вязокъ начинаются съ 1744 по 1783 годъ.

3) *Канцелярія конфискаціи.*

Учрежденная въ 1729 году канцелярія конфискаціи занималась управленіемъ и назначеніемъ къ аукціонной продажѣ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній, конфискованныхъ за вины, недоимки по казеннымъ виннымъ подрядамъ и поставкамъ, также описанныхъ за долги и преступленія (инстр. конфиск. 1730 г. август. 7 ст. 1). Къ ней въ 1735 году присоединена была доимочная канцелярія, (указы: 1735 г. декабря 23 и 1736 г. января 31) и отъ нея зависѣла контора конфискаціи въ Москвѣ (указы: 1737 г. сентября 13, 1738 г. марта 16, и аукціонная камера (указъ 1733 г. марта 17). Дѣла о конфискованныхъ имѣніяхъ съ 1706 по 1783 годъ заключаются въ 870 книгахъ и 490 вязкахъ.

4) *Тайная канцелярія.*

Тайная канцелярія учреждена была Императоромъ Петомъ I-мъ по причинѣ случившихся въ 1718 году чрезвычайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Предметы вѣдомства этой канцелярії были: оскорбленіе величества и нарушеніе общаго спокойствія (указъ 1722 года апрѣля 28). Въ 1731 году тайная канцелярія была переведена въ С. Петербургъ, а въ Москвѣ оставлена ея контора, при чемъ подтверждено, чтобы дѣла этой канцелярії производились секретно (указъ 1732 г. августа 12). Въ 1745 году въ тайную канцелярію переданы для храненія за печатью дѣла и указы съ титуломъ принца Юанна (указъ 1745 года августа 12). Въ 1762 году тайная канцелярія уничтожена и дѣла ея запечатаны къ вѣчному забвенію; дѣла же по государственнымъ преступленіямъ, ежели бы такія случились, установлено разсматривать и рѣшать въ Сенатѣ (манifestъ 1762 г. февраля 11 и 1762 г. октября 19).

5) *Полиціймейстерская канцелярія.*

Полиціймейстерская канцелярія, учрежденная въ 1718 году, обязывалась наблюдать за благоустройствомъ и спокойствіемъ

города Москвы; такъ она должна была имѣть надзоръ за тѣмъ, чтобы въ Кремль и Китай-городъ возводились каменные строения, а въ другихъ мѣстахъ города деревянные, по узаконеннымъ правиламъ, въ то время изданнымъ; она также распоряжалась принятіемъ мѣръ осторожности отъ пожаровъ и прекращеніемъ ихъ, поимкою воровъ и подозрительныхъ людей, пеклась о чистотѣ города, устройствѣ мостовыхъ (1722 г. декабря 10 инструкція полиціимейстер. канцеляріи) и проч. Дѣла этой канцеляріи съ 1724 по 1782 годъ хранятся въ числѣ 740 книгъ и 95 вязокъ.

V. экспедиціи.

1) Для заведенія въ Россіи казенныхъ винокуренныхъ заводовъ.

Въ 1766 году правительство, желая усилить казенное винокурение, учредило особенную для сего экспедицію, коей вмѣнялось въ обязанность изыскивать способы къ пріисканію удобныхъ мѣстъ, на коихъ бы съ выгодною для казны можно было устроить какъ винокуренные заводы, (*) такъ и потребные къ нимъ хлѣбные магазины, чѣмъ самымъ она и занималась. Дѣла этой экспедиціи съ 1742 по 1813 годъ сохранились въ числѣ 802 книгъ и 62 вязокъ.

2) Розыскная экспедиція.

Она учреждена въ 1729 году и занималась по предписаніямъ полиціи розыскомъ краденныхъ вещей, поимкою воровъ и разбойниковъ, и по отысканіи отсылала ихъ въ тѣ присут-

(*) Объ устройствѣ казенныхъ винокуренныхъ заводовъ послѣдовали Высочайше утвержденные отъ Правительствующаго Сената доклады 1767 года апрѣля 26 и августа 18-го.

ственные мѣста, гдѣ должны производиться дѣла о нихъ и особенно въ сыскной приказъ. Дѣла этой экспедиціи съ 1740 по 1783 годъ хранятся въ числѣ 190 книгъ и 200 вязокъ.

VI) КОММИССИИ.

1) Коммиссія строенія каменныхъ зданій въ С. Петербургѣ и Москвѣ.

Коммиссія эта учреждена въ 1762 году (указъ 1762 г. декабря 11). Предметы ея занятій заключались въ составленіи разныхъ проэктвъ, плановъ, предположеній и прочихъ соображеній касательно возведенія каменныхъ зданій въ столицахъ Москвѣ и С. Петербургѣ. Дѣла ея съ 1763 года сохранились въ числѣ 8 вязокъ, при нихъ плановъ и чертежей 570.

2) Коммиссія для построенія казанскаго собора въ С. Петербургѣ.

Императоръ Павелъ 1-й въ 1800 году предположилъ соорудить въ С. Петербургѣ великолѣпную соборную церковь во имя Казанскія Божія Матери, для чего и учредилъ особую коммиссію, которая занималась построеніемъ этого собора 10-тъ лѣтъ. Дѣла этой коммиссіи, заключающіяся въ смѣтахъ, контрактахъ, отчетахъ, и прочемъ дѣлопроизводствѣ, относящемся до сооруженія храма, хранятся въ числѣ 300 книгъ и 51 вязки съ 1800 по 1828 годъ.

3) Коммиссія для предохраненія жителей Москвы отъ моровой язвы, бывшей въ 1771 году.

Главною обязанностію этой коммиссіи было изысканіе мѣръ для сохраненія народнаго здравія. Она должна была имѣть над-

зоръ за тѣмъ, чтобы въ городѣ все, предписываемое отъ комиссіи предохраненія и врачеванія для пользы народа и города, исполняемо было неотложно. Дѣла этой комиссіи заключаются въ разныхъ распоряженіяхъ, совѣщательныхъ и полицейскихъ мѣрахъ, разнаго рода свѣдѣніяхъ о дѣйствіи болѣзни, наставленіяхъ о врачеваніи и предохраненіи отъ нея, устройствѣ карантинныхъ и больницъ, журналахъ комиссіи, рапортахъ и вѣдомостяхъ въ Правительствующій Сенатъ, равно въ происшествіяхъ, въ это время случившихся въ Москвѣ, грабежахъ, разбояхъ, поимкѣ бѣглыхъ и прочемъ. Они сохранились съ 1771 по 1782 годъ въ числѣ 16 книгъ и 10 вязокъ.

4) Коммиссія о вспоможеніи раззореннымъ отъ непріятеля въ 1812 году.

Указомъ императора Александра, даннымъ Правительствующему Сенату 19-го сентября 1812 года, учреждено въ С. Петербургѣ для сбора добровольныхъ подаеній общество подъ названіемъ: «сословіе призрѣнія раззореннымъ отъ непріятеля». Обязанность сословія заключалась: 1) въ пріемѣ и храненіи денежнаго сбора, 2) въ разсмотрѣніи нуждъ и удовлетвореніи просителей денежными пособіями, 3) въ обнародованіи именъ тѣхъ благотворителей, которые дѣлали значительное пожертвованіе, съ доведеніемъ о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Дѣла этой комиссіи, оканчиваясь 1818 годомъ, сохранились въ числѣ 66 книгъ и 21-й вязки.

5) Коммиссія для разсмотрѣнія прошеній раззоренныхъ въ 1812 году отъ непріятеля въ Москвѣ.

Коммиссія эта учреждена вскорѣ по выходѣ непріятеля изъ Москвы. Обязанность ея состояла въ доставленіи вспоможенія собственно жителямъ Московской столицы и ея губерніи, почему въ оную и должны были обращаться всѣ требующіе вспоможенія съ прошеніями. Она еженедѣльно черезъ мини-

Стра полиціи подносила краткую вѣдомость о дѣйствіяхъ своихъ Его Величеству. Дѣла ея съ 1812 по 1819 годъ хранятся въ числѣ 125 книгъ и 19 вязокъ.

6) *Коммиссія составленія свода запрещеній и разрѣшеній на имѣнія:*

Главная обязанность коммиссіи состояла въ пересмотрѣ всѣхъ запрещеній, существовавшихъ въ цѣлой Россіи въ письменныхъ книгахъ и заключававшихся въ 300,000 статьяхъ, извлеченіи изъ нихъ особыхъ билетовъ, объясняющихъ или статью запретительную или разрѣшительную, обозначеніи на каждомъ изъ нихъ кромѣ имени и фамиліи, времени и нумера, когда наложено запрещеніе, и за тѣмъ въ отдѣленіи уничтоженныхъ статей и въ приведеніи въ систематическій порядокъ, расположенный алфавитнымъ образомъ по фамиліямъ владѣльцевъ, статей запретительныхъ, которымъ и напечатанъ общій алфавитъ, въ сношеніяхъ съ мѣстами и лицами, налагавшими запрещенія, съ тѣмъ, чтобы они увѣдомили коммиссію: слѣдуетъ ли продолжать запрещеніе или уничтожить оное и въ первомъ случаѣ о доставленіи запретительныхъ статей. Производства коммиссіи съ 1822 по 1845 годъ заключаются въ 693 книгахъ и 70 вязкахъ

7) *По домамъ оберъ-шенка графа Головина.*

Эта коммиссія занималась уплатою долговъ, лежащихъ на имѣніи графа Головина, которые обыкновенными средствами не могли быть погашены, ибо превышали цѣнность самаго имѣнія, почему и открыта была для сего лотерея, извѣстная подъ именемъ Головинской, посредствомъ коей разыграно было принадлежавшее ему имѣніе. Дѣлопроизводства этой коммиссіи съ 1821-го по 1823-й годъ заключаются въ 560 книгахъ и 16-ти вязкахъ.

8) *По дѣламъ тайной совѣтницы Брискорнъ.*

Въ 1822 году учреждена была особая коммиссія, которая занималась изслѣдованіемъ по жалобамъ крестьянъ на свою помещицу Брискорнъ, поданнымъ ими въ разное время. Дѣла этой коммиссіи, оканчиваясь 1823 годомъ, заключаются въ 22 вязкахъ.

9) *О бывшемъ воеводѣ города Пензы Жуковѣ.*

Дѣла о бывшемъ въ Пензѣ воеводою Жуковѣ заключаются въ разныхъ извѣтахъ, поданныхъ на него въ лихоимствѣ и разныхъ притязаніяхъ, по коимъ и производилось слѣдствіе съ 1749 по 1756 годъ. Дѣла этой коммиссіи заключаются въ 480 книгахъ.

10) *По дѣламъ о долгахъ Шкловскаго имѣнія.*

Шкловское имѣніе, бывшее въ опекуномъ управленіи, не могло погасить лежавшихъ на немъ долговъ казенныхъ и частныхъ въ теченіи 15-ти лѣтняго пребыванія его въ обыкновенномъ управленіи по причинѣ безпрестанныхъ перемѣнъ лицъ, распоряжавшихся этимъ имѣніемъ. Почему въ 1819 году учреждена особая коммиссія для совершенной уплаты долговъ, находившихся на этомъ имѣніи. Въ 1821 году она окончила возложенное на нее порученіе; сохранившіяся дѣла ея заключаются въ числѣ 247 книгъ и 103 вязокъ.

VII. КОМИТЕТЫ.

1) *Комитетъ о милиціи 1806 года.*

Дѣла милиціи заключаются въ росписаніяхъ числа людей, собранныхъ для составленія внутренняго войска въ 1806

Году къ защитѣ государства, когда усплившееся могущество Франціи угрожало общеою опасностію. Хранящіяся дѣла милиціи содержатъ съ себѣ правила объ образованіи милиціоннаго войска, послужные списки чиновъ, находившихся въ этомъ войскѣ, и разнаго рода переписки, до сего предмета относящіяся. Дѣла этого комитета заключаются въ 37 книгахъ и 113-ти вязкахъ.

2) *С. Петербургскаго ополченія.*

Комитетъ этотъ учрежденъ въ 1812 году и состоялъ изъ трехъ членовъ: генерала графа Аракчеева, министра полиціи Балашева и государственнаго секретаря Шишкова. Предметы его соображеній были: а) оборона Москвы отъ непріятеля, в) защита Петербурга, с) составленіе резерва. Во II-мъ отдѣленіи архива хранятся дѣла, относящіяся до II-го округа сего ополченія, т. е. С. Петербургскаго и Новгородскаго. Въ 1816 году послѣдовало закрытіе всѣхъ комитетовъ, учрежденныхъ для ополченія (указ. 1816 года декабря 7). Дѣла этого комитета хранятся въ числѣ 380 книгъ и 6 вязокъ.

3) *Комитетъ для разсмотрѣній лифляндскихъ дѣлъ.*

Комитетъ этотъ учрежденъ въ С. Петербургѣ въ 1803 году (указ. 1803 г. мая 11); обязанность его состояла въ томъ, чтобы составить общее законоположеніе о политическомъ устройствѣ и повинностяхъ поселянъ лифляндской губерніи. Дѣлопроизводство этого комитета, хранящееся во II-омъ отдѣленіи архива съ 1803-го по 1812 годъ, заключается въ числѣ 33 книгахъ и 9 вязокъ.

4) *Комитетъ для составленія описанія архивовъ: сенатскаго, государственнаго и вотчиннаго.*

Въ 1835 году бывшій министръ юстиціи Д. В. Дашковъ, желая сдѣлать болѣе доступными государственные архи-

вы каждому, учредилъ для сего особенный комитетъ, давъ ему въ руководство утвержденное имъ 13-го марта того же года положеніе, коимъ вмѣнено въ обязанность комитету, обзрѣвъ архивы во всѣхъ отношеніяхъ, составить имъ подробныя описанія, отдѣливъ документы, заслуживающіе особеннаго вниманія отъ прочихъ. Занятія комитета по описанію архивовъ продолжались до 1842 года. Дѣла этого комитета заключаются въ числѣ 4 книгъ и 1 вязки.

VIII.) Казначейства.

1) Штатныя казначейства.

Въ 1780 году учреждены въ Москвѣ и С. Петербургѣ казначейства для штатныхъ суммъ. Они ассигновывали суммы на жалованье духовнымъ, гражданскимъ и суднымъ мѣстамъ, на пенсіоны, штатами и указами опредѣленные, на строеніе и заведеніе всякихъ училищъ и другіе расходы (указ. 1780 г. октября 24 статья 1 и 2). Документы штатнаго казначейства съ 1791 по 1823 годъ заключаются въ числѣ 1281 книги и 35 вязокъ.

2) Остаточное Казначейство.

Это казначейство, учрежденное въ одно время со штатными, завѣдывало всѣми государственными приходными суммами, оставшимися за назначеніемъ на сухопутныя войска, флотъ и на другіе въ государствѣ штатами и особыми указами о предѣленные расходы. По штатамъ положена на жалованье вездѣ полная сумма, производить же оную велѣно на наличное число; а за тѣмъ остатки отъ неполнаго числа чиновъ отсылались въ остаточное казначейство. Сюда же принадлежали и доходы, которые устанавливались вѣсью (указ. 1780 г. августа 4 ст. 1, 2,

3, 4 и 5). Дѣла этого казначейства въ Москвѣ съ 1781 по 1823 годъ хранятся въ числѣ 520 книгъ и 119 вязокъ.

IX) МОСКОВСКАЯ РАТУША.

Московская ратуша, переименованная въ 1699 году (указ. 1699 г. ноября 17) изъ бурмистерской палаты, занималась разборомъ дѣлъ по купечеству, сборомъ доходовъ въ пользу города, преслѣдовала и обнаруживала корчемство и утайки пошлинъ; она же совершала крѣпостные документы, кои были слѣдующихъ родовъ: лавочные, дворовые, заемные, сдѣлочные, подрядные, товарные, рядные наемные, прикащиковъ и мастеровъ; а также утверждала раздѣльные акты, духовныя завѣщанія, рядныя записи и заемныя письма между купечествомъ; она же выдавала имъ паспорта (указ. 1700 г. января 15). Дѣла этой ратуши, сохранившіеся съ 1729 по 1752 годъ, заключаются въ числѣ 30 книгъ и 6 вязокъ.

X) МАГИСТРАТЫ.

1) *Главный Магистратъ.*

Обязанность главнаго магистрата, получившаго начало въ 1720 году, состояла въ размноженіи мануфактуръ, торговли и всякаго рода промышленности, онъ принималъ мѣры къ лучшему устройству городовъ, ярмарокъ, производилъ высшій судъ и расправу между торговыми людьми и ремесленниками; охранялъ горожанъ отъ притѣсненій воеводъ и властей земскихъ, предотвращалъ тягости отъ горожанъ при сборѣ казенныхъ повинностей, также наблюдалъ за необременительнымъ размѣщеніемъ войскъ на квартированіе въ городахъ; пекся о распространеніи

большей образованности между горожанами, объ умноженіи торговыхъ мѣстъ и проч. (1721 г. января 16 регламентъ главн. магистр. указъ 1725 г. декабря 15.) Въ регламентъ главнаго магистрата сказано: и государь, милосердуя о живущихъ въ городахъ «купечествѣ и крестьянахъ, яко разсыпанной хранилѣ, указалъ «всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей во всѣхъ дѣлахъ «судомъ и расправою и татинными разбойными дѣлами вѣдать, «кромѣ великихъ государственныхъ дѣлъ, въ главномъ магистратѣ» (1721 г. января 16. инстр. глав. магистр. глава IX). Дѣла этого магистрата съ 1719 по 1788 годъ сохранились въ числѣ 725 книгъ и 367 вязокъ.

2) *Московскій Магистратъ.*

Въ городахъ, на основаніи тогоже регламента, даннаго главному магистрату, учреждены городовые магистраты, которые обнимали весь кругъ дѣйствій городского управленія. Въ нихъ сосредоточивались дѣла управленія общественнаго, полицейскаго и судебного, а слѣдственно производилось въ совокупности все то, что нынѣ вершится отдѣльно въ городской думѣ, городомъ магистратѣ и градской полиціи. Онъ разсматривалъ, судилъ и рѣшалъ всѣ дѣла городскихъ жителей судныя, гражданскія и уголовныя и объ исполненіи приговоровъ доносилъ главному магистрату, подѣ опасеніемъ въ противномъ случаѣ денежнаго штрафа или наказанія судебного (инстр. мая 1724 г. п. 3. 4. 5. 6 и 7.). Дѣла Московскаго магистрата съ 1721 по 1799 годъ заключаются въ 1060 книгахъ и 110 вязкахъ.

3) *Дмитровскій Магистратъ.*

Занятія и обязанности этого магистрата заключались въ томъ же, въ чемъ и Московскаго магистрата. Дѣла его хранятся въ числѣ 483 книгъ и 59 вязокъ.

Въ томъ же II-мъ отдѣленіи архива хранится часть дѣлъ, слѣдующихъ Московскихъ пресутственныхъ мѣстъ: словеснаго суда въ числѣ 13 книгъ и 12 вязокъ; палаты гражданскаго суда въ числѣ 35 книгъ и управы благочинія—211 книгъ и 147 вязокъ, а также Бронницкаго уѣзднаго суда въ числѣ 7 вязокъ, и дѣла дополнительнаго штата Московскихъ сенатскихъ архивовъ 9 вязокъ.

Кромѣ сего въ 1855 году, по распоряженію г. министра юстиціи, поступили во II-е отдѣленіе препровожденныя изъ С. Петербургскаго Сенатскаго архива дѣла Правительствующаго Сената первоначально съ 1711 по 1733 годъ, потомъ съ 1733 по 1764 годъ, до раздѣленія онаго на департаменты въ числѣ 965 книгъ и 68 вязокъ, а также дѣла 1-го департамента въ числѣ 1283 книгъ и 48 вязокъ, 2-го 496 книгъ и 43 вязокъ, 3-го 390 книгъ и 121 вязки и 4-го 317 книгъ и 21 вязки, по 1796 годъ, а равно разныхъ учрежденій, бывшихъ при С. Петербургскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената въ числѣ 19 книгъ и 36 вязокъ. Затѣмъ въ прошломъ 1858 году передана въ это же отдѣленіе изъ С. Петербургскаго Сенатскаго архива остальная часть дѣлъ Правительствующаго Сената по 1797 годъ, въ числѣ 1017 книгъ и вязокъ, въ числѣ коихъ находятся присяжные листы на вѣрность подданства съ 1731 по 1762 годъ, заключающіеся въ 142 вязкахъ.

XI) дѣла правительствующаго сената.

Въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи хранятся дѣла Правительствующаго Сената и разныхъ подвѣдомственныхъ ему установлений со времени учрежденія его съ 1711 по 1797 годъ, въ числѣ 6606 книгъ и 725 вязокъ.

Вообще же во II-мъ отдѣленіи архива министерства юстиціи, кромѣ секретныхъ дѣлъ, находящихся въ запечатанныхъ шкафахъ, хранятся: а) столбцевъ съ прочими отдѣльными документами 15404, б, книгъ 72710, въ томъ числѣ книгъ съ опсиами и алфавитами 307, вязокъ съ дѣлами 11576.

III-е ОТДѢЛЕНИЕ АРХИВА

или

БЫВШІЙ ВОТЧИННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТЪ.

Въ III отдѣленіи сосредоточены дѣла и документы древней помѣстной и вотчинной системы, существовавшей въ Россіи до 1731 года, когда послѣдовало уничтоженіе различія между помѣстьемъ и вотчиною, и они соединены подъ общимъ именемъ недвижимыхъ имѣній, а также, дѣла и документы до недвижимыхъ имѣній относящіяся, съ помянутаго 1731-го и по 1786 годъ.

Первоначально мѣсто, которое завѣдывало дѣлами, до помѣстій и вотчинъ касавшимися, называлось помѣстною избою, учрежденіе которой по всей вѣроятности восходитъ къ царствованію Іоанна III. Въ послѣдствіи времени, около 1609 года помѣстная изба получила названіе помѣстнаго приказа. При учрежденіи Петромъ Великимъ коллегій, сей приказъ переименованъ въ канцелярію вотчинныхъ дѣлъ съ подчиненіемъ сей послѣдней юстицъ-коллегіи (указ. 1720 г. іюля 4). Въ 1721 году канцелярія вотчинныхъ дѣлъ по отдѣленіи отъ юстицъ-коллегіи, преобразована въ вотчинную коллегію, которая, будучи въ 1762 году раздѣлена на 3 департамента (указ. 1762 г. января 29), а потомъ въ этомъ же году на 4 (указ. имен.

1762 г. декабря 15), завѣдывала вмѣстѣ съ учрежденною въ 1730 году въ С. Петербургѣ конторою оной дѣлами, до недвижимыхъ имѣній относящимся, до 1786 года. Въ это время помянутыя обязанности вотчинной коллегіи окончательно перешли къ палатамъ гражданскимъ въ губерніяхъ; для окончанія же оставшихся дѣлъ вотчинной коллегіи и выдачи на будущее время справокъ о недвижимыхъ имѣніяхъ, учрежденъ былъ вотчинный департаментъ, который и существовалъ до 1852 года, когда послѣдовало учрежденіе Московскаго архива министерства юстиціи.

Изъ документовъ сего отдѣленія древнѣйшія суть книги: писцовыя, дозорныя, приправочныя и отказныя.

Книги писцовыя собственно раздѣляются на два рода: во первыхъ, въ называющихся собственно писцовыми описаны а.) въ городахъ крѣпости съ разнымъ крѣпостнымъ строеніемъ и военными снарядами; церкви съ находившеюся въ нихъ утварью; живущіе въ городѣ разнаго званія люди, лавки, торговыя мѣста и приносимый ими доходъ; б.) въ уѣздахъ: помѣщичьи, крестьянскіе и бобыльскіе дворы, принадлежавшіе дворцовому приказу, помѣщикамъ, патриархамъ, митрополитамъ, монастырямъ и церквамъ; состояція за этими владѣльцами земли, луга, лѣса и отхожія (одѣльные) пустоши, съ объясненіемъ качества земли, т. е. доброй, средней и худой. Книги эти сохранились въ числѣ 777. Второго рода писцовыя книги называются межевыми или писцовыми межевыми. Книги сіи заключаютъ въ себѣ имена и прозванія владѣльцевъ, селенія, земли, особенныя пустоши, лѣса, луга, принадлежавшіе каждому владѣльцу, съ подробнымъ описаніемъ межевыхъ признаковъ, отдѣляющихъ земли одного владѣльца отъ другаго, съ объясненіемъ постороннихъ имѣній, прилегающихъ къ обмежеванной землѣ. Книги эти хранятся въ числѣ 236.

Изъ древнихъ писцовыхъ книгъ сохранились въ цѣлости относящіяся къ годамъ: $7018/1510$, $7071/1566$, $7075/1567$, $7076/1568$, $7086/1578$, $7087/1579$, $7097/1589$.

Дозорныя книги тоже, что и писцовыя; дозорными же названы онѣ потому, что такъ называемые дозорщики дозорили или повѣряли за писцами. Дозорщики же разрѣшали споры о межевыхъ границахъ, о насильственномъ завладѣннн кѣмъ-либо недвижимыми имѣннми.

Изъ 60-ти сохранившихся въ цѣлости дозорныхъ книгъ есть относящіяся къ годамъ $7090/1582$, $7093/1585$, $7096/1588$.

Приправочныя книги служатъ дополненнмъ къ писцовымъ и дозорнымъ, ибо частые переходы имѣннй отъ одного владѣльца къ другому и пожалованн ихъ вновь требовали дополненн къ симъ книгамъ.

Изъ сохранившихся приправочныхъ книгъ есть относящіяся къ годамъ $7079/1511$, $7082/1571$, $7086/1571$, $7093/1585$, $7094/1586$, $7096/1588$, $7097/1589$.

Отказныя книги суть документы исполнительные по тѣмъ грамотамъ и указамъ, которые посылались или отъ государей или изъ помѣстнаго приказа къ воеводамъ, городовымъ приказчикамъ, губнымъ старостамъ, объ отказѣ утвержденныхъ за помѣщиками недвижимыхъ имѣннй. Отказъ имѣннй получилъ начало съ древнѣйшихъ временъ, что видно изъ сохранившихся въ числѣ 1589 отказныхъ книгъ, между которыми находятся относящіяся къ $7101/1593$, $7106/1598$, $7111/1607$, $7118/1610$, $7119/1614$, $7121/1613$ годамъ.

Нашествн на Россню поляковъ, внутреннн смятенн во время самозванцевъ и междуцарствн уничтожили большую часть помѣстныхъ и вотчинныхъ документовъ, почему въ царствованн Царя Михаила Феодоровича посланы были писцы для по-

полненія недостающихъ писцовыхъ, дозорныхъ и другаго наименованія книгъ. Вскорѣ послѣ того ужасный пожаръ случившійся въ ⁷¹³¹/₁₆₂₆ году, истребилъ большую часть государственныхъ архивовъ, что побудило правительство собрать изъ частныхъ казенныхъ архивовъ, находящихся въ Россіи, документы до недвижимой собственности относящіяся, а нѣкоторые и вновь составить, и эти то документы положили уже прочное основаніе праву на недвижимую собственность. Независимо отъ сего дополненіемъ къ тому же служатъ дѣла помѣстнаго приказа, вотчинной коллегіи и вотчиннаго департамента, которыя сохранились въ числѣ 6933 книгъ, также сказки генеральнаго двора, а равно пергаментныя книги и книги о запискѣ разныхъ пошлинъ.

Сказки генеральнаго двора суть общее исчисленіе всѣхъ дворянъ, имѣвшихъ заселенныя недвижимыя имѣнія въ 1702 году, т. е. во время этой переписи; они сохранились въ числѣ 6 книгъ.

Пергаментныя же книги были учреждены по высочайшему указу, состоявшемуся въ 1765 году, къ лучшему обезпеченію правъ на владѣнія имѣніями, для записыванія въ нихъ рѣшеній вотчинной коллегіи краткими экстрактами, въ которые и вписываемы были эти свѣдѣнія алфавитнымъ порядкомъ, съ одной стороны по названію недвижимыхъ имѣній, т. е. сель, деревень и пустошей, а съ другой по фамиліямъ владѣльцевъ. Книги эти сохранились въ числѣ 47.

Архивъ III-го отдѣленія раздѣляется на пять частей. Въ первой части архива помѣщаются древнѣйшія подлинныя писцовыя, межевыя, дозорныя, отказныя и другаго наименованія книги разныхъ городовъ російской имперіи, также подлинныя

указы, данныя помѣстному приказу и вотчинной коллегіи, журналы, протоколы и вообще все то, что относится до внутренняго порядка означенныхъ мѣстъ. Въ прочихъ четырехъ частяхъ заключаются списки также съ писцовыхъ и другаго наименованія книгъ, равно всѣ производства по спорамъ о земляхъ и разборы по нимъ. Здѣсь дѣла хранятся сообразно съ учиненнымъ раздѣленіемъ дѣлъ по 4-мъ департаментамъ въ бывшей вотчинной коллегіи и вотчинной конторѣ, въ которыхъ каждый департаментъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи извѣстное число городовъ и свой архивъ.

Въ III-мъ отдѣленіи хранится: а) столбцевъ 24990; б) книгъ 18005, въ томъ числѣ описей и алфавитовъ 1357 книгъ, изъ коихъ собственно со времени открытія Московскаго архива министерства юстиціи составлено 457 книгъ и в) вязокъ съ неполными вотчинными дѣлами, собранными изъ книгъ, разбитыхъ во время непріятельскаго нашествія въ 1812 году. 858.

Вообще же во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ архива хранится: а) столбцевъ 50745; б) книгъ 96897; в) вязокъ 12673 и г) описей и алфавитовъ 1953.

ОТДѢЛЪ Ш.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ

1. Высочайшія награды.

Его императорское величество, въ присутствіи своемъ въ С. Петербургѣ, 12 и 20-го декабря 1859 года, соизволилъ отдать слѣдующія приказы по министерству юстиціи (№. №. 15 и 16):

Производятся за отличіе по службѣ:

Изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники президентъ Курляндскаго оберъ-гофгерихта, въ званіи камергера двора его императорскаго величества, Вильгельмъ *Фонъ Дершанъ*, со старшинствомъ съ 6 ноября 1859 г. и съ составленіемъ въ придворномъ званіи.

Изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: предсѣдатель С. Петербургской палаты уголовного суда Михаилъ *Кавалевскій*, со старшинствомъ съ 9-го декабря 1859 г.

Изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: состоящій въ должности оберъ-секретаря перваго департамента Правительствующаго Сената Петръ *Лотъшинъ*, со старшинствомъ съ 16-го декабря 1859 года.

Изъ коллежскихъ ассесоровъ въ Надворные совѣтники: столоначальникъ департамента министерства юстиціи *Михаилъ Созановъ*, секретарь перваго отдѣленія шестаго департамента Правительствующаго Сената *Владиміръ Штраудманъ* и старшій секретарь канцеляріи управляющаго межевымъ корпусомъ *Адамъ Вилрейхъ*, всѣ трое со старшинствомъ съ 9-го декабря 1859 года.

II. Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

1) ПО ДЕПАРТАМЕНТУ МИНИСТЕРСТВА:

Назначены: столоначальникъ, коллежскій ассесоръ *Зарудный*—редакторомъ отдѣленія (9 декабря 1859 года).

Старшіе помощники столоначальниковъ, титулярные совѣтники: *Кирилъ* и *Раевскій*—столоначальниками, первый 6-го а послѣдній 9-го декабря 1859 года.

(Приказъ 18 декабря за № 18).

2) По 1 отдѣленію 3 департамента правительствующаго сената:

Назначены: секретарь, коллежскій ассесоръ *Граве*—оберъ-секретаремъ временной экспедиціи, при семъ отдѣленіи и департаментъ учрежденной (30-го ноября 1859 года).

(Приказъ 18-го декабря за № 24).

3) по 1 отдѣленію 5 департамента правительствующаго сената.

Произведенъ, за выслугу лѣтъ, журналомъ департамента герольдіи Правительствующаго Сената въ статскіе совѣтни-

ки, со старшинствомъ: исправляющій должность чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, коллежскій совѣтникъ князь Михаилъ Шаховской съ 23-го ноября 1859 года.

(Приказъ отъ 18-го декабря за № 24).

4) по 2-му отдѣленію 6 ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА:

Назначенъ: старшій помощникъ секретаря, титулярный совѣтникъ Дружининъ—секретаремъ (10-го ноября 1859 г.).

(Приказъ отъ 3-го декабря за № 23).

5) по 7 ДЕПАРТАМЕНТУ:

Произведенъ, за выслугу лѣтъ, журналомъ департамента герольдіи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ: въ коллежскіе ассесоры: секретарь, титулярный совѣтникъ Петръ Дружининъ, съ 21-го іюня 1858 года.

(Приказъ отъ 23-го декабря за № 14).

6) по ИМПЕРАТОРСКОМУ УЧИЛИЩУ ПРАВОВѢДНІЯ:

Уволенъ отъ службы по болѣзни: воспитатель, надворный совѣтникъ Долматовъ (16-го ноября 1859 года).

(Приказъ отъ 18-го декабря 1859 года за № 24).

7) по ГУБЕРНСКИМЪ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ:

Журналомъ департамента герольдіи Правительствующаго Сената переименованъ въ прежній военный чинъ подпоручика: предсѣдатель Курской палаты уголовного суда, губернской секретарь Левъ Марковъ (10-го ноября 1859 года).

Переведенъ: товарищъ предсѣдателя Екатеринославской палаты уголовного суда, коллежскій ассесоръ Балминъ—товарищемъ предсѣдателя Костромской палаты гражданского суда (27-го ноября 1859 года).

Уволенъ отъ должности: исправляющій должность товарища предсѣдателя Костромской палаты гражданскаго суда на- дворный совѣтникъ *Писаревъ*, съ причисленіемъ къ департаменту министерства юстиціи (27-го ноября 1859 года).

(Приказъ отъ 18-го декабря за № 24).

Уволенъ отъ службы по болѣзни: товарищъ предсѣдателя Рязанской палаты уголовнаго суда, коллежскій совѣтникъ *Троцкий*, съ правомъ носить въ отставку мундирный полу- кафтаны настоящей должности его присвоенный (8-го октября 1859 года).

(Приказъ отъ 3-го декабря за № 23).

Умершіе исключены изъ списковъ: предсѣдатель Рязанской палаты гражданскаго суда, подполковникъ *Бурмиль*.

(Высочайшій приказъ отъ 20-го декабря за № 16).

Ландгофмейстеръ Курляндскаго оберъ-гофгерихта, баронъ *Гедеонъ Фопъ-Стемпель*.

(Высочайшій приказъ отъ 12-го декабря за № 15).

Волынскій губернскій прокуроръ, статскій совѣтникъ *Най- дековъ*.

(Приказъ 18-го декабря за № 24).

8) по губернской межевой части.

Назначенъ: исправляющій должность Симбирскаго губернскаго землемѣра, титулярный совѣтникъ *Саминъ*—Казанскимъ губернскимъ землемѣромъ (14-го ноября 1859 г.).

Уволенъ отъ службы по болѣзни: Орловскій губернскій землемѣръ, коллежскій ассесоръ *Исехоновъ* (11-го октября 1859 г.).

(Приказъ отъ 3-го декабря за № 23).

II.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

... Которые при этом должны были бы ...
... и т.д. ...

... и т.д. ...

... и т.д. ...

... и т.д. ...

... и т.д. ...

... и т.д. ...

... и т.д. ...

... и т.д. ...

... и т.д. ...

СЛОВО

ОТДѢЛЪ I.

ОБЪ АПЕЛЛЯЦІИ

ВЪ ОБЛАСТИ УГОЛОВНАГО СУДА.

Апелляція есть средство защиты противъ несправедливыхъ приговоровъ, пользуясь которымъ въ области уголовного суда, обвиняемые въ преступленіяхъ, въ случаѣ неудовольствія на судебные приговоры, имѣютъ право жаловаться на нихъ, переносить свои дѣла изъ одного суда въ другой судъ и просить сей послѣдній о ихъ пересмотрѣ и перевершеніи. Право это должно принадлежать обвиняемымъ во всякой формѣ уголовного суда, какъ бы она ни была совершенна и независимо отъ всѣхъ другихъ средствъ защиты. И самая совершеннѣйшая форма уголовного суда только болѣе всѣхъ другихъ формъ ограждаетъ подсудимыхъ отъ несправедливыхъ приговоровъ; сдѣлать же ихъ совершенно невозможными и она никогда не въ состояніи. А всякій уголовный приговоръ ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ касается самаго подсудимаго и всегда имѣетъ болѣе или менѣе важныя слѣдствія для него. По сему несправедливо было-бы не позволять обвиняемымъ въ преступленіяхъ самимъ отстаивать свое дѣло, когда они, не смотря на приговоръ

суда, еще не считаютъ его совершенно потеряннымъ, и не видя ни откуда ни помощи противъ несправедливости, просятъ, чтобы имъ дозволено было вновь защищаться.

На опытѣ однакоже апелляція именно тамъ не дозволяется, гдѣ бы этого всего менѣе можно было ожидать. Изъ всѣхъ дѣйствующихъ формъ уголовного суда англійскій процессъ есть безусловно самый гуманный. Въ немъ интересы подсудимыхъ вездѣ стоятъ на первомъ планѣ, и скорѣе оправданіе, чѣмъ обвиненіе ихъ составляетъ главную цѣль его, — и не смотря на то онъ только и отказываетъ имъ въ самомъ священномъ правѣ — опровергать судебные приговоры, когда они считаютъ себя почему либо обвиненными ими.

Во Франціи и во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ уголовный процессъ организованъ по образцу французскаго, правомъ опровергать приговоры судей подсудимые пользуются по крайней мѣрѣ, также какъ и въ нашемъ процессѣ, по отношенію къ высшимъ судебнымъ мѣстамъ, которыя даютъ судъ по маловажнымъ преступленіямъ; а въ Австріи и Саксоніи апелляція дозволяется и на собственно уголовные приговоры по преступленіямъ тяжкимъ; напротивъ въ Англии она совершенно запрещается въ области уголовного суда.

Въ Англии апелляція въ области уголовного суда признается вообще вредною; а на собственно уголовные приговоры она нигдѣ не допускается, потому что считается совершенно несовмѣстною и съ изустнымъ судопроизводствомъ, а тѣмъ болѣе съ судомъ присяжныхъ, и во всякомъ случаѣ совершенно ненужною при тѣхъ гарантіяхъ уголовного суда, которыя дѣлаютъ устность и институтъ присяжныхъ.

Въ Англии противъ апелляціи въ уголовномъ судѣ особенно сильно возстаютъ почти всѣ судьи.

Въ добросовѣстномъ сознаніи, что ими дѣлается все, что нужно для огражденія подсудимыхъ отъ несправедливыхъ при-

говоровъ во время самаго суда надъ ними, и что они всегда болѣе смотрятъ на самое дѣло, чѣмъ на форму, англійскіе судьи почти единогласно объявляютъ, что въ рукахъ подсудимыхъ апеллія не можетъ не имѣть самаго вреднаго вліянія на уголовный судъ.

Если дозволить самимъ подсудимымъ говорить англійскіе судьи, по неудовольствію на приговоры, переносить дѣло изъ одного суда въ другой судъ, то они будутъ дѣлать это и для того только, чтобы попытать счастья или протянуть дѣло и отдалить такимъ образомъ время исполненія надъ ними заслуженнаго наказанія. А это само собою поведетъ къ тому, что уголовныя дѣла будутъ тянуться слишкомъ долго безъ всякой нужды; труды судей, и безъ того довольно тяжкіе, по ихъ малому числу, удвоятся; наказаніе преступниковъ замедлится и совершенно потеряетъ свою устрашающую силу, лишится должнаго уваженія и юстиція и сдѣлаются гораздо небрежнѣе и легкомысленнѣе въ оцѣнкѣ силы доказательствъ и присяжные, когда они будутъ знать, что ихъ приговоры, по жалобѣ подсудимыхъ, могутъ быть измѣнены, а наконецъ можно опасаться и того, что подсудимые будутъ употреблять всевозможныя средства, чтобы заставить вторыхъ присяжныхъ измѣнить приговоръ первыхъ и склонить свидѣтелей въ свою пользу.

При всемъ глубокомъ уваженіи, которое мы питаемъ къ англійскимъ судьямъ, мы однакоже позволяемъ себѣ думать, что ихъ опасенія на счетъ вредныхъ послѣдствій апелліи въ уголовномъ судѣ слишкомъ преувеличены. Апеллія, конечно, можетъ быть злоупотребляема, какъ и все на свѣтѣ; но чтобы она могла извратить весь ходъ уголовного суда до такой степени, какъ полагаютъ англійскіе судьи, съ этимъ едвали можно согласиться. Во Франціи и въ другихъ государствахъ апеллія, какъ мы сказали, безпрепятственно дозволяется на приговоры исправительныхъ судовъ, и не смотря на то, что даже самая многочисленность дѣлъ, поступающихъ на разсмотрѣніе этихъ

мѣсть, препятствуетъ иногда вполне основательному обсужденію ихъ, не слышно, чтобы апелляціонныя суды были слишкомъ обременены жалобами подсудимыхъ на ихъ приговоры. Въ самой Англійи апелляція запрещена только въ уголовномъ судѣ, въ гражданскомъ же процессѣ она дозволена, и въ этой же странѣ тѣже самые судьи вовсе не жалуются на то, чтобы тяжущіеся то и дѣло надоѣдали имъ недѣльными жалобами на несправедливость судебныхъ рѣшеній. Англійскіе судьи замѣчаютъ противъ этого, что отъ гражданскаго суда къ уголовному какъ вообще, такъ особенно здѣсь нельзя дѣлать никакого заключенія. Судъ гражданскій всегда производится на счетъ самихъ тяжущихся и апелляція обыкновенно дорого обходится имъ: это и удерживаетъ тяжущихся отъ подачи недѣльныхъ жалобъ на рѣшеніе гражданскихъ судей. Напротивъ въ уголовномъ судѣ препятствія этого вовсе не существуетъ. Онъ и всегда производится на счетъ казны; тѣмъ болѣе по жалобѣ подсудимыхъ онъ не можетъ быть производимъ, иначе, какъ на ея же счетъ. Въ противномъ случаѣ богатые преступники, которые могутъ платить адвокатамъ, были бы въ лучшемъ положеніи, чѣмъ бѣдные, которые не могутъ дѣлать того. Но если судъ уголовный и дешевле гражданскаго, за то онъ самъ въ себѣ слишкомъ не привлекателенъ, чтобы его можно было желать отъ того только, что онъ производится даромъ. Судебныхъ издержекъ подсудимые конечно не несутъ, но въ замѣнъ этого всегда терпятъ разныя личныя непріятности и лишенія, которыя особенно тогда весьма чувствительны, когда они содержатся подъ стражей, что случается всегда, когда обвиненіе относится къ такому преступленію, за которымъ должно послѣдовать тяжкое наказаніе. Но и дешево уголовный судъ не всегда обходится подсудимымъ; напротивъ весьма перѣдко онъ причиняетъ имъ и значительные и матеріальные убытки; когда же продолжается слишкомъ долго, то иногда и совершенно разстроиваетъ все матеріальное благосостояніе ихъ. По сему желать продолженія уголовного суда, а тѣмъ болѣе просить о его возобновленіи, ког-

да онъ уже оконченъ, безъ всякой надежды на улучшение своего положенія, отъ того только, что онъ производится даромъ, едвали найдется много охотниковъ. Подобный расчетъ можетъ быть важенъ развѣ только для негодаевъ, которымъ совершенно нечего терять и пожалуй ничего не стоитъ и сидѣть въ тюрьмѣ. Въ обыкновенныхъ же случаяхъ даже и ложью и заpirationствомъ подсудимые только до тѣхъ поръ стараются затянуть дѣло, пока имѣютъ надежду, что это поможетъ имъ выпутаться изъ бѣды; какъ же скоро они видятъ, что ложью судей трудно обмануть, а заpirationство скорѣе можетъ отягчить, чѣмъ облегчить ихъ участь, то стараются какъ можно скорѣе раздѣлаться съ судомъ. Но и надежда на улучшение своего положенія рѣдко совершенно покидаетъ подсудимыхъ. Если они не надѣются на свое дѣло, то надѣются на судей, на ихъ потворство, снисхожденіе, слабость, рассчитываютъ на то, что судей можно будетъ умилостивить, задобрить, застрашать, подкупить или склонить въ свою пользу вліяніемъ сильныхъ лицъ. Особенно въ важныхъ случаяхъ можно опасаться, что подсудимые часто будутъ осаждать судей недѣльными жалобами и употреблять всѣ возможные происки, чтобы заставить ихъ измѣнить состоявшійся приговоръ. Англійскіе судьи, какъ мы видѣли, считаютъ возможными подобныя попытки и по отношенію къ своимъ присяжнымъ зло конечно чрезвычайно важное, но безъ происковъ не обходится и въ первомъ судѣ. Подсудимые, когда въ особенности имъ угрожаетъ тяжкій приговоръ, который долженъ разрушить все благосостояніе ихъ земной жизни, рѣдко спокойно ожидаютъ того, когда онъ состоится, но уже заранее употребляютъ всѣ возможныя усилія, чтобы отвратить его, прибѣгаютъ и къ просьбамъ, и обѣщаніямъ, и угрозамъ, и ставятъ на ноги всѣхъ тѣхъ, кто только можетъ спасти ихъ. Но когда судьи свято исполняютъ свои обязанности и по своему общественному положенію не имѣютъ никакой нужды преклоняться предъ сильными земли, тогда всѣ эти происки остаются совершенно безъ всякихъ послѣдствій для уголовного суда: онъ

совершается также спокойно и безпристрастно, какъ и тогда, когда подсудимые съ покорностію ожидаютъ рѣшенія своей участи. Во второмъ же судѣ всѣ подобныя попытки могутъ быть и вовсе предупреждены. Необходимо только, чтобы подсудимымъ дозволено было подавать жалобы на приговоры не иначе, какъ съ точнымъ обозначеніемъ, въ чемъ именно и почему они считаютъ состоявшійся противъ нихъ приговоръ несправедливымъ. Черезъ это вмѣсто съ недѣльными жалобами устранится и всякій поводъ къ проискавъ. Въ Англіи же менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно опасаться того, чтобы подсудимые, пользуясь правомъ апелляціи, стали то и дѣло оскорблять присяжныхъ не только попытками совратить ихъ съ прямого пути, но и недѣльными жалобами. Слишкомъ высоко стоятъ они въ общемъ народномъ мнѣніи и вѣковыми страданіями засвидѣтельствовали свою непреклонную честность и непоколебимое мужество въ исполненіи своего долга, чтобы можно было ожидать отъ нихъ какой-либо неправды. Подавая недѣльные жалобы, англійскіе подсудимые могли бы рассчитывать развѣ только на снисхожденіе присяжныхъ, къ которому они вездѣ склонны по своему общественному положенію, что имѣютъ въ виду англійскіе судьи, когда предполагаютъ возможность противузаконнаго вліянія на нихъ со стороны подсудимыхъ при подачѣ апелляціи; но отъ снисхожденія, которое оказывается по причинамъ уважительнымъ, до преступнаго потворства—слишкомъ большой шагъ. Притомъ къ снисхожденію склонны не только вторые, но и первые присяжные. По сему гдѣ уголовный судъ находится въ ихъ рукахъ, тамъ уже и по этому жалобы на уголовные приговоры не могутъ быть часты. Жалуются на жестокость, а не на снисхожденіе.

Если же нѣтъ причины опасаться, что съ дозволеніемъ апелляціи жалобы на уголовные приговоры будутъ слишкомъ часты, то не произойдетъ и большой медленности въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ. Будутъ оканчиваться не такъ скоро, какъ преж-

де, только тѣ дѣла, по которымъ поступать отъ подсудимыхъ основательныя жалобы; на всѣ другія апелляція не будутъ имѣть вліянія; и ни страхъ наказанія, ни уваженіе къ уголовной юстиціи не ослабѣютъ.

Но да позволено будетъ усомниться и въ томъ: есть ли быстрое наказаніе преступниковъ такое качество уголовной юстиціи, которое бы должно было ставить выше всего, и нужно ли непременно для поддержанія уваженія къ ней, чтобы она поражала, какъ молнія? Не тверже ли напротивъ она можетъ быть основана на наказаніи справедливымъ, которое и самъ преступникъ признаетъ такимъ, какъ бы оно поздно не приходило, только бы медленность не была совершенно не нужная, а происходила отъ вполне уважительныхъ причинъ? Судъ уголовный не бойня, а судьи не мясники и подсудимые не животныя, которыхъ чѣмъ скорѣе убиваютъ, тѣмъ лучше. Быстрое наказаніе, конечно, сильнѣе устрашаетъ, чѣмъ медленное; но если оно не есть вмѣстѣ и справедливое, то оно внушаетъ не тотъ спасительный страхъ, который заставляетъ преступника и другихъ, примѣромъ его казни, искренно и глубоко ненавидѣть преступленіе, а страхъ къ самой юстиціи, который дѣлаетъ ее ненавистною для всѣхъ. Поэтому прежде и наипаче всего всякое наказаніе должно быть справедливо, а потомъ оно можетъ и устрашать, и достигать и всякихъ другихъ полезныхъ цѣлей. Справедливымъ же наказаніе, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ быть гораздо скорѣе тогда, когда оно назначается не поспѣшно, а осторожно и обдуманно. Скоро да хворо, не скоро да здорово, говорятъ правила житейской мудрости, облеченныя въ пословицы. Правила эти особенно свято должны быть соблюдаемы въ уголовномъ судѣ, гдѣ часто поспѣшностію можно причинить такой вредъ, который потомъ уже ничѣмъ нельзя будетъ исправить. Кто рубитъ съ плеча, тотъ легко можетъ задѣть и того, кого хотѣлъ, и причинить противъ желанія болѣе глубокую рану; кто же наноситъ удары не сиѣша, прежде сообра-

жаеть разстояніе и прицѣливается какъ должно и потомъ уже дѣлаеть выстрѣлъ, тотъ рѣдко дѣлаеть промахъ, рѣдко причиняеть большій вредъ, чѣмъ какой хотѣлъ. Такъ и уголовная юстиція, чтобы не смѣшать праваго съ виноватымъ, и не отягчить судьбу виновнаго свыше мѣры, должна дѣйствовать медленно и осторожно. Еще менѣе она можетъ изъ—за поспѣшности отвергать такое средство, которое самымъ лучшимъ образомъ гарантируетъ справедливость уголовныхъ приговоровъ. [Умъ хорошъ, а два безспорно и еще лучше. Если одинъ судъ осуждаетъ подсудимаго, а другой оправдываетъ, то значитъ приговоръ, на который жалуется подсудимый, дѣйствительно несправедливъ; если же напротивъ приговоръ перваго суда утверждается во всей силѣ и вторымъ судомъ, то всякое сомнѣніе въ его справедливости должно исчезнуть. Одинъ судъ можетъ ошибиться, а чтобы ошиблись оба, трудно себѣ представить. Съ этой стороны и т. п. необходимая ревизія слѣдственнаго процесса приносить несомнѣнную пользу; но она производится болѣе въ интересѣ закона, чѣмъ подсудимыхъ, и имѣеть цѣлю не только облегченіе, но отягченіе ихъ участи, и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить апелляцію. Притомъ необходимая ревизія прямо нарушаетъ то истинно гуманное начало; которое строго соблюдается и во Франціи, а еще строже въ Англіи, и въ силу котораго никто противъ желанія дважды не можетъ быть подвергаемъ уголовному суду по одному и тому же дѣлу.]

Опасеніе, что съ дозволеніемъ апелляціи на уголовные приговоры замедлится ходъ уголовного правосудія, было главною причиною, почему и въ парламентѣ били о ней не имѣли никакого успѣха. Самъ Лордъ Пальмерстонъ былъ того мнѣнія, что въ области уголовного суда все зависитъ отъ скорости наказанія преступниковъ. Это объясняется тѣмъ, что англичане, какъ народъ торговый и слѣдовательно вѣчно занятый, всего болѣе дорожатъ временемъ. Время тѣже деньги, говорятъ они, и отъ этого и уголовныя дѣла вершатъ съ изумительною

быстротою. Отсюда происходит, что не только предварительное слѣдствіе обыкновенно страдаетъ у нихъ капитальными недостатками, но и специальное рѣдко доставляетъ вполне удовлетворительный матеріалъ. Чтобы упростить и ускорить судъ. Англичане вызываютъ самое ограниченное число свидѣтелей и допрашиваютъ ихъ крайне поверхностно и почти никогда не обращаютъ никакого вниманія на побочныя обстоятельства, которыя часто имѣютъ большое вліяніе на степень тяжести преступленія и виновности преступника. Все это ведетъ къ тому, что и обвиненіе и оправданіе подсудимыхъ дѣлается какъ-бы на удачу; точное опредѣленіе степени виновности ихъ становится почти совершенно невозможнымъ. Особенно неприятно поражаетъ поспѣшность тамъ, гдѣ дѣйствіе по самому свойству своему требуетъ полной серьезности, какъ напр. приводъ свидѣтелей къ присягѣ. Въ Англіи это высоко религіозное дѣйствіе совершается уже слишкомъ безцеремонно. Разсылный проговорить за одинъ духъ форму присяги, а свидѣтели ограничиваются тѣмъ, что целуютъ Евангеліе; при этомъ иногда случается, что они принимаютъ за Евангеліе какую-либо другую книгу, которая лежитъ подлѣ Евангелія вмѣстѣ съ другими книгами. Самое объявленіе приговоровъ для сокращенія времени дѣлается не особо каждому преступнику, а вдругъ многимъ; причемъ также встрѣчается иногда весьма неприятное смѣшеніе одного преступника съ другимъ и всегда присоединяется къ наказанію весьма тягостное и совершенно ненужное томленіе. Прежде другихъ осужденный преступникъ часто долженъ еще долго томиться, пока узнаетъ рѣшеніе своей участи. Хорошо еще, что въ Англіи эта невыгода поспѣшнаго суда значительно уменьшается необыкновеннымъ практическимъ тактомъ присяжныхъ и мудростію и опытностію судей, которые часто, и при недостаточныхъ матеріалахъ, какъ-бы чутьемъ отыскиваютъ справедливый приговоръ. Странно, что именно у англичанъ, у которыхъ такъ легко распространяются и такъ скоро укореняются всѣ гуманныя идеи, такъ долго уживается начало устра-

шеія, и еще страннѣе, что вмѣстѣ съ нимъ легко соединяется и начало исправленія, для котораго нигдѣ не сдѣлано столько, какъ у нихъ, чему яснымъ доказательствомъ служатъ роскошныя исправительныя заведенія и разныя преобразованія и улучшенія, сдѣланныя ими въ исправительной системѣ. Все это служитъ новымъ доказательствомъ того, что въ Англіи законы и жизнь не всегда идутъ однимъ путемъ, и что любовь къ старому, часто даже съ явную непослѣдовательностію, заставляетъ отвергать новое, уже созданное жизнью, какъ необходимое.

Не испортитъ апелліація и не сдѣлаетъ нерадивыми и легкомысленными въ исполненіи обязанностей своего званія и судей, какъ полагаютъ англійскіе судьи; напротивъ, думать надо, что на нихъ она будетъ имѣть скорѣе благотворное, чѣмъ вредное вліяніе. То очевидно не можетъ сдѣлать никакой чести не только англійскимъ присяжнымъ, но и никакимъ судьямъ, если они то и дѣло будутъ давать ошибочные приговоры. Посему, когда судьи будутъ знать, что дѣла, рѣшенныя ими, могутъ поступать къ другимъ судьямъ, то и изъ—за того только, чтобы не подвергнуться нареканію въ небрежности и легкомысліи, они непременно станутъ обсуживать ихъ сколько возможно болѣе основательно и добросовѣстно.

Вообще во всемъ этомъ разсужденіи англійскихъ судей выказываются, съ одной стороны, слишкомъ большое довѣріе къ самимъ себѣ и преувеличенное сознаніе своихъ собственныхъ заслугъ, а съ другой полная недовѣрчивость къ присяжнымъ и довольно низкое мнѣніе о нихъ, чего они конечно нисколько не заслуживаютъ.

Предсказаніямъ англійскихъ судей на счетъ вредныхъ послѣдствій апелліаціи въ области уголовного суда не вѣрятъ впрочемъ и въ самой Англіи; по крайней мѣрѣ большинство націи вовсе не раздѣляетъ ихъ мнѣнія. Почти всѣ находятъ, что

существующая система средств защиты противъ уголовныхъ приговоровъ крайне недостаточна и настоятельно требуютъ ея реформы именно въ томъ отношеніи, чтобы и въ уголовномъ судѣ дозволена была апелляція на томъ же самомъ основаніи, какъ и въ гражданскомъ. Въ 1844 году внесенъ былъ въ палату общинъ билль о томъ генераль-соллиситоромъ Фитцъ-Роемъ Келли. Онъ предлагалъ, чтобы осужденнымъ какъ въ четвертныхъ судахъ, такъ и въ ассизахъ предоставлено было право подавать жалобы на ихъ приговоры въ одинъ изъ Вестминстерскихъ судовъ и просить о томъ, чтобы или былъ назначенъ новый судъ, или данъ очистительный приговоръ, или исполненіе приговора отложено. Но его предложеніе не имѣло тогда успѣха. Это однакоже не убѣдило никого въ томъ, что реформа ненужна; напротивъ убѣжденіе въ ея необходимости возрасло еще болѣе. Посему, когда въ 1848 году Серомъ Эвардомъ и Лордомъ Нюгентомъ былъ внесенъ въ парламентъ новый билль такого содержанія, чтобы не судьи, какъ было до сихъ поръ, вносили спорные юридическіе вопросы на разрѣшеніе высшихъ судей, а дозволено было самимъ подсудимымъ посредствомъ апелляціи предлагать на обсужденіе апелляціоннаго суда не только юридическіе, но и фактическіе спорные вопросы и не приводить въ исполненіе судебныхъ приговоровъ въ теченіи четырехъ дней, чтобы подсудимый имѣлъ время подать апелляцію,—парламентъ долженъ былъ сдѣлать уступку общественному мнѣнію. Послѣ обсужденія билля въ особой комисіи, въ которую приглашены были и всѣ 15 англійскихъ судей, дабы она могла воспользоваться ихъ опытностію, и послѣ преній въ парламентѣ, въ соотвѣтственность мнѣнію большинства комисіи изданъ былъ законъ, которымъ учреждался особый апелляціонный судъ, въ который однакоже дозволено было переносить спорные вопросы по прежнему лишь самимъ судьямъ. Но и этотъ законъ не удовлетворилъ никого, не смотря на то, что имъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ на пути улучше-

нiя англiйской системы средствъ защиты противъ несправедливыхъ приговоровъ, дѣйствительно крайне недостаточной. Въ законѣ 1848 года высказывается въ первый разъ официально необходимость ея реформы; а англичане, разъ признавши необходимость реформы въ чемъ-бы то ни было, уже никогда не останавливаются на половинѣ дороги.

Общественное мнѣнiе именно то и признаетъ недостаточнымъ въ дѣйствующей системѣ, что право переносить дѣло въ апелляціонный судъ предоставлено не самимъ подсудимымъ, а судьямъ. Апелляція, говорить, около 300 лѣтъ благополучно существуетъ въ гражданскомъ процессѣ, и никто не жалуется, чтобы она производила тамъ какой-либо безпорядокъ; почему же она должна быть вредна только въ уголовномъ процессѣ? Уже и большая важность уголовныхъ дѣлъ требуетъ того, чтобы противъ уголовныхъ приговоровъ дано было по крайней мѣрѣ хотя не меньше средствъ защиты, чѣмъ противъ гражданскихъ. Но и впасть въ ошибку гораздо возможнѣе при рѣшенiи дѣлъ уголовныхъ, чѣмъ гражданскихъ.

Въ самомъ дѣлѣ весьма странно, чтобы не сказать болѣе, что въ странѣ самой гуманной, права вещныя охраняются гораздо болѣе отъ несправедливыхъ приговоровъ, чѣмъ личныя. Если судьи неправильно отсуживаютъ у гражданина какую-либо вещь, или отказываютъ ему въ справедливомъ требованiи, то обиженному предоставляется полная свобода приносить жалобу на ихъ рѣшенiе другимъ судьямъ. Когда же напротивъ судъ приговариваетъ невиннаго къ лишенiю жизни, чести или свободы, тогда невинно осужденный не имѣетъ права жаловаться на приговоръ. А между тѣмъ впасть въ ошибку дѣйствительно гораздо легче въ уголовномъ судѣ, чѣмъ въ гражданскомъ. Гражданскiе судьи всегда имѣютъ дѣло лишь съ внѣшними предметами и отношенiями и основываютъ свой судъ на доказательствахъ точныхъ, которыя, какъ скоро подлинность ихъ и

принадлежность известному лицу доказана, не оставляют въ душѣ судящаго ни малѣйшаго сомнѣнія о правѣ; напротивъ уголовные судьи должны давать судъ не только о вѣшнихъ дѣйствіяхъ, но и о внутреннихъ помыслахъ, чувствованіяхъ, желаніяхъ и страстяхъ, въ которыхъ обыкновенно заключается и причина, единственно возможное объясненіе всѣхъ преступленій, и при этомъ они часто не имѣютъ въ своемъ распоряженіи никакихъ настоящихъ доказательствъ, а вынуждены бываютъ довольствоваться одними уликами, которыя и сами по себѣ чрезвычайно обманчивы, а весьма нерѣдко вводятъ въ заблужденіе самыхъ проникательныхъ и опытныхъ судей и своимъ страшнымъ сѣбленіемъ. Кромѣ того на уголовные приговоры часто имѣютъ большое вліяніе и разныя совершенно постороннія обстоятельства, и даже время, въ которое они даются. Если судъ производится сгоряча, тотчасъ же по совершеніи преступленія и слѣдовательно подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго имъ, то онъ никакъ не можетъ быть такъ спокоенъ и безпристрастенъ, какъ тогда, когда отъ совершенія преступленія проходитъ болѣе или менѣе продолжительное время, въ теченіи котораго впечатлѣніе ослабѣваетъ, и страсти, возбужденныя преступленіемъ, успокоиваются. А обстоятельства часто и совершенно измѣняютъ видъ дѣла и даютъ превратное направленіе и самому суду. Все это легко можетъ вводить судей въ промахи и ошибки и увлекать ихъ къ несправедливымъ приговорамъ. Какая же нужда не дозволить самое лучшее средство защиты именно тамъ, гдѣ оно болѣе всего необходимо? Весьма вредныя слѣдствія имѣютъ неправильныя рѣшенія и гражданскихъ судебныхъ мѣстъ, но они по крайней мѣрѣ не неотвратимы. Зло же, которое причиняется несправедливымъ приговоромъ, почти никогда совершенно не возмѣщается. Не только жизни нельзя возвратитъ, но и честь, невинно поруганная и свобода, неправильно отнятая, никогда и ничѣмъ не вознаграждаются. А что сказать о палкахъ, плетяхъ и розгахъ?

Можно ли ихъ вырвать изъ спины? Странно и подумать, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ можетъ иногда вести уголовная юстиція, которая, въ гордомъ сознаніи своей непогрѣзительности, не хочетъ слышать совершенно никакихъ возраженій отъ самихъ подсудимыхъ.

Чтобы отвратить, хоть въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тотъ тяжкій вредъ, который можетъ происходить отъ несправедливыхъ приговоровъ при отсутствіи апелляціи, въ Англіи, въ случаѣ осужденія на смертную казнь или въ ссылку, дозволяется искать спасенія, путемъ помилованія. Путь окольный и извилистый, и какъ всѣ окольные пути не со всѣмъ безопасный, на который впрочемъ и попасть не всегда легко. Чтобы стать на этотъ путь, необходимо согласіе судей, предѣдательствующихъ въ ассизахъ, которое не всегда легко дается. Когда же согласіе послѣдуетъ, то дѣло переносится къ министру внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь, по приказанію министра и при содѣйствіи судья, дѣло подвергается часто переслѣдованію, собираются свѣдѣнія, справки, происходятъ пренія, и все дѣлается письменно, секретно и произвольно; затѣмъ подается докладъ Королевѣ. Путь этотъ выводитъ дѣло изъ его обыкновенной колеи, явно нарушаетъ установленный порядокъ уголовного суда и ставитъ подсудимаго на судъ предъ лицомъ, которое не имѣетъ на то никакого права; да и спасаетъ его только вполовину, потому что чести не возвращаетъ. Не проще ли и не лучше ли было бы дозволить осужденнымъ искать спасенія у своихъ же собственныхъ судей и при томъ посредствомъ прямого обращенія къ нимъ съ жалобой на оказанную имъ несправедливость? Присяжные гласно обидѣли ихъ, пусть же они гласно и возстановляютъ ихъ честь. Да и какая нужда просить о помилованіи тому, кто имѣетъ право требовать справедливости? Помилованіе, оказываемое невинному, есть новое оскорбленіе, а немилость.

Въ англии есть впрочемъ и другое, вполне согласное съ конституціею, средство защиты противъ несправедливыхъ приговоровъ, но оно дается лишь противъ приговоровъ по дѣламъ не такъ тяжкимъ, которыя причисляются въ Англии къ *misdeameans*. Это средство состоитъ въ томъ, что въ случаѣ неудовольствія на приговоръ по дѣламъ этого рода подсудимымъ предоставляется право просить новаго суда (*new trial*). Общій голосъ давно уже требуетъ, чтобы употребленіе этого средства было распространено и на тяжкія преступленія (*felonie*). Но это требованіе остается пока безъ уваженія на томъ основаніи, что въ преступленіяхъ менѣе тяжкихъ будто-бы встрѣчаются гораздо чаще трудные юридическіе вопросы, чѣмъ въ тяжкихъ, и что въ послѣднихъ подсудимые болѣе ограждаются отъ всякой несправедливости опытыми и вполне свѣдущими въ своемъ дѣлѣ судьями, которые предсѣдательствуютъ въ ассизахъ. Но противъ этого весьма справедливо замѣчаютъ англійскіе же юристы, что въ дѣлахъ тяжкихъ трудные юридическіе и фактическіе вопросы также не рѣдки, и что тѣже причины, которыя вводятъ въ заблужденіе присяжныхъ тамъ, легко могутъ имѣть вліяніе на ихъ приговоры и здѣсь. Новый судъ не можетъ впрочемъ вполне замѣнить апелляцію. Онъ охотно дается лишь въ интересѣ самой юстиціи и охраняетъ отъ несправедливыхъ приговоровъ только въ извѣстныхъ, именно опредѣленныхъ случаяхъ.

Между тѣмъ англійскіе судьи признають апелляцію въ области уголовного суда вредною для его правильнаго теченія, другіе юристы, преимущественно нѣмецкіе, утверждаютъ, что она совершенно несовмѣстна ни съ устностію судопроизводства, ни съ судомъ присяжныхъ, во всякомъ же случаѣ совершенно излишняя при существованіи этихъ гарантій.

Повѣрка приговоровъ одного суда другимъ судомъ возможна лишь тогда, когда второй судъ можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи тотъ же самый матеріалъ, который былъ принятъ за основаніе при обсужденіи дѣла въ первомъ судѣ. А въ изустномъ судопроизводствѣ этого никогда быть не можетъ. Слово исчезаетъ тотчасъ же, такъ только произносится, и потомъ никогда не возстановляется въ томъ видѣ, какъ оно было произнесено въ первый разъ; да и впечатлѣніе, произведенное имъ, бываетъ весьма различно въ разное время. Посему при изустномъ судопроизводствѣ, въ случаѣ жалобы на приговоръ, вторые судьи никогда не могутъ знать, правильно ли рѣшено дѣло первыми судьями, или нѣтъ, и слѣдовательно справедлива ли жалоба, принесенная на нихъ, или нѣтъ. Для нихъ возможенъ только совершенно новый судъ по дѣлу, на основаніи доказательствъ, которыя имъ будутъ представлены, и впечатлѣній, которыя они на нихъ произведутъ; новый же судъ потребуетъ и новаго времени и новыхъ издержекъ, столь же значительныхъ, какъ и прежнія и поведетъ къ противоположному результату часто отъ того только, что подсудимый и свидѣтели измѣнятъ свои показанія ко вреду истины, а судъ не будетъ имѣть возможности уличить ихъ въ томъ, а иногда тотъ или другой свидѣтель по той или другой причинѣ можетъ и совершенно вы-
быть, — уѣхать или умереть.

Присяжные даютъ судъ не отъ своего имени, а отъ имени всего общества, представителями котораго служатъ, и выражаютъ въ своихъ приговорахъ не только свое внутреннее, полнѣйшее убѣжденіе о винѣ или невинности подсудимыхъ, но и мнѣніе о нихъ всего общества, согласно съ дѣйствующими и общепризнаваемыми началами права, откуда и слѣдуетъ само собою, что они не могутъ признавать никакого контроля надъ

собою и должны рѣшать уголовныя дѣла не иначе, какъ въ первой и послѣдней инстанціи. И кто - бы сталъ контролировать ихъ? Если дозволить дѣла, рѣшенныя одними присяжными, перевершать другимъ присяжнымъ, то вторые присяжные должны бы были собираться въ большемъ числѣ. Посему и судьи имѣютъ право только повѣрить формальную правильность приговоровъ, даваемыхъ присяжными, дополнять ихъ, когда они содержатъ не всю истину, и предлагать высшему, на примѣръ кассационному суду, объ уничтоженіи всего процесса, когда онъ оказывается совершенно негоднымъ въ формальномъ отношеніи, и требовать новаго суда по ни въ какомъ случаѣ они не могутъ подвергать критикѣ самое матеріальное содержаніе вѣдиктовъ или измѣнять ихъ; чрезъ это совершенно исказилось бы все существо суда присяжныхъ и ихъ приговоры перестали бы быть изрѣченіемъ самой истины, вѣдиктами, а сдѣлались бы просто изрѣченіями, для истинности которыхъ необходимо одобреніе судей, и слѣдовательно судъ присяжныхъ обратился бы въ совершенно бесполезную, однакоже дорогую и чрезвычайно скучную и утомительную церемонію, которая бы у нихъ самихъ отняла всякую вѣру въ себя и любовь къ своему званію. Оттого и по причинѣ формальныхъ недостатковъ приговоры присяжныхъ должны быть отмѣняемы не часто, чтобы не произошло того, что встрѣчается во французскомъ правѣ, гдѣ часто *la forme emporte le fond*.

Впрочемъ при изустномъ судопроизводствѣ, а тѣмъ болѣе при судѣ присяжныхъ не можетъ быть и нужды въ апелляціи.

Гдѣ судъ по преступленіямъ производится изустно, тамъ онъ происходитъ не за глазами подсудимыхъ. Отъ начала и до конца

суда подсудимый стоит лицом къ лицу предъ своими судьями и самъ лично, или чрезъ своего защитника, передаетъ имъ все то, что находитъ нужнымъ для объясненія дѣла и своего оправданія. Непрошенныхъ посредниковъ между нимъ и судьями нѣтъ никакихъ. Ни слѣдователи, ни докладчики не заслоняютъ обвиняемыхъ отъ судей и не искажаютъ и не передаютъ симъ послѣднимъ, ложно ихъ слова и обстоятельства дѣла. Что подсудимые показываютъ, то судьи и изслѣдываютъ и докладываютъ сами себѣ и потому и судятъ о винѣ или невинности подсудимыхъ. Истина доходитъ до нихъ въ ея чистомъ и не помраченномъ видѣ и потому нѣтъ вовсе никакой причины, чтобы судъ ихъ былъ несправедливъ.

При изустномъ судопроизводствѣ полной справедливости въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ должно ожидать и тогда, когда оно ввѣрится короннымъ судьямъ, какъ напр. въ Нидерландахъ и Неаполѣ; если же съ изустнымъ судомъ соединяется и судъ присяжныхъ, то она вполне обезпечена. За добросовѣстность и безпристрастіе присяжныхъ ручаются и ихъ общественное, совершенно независимое положеніе, и почти неограниченное право отвода, принадлежащее подсудимымъ и большое число ихъ, и право судей, въ случаѣ сомнѣнія въ справедливости ихъ приговоровъ, не соглашаться съ ними и предлагать имъ объ измѣненіи ихъ, а въ случаѣ упорства отмѣнить ихъ и передавать дѣло другимъ присяжнымъ. Согласіе судей съ присяжными служитъ новымъ яснымъ доказательствомъ справедливости ихъ приговоровъ, а все вообще дѣлаетъ совершенно ненужною ту гарантію, которая дается, даже и противъ желанія подсудимыхъ въ письменномъ судопроизводствѣ.

Разсмотримъ эти возраженія:

Силу перваго возраженія достаточно опровергаетъ уже и самый опытъ. Во всѣхъ западныхъ государствахъ, въ которыхъ дозволена апелляція на приговоры исправительныхъ судовъ, и въ этихъ

судахъ дѣла производятся изустно, и устность не служитъ ни какой помѣхой для апелляціи. Говорятъ, правда, что отъ дурнаго поверхностнаго производства дѣлъ во французскихъ апелляціонныхъ судахъ, нельзя дѣлать заключенія къ тому, что апелляція возможна также и въ болѣе важныхъ случаяхъ. Но если во Франціи апелляціонныя дѣла по проступкамъ дѣйствительно производятся не всегда основательно, то слѣдуетъ ли отсюда, что они всегда и вездѣ обдѣлываются кое какъ? Совершенно ложнымъ называемъ мы, говоритъ Миттермейеръ, обвиненіе, что пренія въ исправительныхъ апелляціонныхъ судахъ всегда происходятъ поверхностно. Мы сами имѣли случаи, преимущественно въ Рейнскихъ провинціяхъ слѣдить за ходомъ преній по апелляціоннымъ дѣламъ и лично могли убѣдиться въ томъ, съ какою основательностію они обсуживаются. И въ исправительныхъ судахъ весьма часто встрѣчаются чрезвычайно запутанные уголовные случаи, въ которыхъ нужно бываетъ допросить множество свидѣтелей и давать судъ о достовѣрности и силѣ уликъ; если въ этихъ случаяхъ апелляція не была невозможна, то она должна быть возможна и въ дѣлахъ по преступленіямъ. Кромѣ того противники апелляціи забываютъ, что во время Наполеона I-го въ королевствѣ Италіи, въ случаѣ осужденія преступника на смертную казнь въ первой инстанціи, дозволено было при изустномъ судопроизводствѣ переносить дѣло во вторую инстанцію, гдѣ оно производилось опять также изустно и что это и теперь дѣлается въ папскихъ владѣніяхъ. Но и то совершенно ложно, что вторая инстанція должна давать судъ только о томъ, правильно ли рѣшили дѣло первые судьи, и что слѣдовательно высшій судъ всегда долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи тотъ же самый матеріалъ. Настоящее значеніе апелляціи и всѣхъ другихъ средствъ защиты противъ несправедливыхъ приговоровъ заключается напротивъ въ томъ, что въ нихъ дается обществу и подсудимымъ новая гарантія противъ нихъ. Въ слѣдствіе апелляціи дѣло подвергается по-

вѣду, болѣе прилежному разсмотрѣнію, и чрезъ это довѣренность общества къ юстиціи необходимо возвышается, а подсудимые получаютъ возможность вновь отстаивать свое дѣло. Если при вторичномъ защитѣ осужденные представляютъ новыя доказательства въ свою пользу, то отъ этого дѣло только болѣе разъясняется, второму суду дается возможность поправить ошибку перваго, безъ всякаго предосужденія для него. И подсудимые, и юстиція необходимо остаются въ выигришѣ. Какъ рѣшено дѣло во второмъ судѣ, по старымъ или новымъ доказательствамъ—это совершенно все равно: необходимо только, чтобы рѣшеніе было справедливо. Непонятно, присовокупляетъ Миттермейеръ, какъ нѣмецкіе практики могли дойти до того, чтобы отвергать эти выгоды апелляціи. Опытъ свидѣтельствуетъ, что во Франціи во многихъ случаяхъ приговоры 1-й инстанціи совершенно отмѣняемы были во второй. Наконецъ и то опасеніе, что въ слѣдствіе апелляціи весь уголовный процессъ часто нужно будетъ сполна повторять во второй инстанціи, не имѣетъ никакого основанія, а слѣдовательно нѣтъ причины опасаться и того, что она будетъ стоить государству значительныхъ издержекъ. Правда именно это опасеніе и было причиной, почему напримѣръ въ Нидерландахъ и Неаполѣ апелляція дозволена только на несправительные суды, а на уголовныя запрещена. Но на самомъ дѣлѣ издержки по поводу апелляцій никакъ не могутъ быть такъ велики, чтобы изъ за нихъ только отказывать подсудимымъ въ самомъ священномъ правѣ. Не боятся же ихъ въ Англіи, когда дозволяютъ подсудимымъ просить о новомъ судѣ по извѣстнымъ причинамъ, и не слышно, чтобы они были слишкомъ раззорительны. Апелляція очевидно можетъ быть дозволена лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ другія средства защиты оказываются недостаточными, а ни въ смѣшанномъ, ни въ обвинительномъ процессахъ, эти случаи не могутъ быть слишкомъ многочисленны, по причинѣ слишкомъ обширнаго употребленія кассацин и другихъ соотвѣст-

ющихъ ей средствъ защиты въ англійскомъ процессѣ. Но и тамъ, гдѣ апелляція оказывается необходимою, не всегда нужно бываетъ повторять всю прежнюю процедуру. Подсудимые рѣдко бываютъ недовольны всѣмъ вообще процессомъ, но обыкновенно жалуются или на то, что судъ приговорилъ ихъ къ наказанію за дѣйствіе, которое вовсе не заслуживаетъ наказанія, или назначилъ слишкомъ жестокое наказаніе, или далъ большую вѣру доказательствамъ, которыя вовсе незаслуживаютъ того, или не обратилъ должнаго вниманія на такія, которыя вполне заслуживаютъ того. Всѣ эти чисто частные вопросы могутъ быть рѣшены и безъ возобновленія процесса. Даже и передпросъ свидѣтелей рѣдко бываетъ нуженъ. Хотя процессъ изустный совершается весь вообще посредствомъ живой рѣчи, но и онъ не обходится безъ письменныхъ актовъ. Они составляются и въ предварительномъ и въ специальномъ слѣдствіи. Въ протоколы предварительнаго слѣдствія вносятся добытые имъ результаты; когда же въ самомъ засѣданіи суда встрѣчаются какія-нибудь новыя обстоятельства, или даются новыя показанія, или дѣлаются измѣненія въ прежнихъ, то все это отмѣчается въ протоколахъ, которые ведутся во время его. Въ изустномъ судопроизводствѣ эти акты имѣютъ совершенно иную силу, чѣмъ въ письменномъ. Въ изустномъ судопроизводствѣ акты предварительнаго слѣдствія повѣряются самими судьями въ личномъ присутствіи подсудимыхъ, которымъ предоставляется полная свобода дѣлать противъ нихъ возраженія и требовать въ нихъ измѣненій и дополненій. Черезъ это они очищаются какъ въ горнилѣ и получаютъ такую силу, какой никогда не могутъ имѣть въ письменномъ судопроизводствѣ. Равно и въ протоколы засѣданія ничто не вносится безъ вѣдома и согласія подсудимыхъ, а часто и сами защитники требуютъ, чтобы извѣстныя обстоятельства или показанія были засвидѣтельствованы, дабы можно было въ послѣдствіи сослаться на нихъ. Все это доставляетъ для вторыхъ судей самый богатый матеріалъ; то-

го, что подсудимый утвердилъ въ первомъ судѣ, онъ очевидно не можетъ отвергнуть во второмъ, а потому рѣдко можетъ желать и того, чтобы свидѣтели, допрошенные прежде, были опять допрошены. Что въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ судомъ свидѣтели могутъ выбыть, умереть, ими удалиться, это правда, равно какъ и то, что въ это время они легко могутъ забыть, или измѣнить свои показанія; но и эти случаи не могутъ быть часты и кромѣ того вредъ, который бы могъ произойти отсюда, легко поправляется тѣми же актами.

Присяжные же конечно не могутъ знать никакого высшаго суда надъ собой, но высшій судъ совершенно и не нуженъ для апелляціи; для нея вполне достаточенъ и равный судъ. Высшій судъ конечно былъ бы необходимъ для апелляціи, если бы она имѣла цѣлю повѣрку дѣйствій одного суда другимъ судомъ, но она, какъ мы видѣли, подается лишь въ интересъ самаго подсудимаго и служитъ для него средствомъ для дальнѣйшаго защищенія, что можетъ быть сдѣлано и въ равномъ судѣ. Считать же приговоры присяжныхъ вообще непроверяемыми можно бы было лишь тогда, когда бы ихъ судъ былъ совершенно непогрѣшительнъ. Но непогрѣшительнымъ не признаютъ судъ присяжныхъ и тѣ законы, на которыхъ онъ основывается. Всѣ они насчитываютъ по нѣскольку случаевъ, въ которыхъ приговоры присяжныхъ могутъ быть ошибочны и даже пристрастны и въ слѣдствіе этого, когда такіе случаи встрѣчаются, дозволяютъ и самимъ осужденнымъ просить о перевершеніи дѣлъ, рѣшенныхъ ими; въ Англіи въ подобныхъ случаяхъ помощію противъ несправедливыхъ приговоровъ присяжныхъ служитъ новый судъ, а во Франціи ревизія. Сверхъ того въ послѣдней странѣ и сами судьи имѣютъ право, когда находятъ единогласно приговоръ присяжныхъ несправедливымъ, а послѣдніе не хотятъ перемѣнить его по ихъ предложенію, отлагать дѣло до слѣдующаго собранія ассизовъ и передавать его тогда на рѣшеніе другихъ

присяжныхъ. Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ присяжные не во второй разъ разсматриваютъ дѣло въ томъ же самомъ числѣ, какъ и въ первый, и никто не видитъ въ томъ ничего несообразнаго. Правда, все это только изыятіе изъ общаго правила; но что возможно и позволительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, то почему же невозможно и не позволительно и во всѣхъ, которые хотя и не поименованы въ законахъ, но въ которыхъ однако же приговоры присяжныхъ оказываются также несправедливыми, какъ и въ поименованныхъ. И если позволяютъ отмѣнять приговоры присяжныхъ судьямъ, то почему же не позволяютъ жаловаться на ихъ несправедливость подсудимымъ? Если опасаются чрезъ это уронить институтъ присяжныхъ и въ ихъ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ другихъ, то гораздо болѣе уничтожаютъ присяжныхъ, когда позволяютъ контролировать и отвергать ихъ приговоры судьямъ. Въ силу этого позволенія всякій приговоръ присяжныхъ нуждается въ утвержденіи судей и тогда только имѣетъ силу, когда утверждается ихъ согласіемъ. Значитъ въ фактѣ судьи болѣе разумѣютъ, чѣмъ присяжные? Для чего же они тогда сидятъ въ уголовныхъ судахъ? Сажая присяжныхъ въ уголовные суды, законъ хотѣлъ дать въ нихъ подсудимымъ болѣе опытныхъ судей о ихъ винѣ или невинности; для чего же онъ отдалъ ихъ подъ опеку тѣмъ, которыхъ самъ призналъ менѣе способными къ тому? Правда, французскій законодатель дозволилъ судьямъ отмѣнять приговоры присяжныхъ лишь въ интересѣ подсудимыхъ, но чрезъ это онъ тѣмъ не менѣе выказалъ явную недовѣрчивость къ нимъ. Посему и въ самой франціи означенное право судей признается совершенно несовмѣстнымъ съ тѣмъ значеніемъ, которое долженъ имѣть судъ присяжныхъ. Было бы гораздо менѣе непоследовательно, если бы вмѣсто этого самимъ подсудимымъ дано было право просить объ отмѣнѣ приговора присяжныхъ, когда они могутъ доказать, что онъ данъ несправедливо. Ошибиться могутъ и присяжные, но контролю су-

дей въ своемъ собственномъ дѣлѣ они никогда не должны подлежать.

Наконецъ справедливо, что въ изустномъ судопроизводствѣ апелляція не такъ нужна, какъ въ письменномъ, что первое гораздо болѣе благоприятствуетъ защищенію, чѣмъ послѣднее, и что судъ присяжныхъ менѣе подаютъ поводовъ къ жалобамъ, чѣмъ другіе суды; но причина несправедливыхъ приговоровъ не всегда заключается въ несовершенствѣ суда и въ недалковидности и неправосудіи судей; иногда бываютъ виноваты въ томъ и сами подсудимые. Въ изустномъ судопроизводствѣ законъ конечно предоставляетъ подсудимымъ самыя обширныя права при защищеніи, но, къ сожалѣнію, они не всегда пользуются ими, какъ слѣдуетъ. Въ однихъ случаяхъ неопытность и легкомысліе, въ другихъ самоадѣянность, въ нѣкоторыхъ же и совершенная невозможность пренятствуютъ имъ въ томъ. Подсудимый думаетъ, что дѣйствіе, въ которомъ обвиняютъ его, не заключаетъ въ себѣ никакого преступленія, или же полагаетъ, что оно можетъ навлечь на него только самое незначительное полицейское взысканіе, и потому или вовсе не защищается противъ обвиненія, или хотя и защищается, но слабо; но судьи смотрятъ на дѣло совершенно другими глазами и приговариваютъ обвиняемаго къ тяжкому наказанію. Или обвиняемый въ преступленіи вовсе не знаетъ за собой никакой вины и въ твердой увѣренности, что невинность его откроется сама собой, или что онъ всегда успеетъ разрушить взводимую на него клевету, вовсе не защищается. Но клеветникъ не дремлетъ и такъ опутываетъ своими сѣтями и обвиняемаго, и судей, что обвиняемый дѣлается жертвою клеветы. Не смотря на его правоту, судъ осуждаетъ его. Но иногда обвиняемый, и при всемъ желаніи защищаться, не имѣетъ возможности къ тому въ то время, когда судъ производится надъ нимъ въ первой инстанціи. Это можетъ быть во первыхъ тогда, когда обвиненіе относится къ одному преступленію, а судъ осуждать обвиняе-

маго за другое. Обвиненіе напрямѣръ относится къ тѣлесному поврежденію; противъ него и защищается обвиняемый, но въ самомъ засѣданіи суда даются показанія, въ которыхъ судьи находятъ достаточныя улики, что тѣлесное поврежденіе причиною съ намѣреніемъ убить, и осуждаютъ обвиняемаго за покушеніе къ убійству. Этому приговора преступникъ не предвидѣлъ и потому не могъ защищаться противъ него. Въ другихъ же случаяхъ обвиняемый въ преступленіи не имѣетъ возможности защищаться противъ обвиненія какъ должно, потому что судъ основываетъ свой приговоръ на такихъ доказательствахъ и обстоятельствахъ дѣла, которыя съ самаго начала казались совершенно незаслуживающими вѣроятія, и выводитъ изъ послѣднихъ заключенія, которыхъ никакъ нельзя было предвидѣть. Всего же чаще случается то, что подсудимый въ первой инстанціи не имѣетъ нужныхъ доказательствъ, необходимыхъ для полного защищенія: свидѣтеля, напримѣръ, не можетъ привести въ слѣдствіе его отсутствія, документа представить, потому что онъ не находится въ рукахъ у него, пребыванія въ другомъ мѣстѣ во время совершенія преступленія доказать, несчастную связь обстоятельствъ разрушить. Но пока дѣло переносится во вторую инстанцію, свидѣтель возвращается, документъ отыскивается, препятствіе, существовавшее для доказательства пребыванія въ другомъ мѣстѣ, устраняется и несчастная связь обстоятельствъ объясняется сама собой. Если несправедливый приговоръ во всѣхъ этихъ случаяхъ не страдаетъ никакими ни формальными, ни юридическими недостатками, то отъ дѣйствія его не спасетъ подсудимаго никакое другое средство, кромѣ апелліаціи. Но она приноситъ подсудимымъ большую пользу еще и тогда, когда судебный приговоръ основывается на осмотрѣ свѣдущихъ людей. Случается, и не рѣдко, что осмотръ, признанный вполнѣ удовлетворительнымъ въ первой инстанціи, оказывается совершенно недостаточнымъ, когда вновь производится во второй болѣе знающими и опытыми въ

своемъ дѣлѣ людьми, что и ведетъ къ отмѣнѣ даннаго приговора.

Чтобы апелляція была дѣйствительно полезна для подсудимыхъ, по мнѣнію Миттермейера, она должна основываться на слѣдующихъ началахъ: 1) судъ второй инстанціи долженъ состоять изъ большаго числа членовъ, чѣмъ судъ первой инстанціи. Само собою разумѣется, что это относится лишь къ судамъ, которые замѣщаются коронными чиновниками; 2) присяжныхъ совершенно достаточно и для вторичнаго обсужденія дѣла. Но и число коронныхъ судей едва ли непременно должно быть болѣе во второй инстанціи, чѣмъ въ первой. Важно не количество, а качество. А Миттермейеръ говоритъ, что писшія мѣста замѣщаются вездѣ молодыми, неопытными людьми, которые притомъ не получаютъ достаточнаго жалованья; а одинъ вполне свѣдущій, опытный и независимый судья стоитъ десяти несвѣдущихъ, неопытныхъ и зависимыхъ судей. 3) Бѣднымъ подсудимымъ должны быть даны средства, чтобы они могли пользоваться совѣтами искуснаго и опытнаго адвоката. Лучше если-бы самъ судъ ихъ оффісію назначилъ защитниковъ для бѣдныхъ подсудимыхъ; тогда бы и они, также какъ и богатые, навѣрное имѣли хорошихъ адвокатовъ. 4) Обвиняемымъ должно быть дозволено употреблять всѣ средства для доказательства справедливости своей жалобы, и слѣдовательно представлять и новыя доказательства. 5) Должны быть приняты мѣры, чтобы судьи во второй инстанціи получали возможно полное представленіе о дѣлѣ и могли давать приговоръ, также основываясь на изустныхъ преніяхъ. 6) Слѣдуетъ озаботиться и тѣмъ, чтобы въ протоколахъ первой инстанціи тщательно записываемо было все существенное, дабы судъ второй инстанціи могъ основываться на нихъ. Наконецъ апелляція должна быть дозволена лишь самимъ подсудимымъ. Что апелляція не можетъ быть дозволена коронному адвокату, это ясно изъ того, что если государство, не смотря на всѣ самыя обширныя права, которыми пользуют-

ся въ области уголовного суда блюстители его интересовъ, адвокаты и слѣдователи, и при самыхъ дѣйствительныхъ средствахъ для открытія преступленій и обличенія преступниковъ, не успѣло предотвратить ошибочнаго приговора; то оно уже должно успокоиваться на немъ, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ слишкомъ страстномъ преслѣдованіи преступниковъ и намѣренномъ отягченіи ихъ судьбы.

Посмотримъ теперь, какъ организована апелляція въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ она дозволена при изустномъ судопроизводствѣ.

Во французскомъ законодательствѣ даны слѣдующія постановленія относительно апелляціи: 1) Чтобы устранить невыгоды, которыя бы могли произойти отъ пересылки дѣлъ по жалобамъ подсудимыхъ и въ особенности отъ вызова свидѣтелей въ апелляціонный судъ изъ слишкомъ отдаленныхъ мѣстъ, дозволяется подсудимымъ подавать апелляціи и въ равные суды, которые состояются тогда изъ 5 членовъ. Въ слѣдствіе этого апелляція на приговоры исправительныхъ судовъ, которые находятся при окружныхъ судахъ, подается въ исправительный судъ, который находится въ главномъ городѣ департамента; если же тамъ находится и апелляціонный судъ, то дѣло поступаетъ въ одну изъ его камеръ. Когда же приговоръ данъ судомъ главнаго города, то апелляція подается въ судъ находящійся въ главномъ городѣ ближайшаго департамента. 2) Апелляція дозволяется не только самому осужденному, но и гражданской партіи и даже государственнымъ прокурорамъ и притомъ такъ, что ее можетъ подавать не только прокуроръ того суда, который далъ приговоръ, но и того, въ который должна поступить апелляція. Она можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ и отягченіе судьбы обвиняемаго. 3) Объявленіе объ апелляціи съ объясненіемъ причинъ неудовольствія на приговоръ подается въ канцелярію суда. Въ апелляціонномъ судѣ сперва дѣлается докладъ однимъ изъ членовъ его, въ которомъ излагается со-

держаніе показаній, данныхъ по дѣлу въ первомъ судѣ; противъ нихъ партіямъ дозволяется дѣлать возраженія. О допросѣ обвиняемому хотя и ничего не сказано въ кодексѣ, но онъ обыкновенно (по большей части кратко) дѣлается. Равно и о томъ, слѣдуетъ-ли допрашивать свидѣтелей, въ кодексѣ не говорится также ничего; но такъ какъ въ случаѣ жалобы на полицейскіе суды, онъ прямо дозволяетъ допрашивать не только прежнихъ, но и новыхъ свидѣтелей, то въ практикѣ это дѣлается и здѣсь, впрочемъ такъ, что партіямъ хотя и не запрещается представлять прежнихъ и новыхъ свидѣтелей, но судъ не имѣетъ непрѣмливой обязанности допрашивать ихъ, за исключеніемъ если протоколы первой инстанціи недостаточны. Но судъ всегда долженъ объяснить причины, почему не находитъ нужнымъ допрашивать свидѣтелей. Когда же находитъ нужнымъ, судъ и самъ собой, по долгу званія, можетъ вызвать и допросить свидѣтелей, которые уже были допрошены. За собраніемъ доказательствъ слѣдуютъ изустныя пренія. Хотя апелляція въ этомъ видѣ и не признается вполнѣ удовлетворительною, однакоже опытные судьи и адвокаты удостовѣряютъ, что и при существующемъ порядкѣ апелляціоннаго суда, получаютъ довольно благоприятные результаты. Приговоръ перваго суда иногда совершенно отмѣняется, а иногда исправляется въ нѣкоторыхъ частяхъ, когда протоколъ его засѣданія бываетъ хорошо составленъ, а въ изложеніи основаній приговора помѣщаются свидѣтельскія показанія, которыя приняты судомъ въ соображеніе при постановленіи его, и подсудимый ничего не возражаетъ противъ подлинности показаній, но только доказываетъ, что имъ дана слишкомъ большая вѣра, или что напротивъ на благоприятныя для него показанія обращено слишкомъ мало вниманія; откуда и выводятъ заключеніе, что во многихъ случаяхъ передопросъ свидѣтелей вовсе не нуженъ.

Французскіе законы объ апелляціи приняты за образецъ и въ новѣйшихъ германскихъ законодательствахъ при со-

вершившейся тамъ въ послѣднее время реформъ уголовного суда; но въ нихъ вездѣ сдѣланы болѣе или менѣе значительныя измѣненія.

Въ Пруссіи апелляція еще болѣе ограничивается, чѣмъ въ самой Франціи. Законами 1849 и 1852 годовъ прусскимъ апелляціоннымъ судамъ вѣнено въ обязанность при рѣшеніи дѣлъ, поступающихъ на ихъ разсмотрѣніе по жалобамъ подсудимыхъ, принимать за доказанныя или недоказанныя только тѣ обстоятельства, которыя признаны такими въ ниснихъ судахъ, на основаніи происходившихъ въ нихъ изустныхъ преній. Исключаются изъ этого общаго правила лишь тѣ случаи, когда представляются новыя доказательства, или самъ судъ находитъ нужнымъ дополнить, или вообще повторить пренія, что однако же дѣлается не часто, по причинѣ нерасположенія судей къ новымъ преніямъ. Въ Пруссіи апелляція дозволяется и короннымъ адвокатамъ, но всегда имѣетъ своимъ послѣдствіемъ лишь облегченіе участи подсудимыхъ и никогда отягченіе ея, такъ что и въ томъ случаѣ, когда бы высшій судъ находилъ, что подсудимаго слѣдуетъ приговорить къ болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ къ какому приговорилъ его нисшій судъ, онъ обязанъ только утвердить приговоръ нисшаго суда.

Въ Баваріи напротивъ высшимъ судамъ предоставляется полная свобода сужденія, да и подсудимымъ безпрепятственно дозволяется представлять новыя доказательства и просить о новыхъ преніяхъ, въ которыхъ имъ обыкновенно и не отказывается, когда они издержки по передопросу свидѣтелей принимаютъ на себя или самъ находитъ нужнымъ передопросить ихъ для поясненія дѣла. Въ слѣдствіе апелляціи приговоръ и тогда измѣняется только въ пользу подсудимаго, когда дѣло переносится въ высшій судъ короннымъ адвокатомъ.

Въ Австріи апелляція дозволяется не только на первую, но и на вторую инстанцію, и по неимѣнію въ этой странѣ кассационнаго суда и особаго средства защиты противъ несправедливыхъ приговоровъ въ случаѣ только формальныхъ недостатковъ ихъ, употребляется и тогда, когда въ другихъ государствахъ помогаетъ противъ нихъ кассация. Право, предоставленное австрійскимъ подсудимымъ жаловаться и на вторую инстанцію, потому особенно важно, что по тамошнимъ законамъ, чѣмъ выше судъ, тѣмъ болѣе и право его смягчать наказанія. Но и самый высшій судъ не можетъ измѣнить приговоръ нисшаго суда во вредъ подсудимому. Въ высшихъ судахъ дѣла всегда производятся лишь письменно, такъ что апелляціонные суды даютъ рѣшенія обыкновенно только на основаніи прежде бывшихъ преній. Въ слѣдствіе этого они часто вовсе не имѣютъ никакихъ средствъ рѣшить дѣло иначе, чѣмъ какъ оно рѣшено было въ нисшемъ судѣ.

Наконецъ въ Саксоніи апелляція дозволяется только подсудимымъ и служитъ средствомъ защиты и въ важныхъ преступленіяхъ. Въ этихъ случаяхъ подсудимымъ, по распоряженію самаго закона, дается защитникъ, хотя приговоръ также измѣняется всегда лишь въ ихъ пользу. Судъ же производится точно также, какъ и въ Пруссіи. Въ законѣ говорится, что высшій судъ обязанъ основывать свои рѣшенія на тѣхъ самыхъ данныхъ, на которыхъ онѣ основаны были въ нисшихъ судахъ, и слѣдовательно принимать за доказанное или недоказанное только то, что ими признано за доказанное или недоказанное. Это не препятствуетъ однако высшему суду дѣлать другіе выводы изъ тѣхъ же самыхъ обстоятельствъ.

С. БАРШЕВЪ.

ОТДѢЛЪ II.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

A. РУССКАЯ.

I.

Споръ о родовомъ свойствѣ завѣщаннаго имѣнія тогда только долженъ имѣть послѣдствіемъ взятіе имѣнія въ опекуное управленіе, когда онъ подтвержденъ доказательствами, определенными ст. 1100 ч. I. т. X св. зак. гражд. Къ числу такихъ доказательствъ не можетъ быть отнесено свидѣтельство, выданное на залогъ имѣнія въ кредитномъ установленіи. Дѣйствіе ст. 1100-й распространяется и на тѣ случаи, когда завѣщанное имѣніе не названо въ завѣщаніи благопріобрѣтеннымъ, т. е. когда въ самомъ завѣщаніи не содержится никакого указанія на свойство завѣщаннаго имѣнія.

Отставный генералъ-маіоръ Петръ Христофоровъ Константиновичъ, домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ, составленнымъ 7-го октября 1850 г., отказалъ женѣ своей, Викторіи Мартыновой Константиновнѣ, въ пожизненное владѣніе населенное недвижимое имѣніе, состоящее въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Вдова Викторія Константиновнѣ представила сіе

завѣщаніе, 17 того же октября, къ засвидѣтельствуванію въ Кіевскую палату гражданскаго суда; а сынъ завѣщателя, Павелъ Константиновичъ, въ поданномъ въ палату прошеніи, 2-го февраля 1851 г., изъяснилъ: 1) что завѣщанное отцомъ его въ пожизненное владѣніе матери недвижимое имѣніе есть родовое; 2) что хотя, по закону, при предъявленіи спора противъ распоряженія въ завѣщаніи родовымъ имѣніемъ должны быть предъявлены акты въ удостовѣреніе о родовомъ свойствѣ имѣнія, или сдѣлана ссылка на судебныя опредѣленія, доказывающія, что имѣніе досталось завѣщателю по наслѣдству; но какъ всѣ акты на имѣніе находятся у родительницы просителя, а дѣла Переяславскаго уѣзднаго суда истреблены пожаромъ, то, предъявляя споръ свой палатѣ, онъ, проситель, ссылается на свидѣтельства, по которымъ имѣніе сіе поступило въ залогъ Полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія, изъ которыхъ видно, что оно было родовое, а въ самомъ завѣщаніи оно не объявлено ни родовымъ, ни благопріобрѣтеннымъ. Посему Павелъ Константиновичъ просилъ палату не утверждать завѣщанія отца его, въ отношеніи къ имѣнію, состоящему въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи.

Гражданская палата, находя, что духовное завѣщаніе генералъ-маіора Константиновича учинено по формѣ и подтверждено свидѣтелями, постановила: засвидѣтельствовать оное въ подлинности его составленія, не касаясь правильности заключающихся въ немъ распоряженій, а просителю Павлу Константиновичу объявить, что если онъ желаетъ и имѣть право предъявить споръ на завѣщаніе, то обратился бы въ надлежащее судебное мѣсто.

На это опредѣленіе палаты, Павелъ Константиновичъ, принесъ жалобу 3-му департаменту Сената, объясняя: 1) что по силѣ ст. 1098 ч. I т. X св. зак. граж., когда возникнетъ отъ кого-либо споръ при самомъ предъявленіи въ присутственное мѣсто завѣщанія, то имѣніе берется въ опекунское управленіе;

2) что по ст. 1100 того же св. зак. гражд., если акты, представленные въ удостовѣреніе, что завѣщанное имущество есть родовое, окажутся неподверженными сомнѣнію, или сдѣланная ссылка на доказательства подтвердится справкою, то имѣніе также берется въ опеку, и 3) что посему палата обязана была вытребовать указанныя просителемъ доказательства изъ Полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія, и, удостовѣривъ въ родовомъ свойствѣ завѣщаннаго имѣнія, отдать оное, до рѣшенія дѣла, въ опекунское управление. По сему основаніямъ Павелъ Константиновичъ просилъ Правительствующій Сенатъ: предписать палатѣ, чтобы она, рассмотрѣвъ указанныя имъ, просителемъ, доказательства, не свидѣтельствовала завѣщанія отца его въ отношеніи недвижимаго имѣнія въ Переяславскомъ уѣздѣ, а если мать или братья просителя предъявятъ споръ противу показанія его о родовомъ свойствѣ завѣщаннаго имѣнія, то поручила бы сіе имѣніе, до рѣшенія дѣла, опекунскому управленію.

3-й Департаментъ Сената по рассмотрѣніи сей жалобы Константиновича, вмѣстѣ съ истребованнымъ отъ палаты объясненіемъ, нашель: 1) что по силѣ ст. 1042 ч. I т. X св. зак. гражд., явкою завѣщанія удостовѣряется только подлинность его, а не законность заключающихся въ немъ распоряженій, и 2) что проситель Павелъ Константиновичъ ничѣмъ не доказываетъ и не подтверждаетъ, согласно ст. 314, 318, 319 и 322 ч. 2-й т. X св. зак. гражд., родоваго свойства завѣщаннаго отцомъ его имѣнія, и по сему опредѣлилъ: постановленіе палаты утвердить, съ тѣмъ, чтобы при предъявленіи просителемъ иска о родовомъ свойствѣ имѣнія отца его, наложено было на сіе имѣніе запрещеніе, на основаніи ст. 1100 ч. I т. X св. зак. гражд.

На это опредѣленіе 3-го департамента Сената Павелъ Константиновичъ принесъ всеподданѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно было рассмотреть въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената.

Общее собраніе, сообразивъ всеподданнѣйшую жалобу Павла Константиновича съ обстоятельствами дѣла и законами, нашло: 1) что по силѣ ст. 1102 ч. 1-й т. X св. зак. гражд., судебныя мѣста, при явкѣ духовныхъ завѣщаній къ засвидѣтельствуванію, сами собою, безъ предъявленія спора, не входятъ въ разсмотрѣніе свойства завѣщаннаго имѣнія; 2) что по силѣ ст. 1098 ч. 1-й и 680 ч. 2-й того же св. зак. гражд., когда возникнетъ споръ противу завѣщанія, при самомъ предъявленіи его къ засвидѣтельствуванію, то спорное имѣніе поручается опекунскому управленію; но при спорѣ о томъ, что имѣніе, названное въ завѣщаніи благопріобрѣтеннымъ, есть родовое, опека налагается на сіе имѣніе, на основаніи ст. 1100 ч. 1. и 681 ч. 2-й св. зак. гражд., только въ томъ случаѣ, если представлены будутъ неподверженные сомнѣнію акты или подтвердятся достовѣрною справкою ссылка на судебныя опредѣленія, доказывающія родовое свойство завѣщаннаго имѣнія, а при всякомъ другомъ спорѣ, безъ упомянутыхъ доказательствъ о свойствахъ завѣщаннаго имѣнія, имѣніе сіе оставляется во владѣніи по завѣщанію, съ наложеніемъ запрещенія до окончанія дѣла; 3) что въ настоящемъ случаѣ проситель Павелъ Константиновичъ, предъявляя Кіевской гражданской палатѣ споръ свой противу распоряженія въ завѣщаніи отца, относительно недвижимаго имѣнія въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, не представилъ доказательствъ, указанныхъ въ ст. 1100 ч. 1-й и 681 ч. 2-й св. зак. гражд., ссылка же его на свидѣтельства, по которымъ завѣщанное имѣніе поступило въ залогъ приказа общественнаго призрѣнія, не могла служить достаточнымъ утвержденіемъ законности его спора, потому что подобныя свидѣтельства не принадлежатъ къ актамъ укрѣпленія имуществъ, исчисленнымъ въ ст. 326 ч. 2-й св. зак. гражд., и слѣдственно обсужденіе силы и достоинства подобнаго доказательства о свойствахъ спорнаго имѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпеченіе предъявленнаго на семъ основанія спора, могутъ послѣдовать не иначе, какъ по судебномъ разсмо-

трѣни въ установленномъ законами порядкѣ; 4) что наконецъ одно объясненіе Павла Константиновича о томъ, что спорное имѣніе не названо въ завѣщаніи благопріобрѣтеннымъ, безъ представленія уважительныхъ предъ закономъ доказательствъ на то, что сіе имѣніе есть именно родовое, не могло ни въ какомъ случаѣ быть достаточнымъ основаніемъ къ принятію спора его палатою, и къ ограниченію въ распоряженіи завѣщаннымъ имѣніемъ того лица, которому оно отказано въ пожизненное владѣніе по волѣ умершаго вотчинника, удостовѣренной въ законномъ порядкѣ подписанными завѣщаніе свидѣтелями; и не опровергаемой родными братьями и сестрами просителя имѣющими равныя съ нимъ права.

Но симъ соображеніямъ было признано, что Кіевская гражданская палата, по спору, предъявленному Павломъ Константиновичемъ при явкѣ къ засвидѣтельствованію духовнаго завѣщанія отца его, не имѣла законнаго основанія подвергать онекунскому управленію имѣніе, о свойствѣ котораго предъявленъ былъ споръ, не подтвержденный означенными въ помннутыхъ статьяхъ доказательствами, и что засимъ отъ просителя Константиновича зависитъ, какъ указано и въ опредѣленіи 3-го департамента Сената, представить, въ установленный ст. 1098 ч. 1-й и 680 ч. 2-й св. зак. гражд. срокъ, въ подтвержденіе спора своего, надлежащія, куда слѣдуетъ, доказательства, и просить о наложеніи установленнымъ порядкомъ на спорное имѣніе запрещенія, впредь до рѣшенія дѣла по его иску. Въ слѣдствіе сего всеподданнѣйшая жалоба Павла Константиновича оставлена была общимъ Сената собраніемъ безъ уваженія.

При разсмотрѣніи этого дѣла, заявлено было и другое, противоположное мнѣніе, основанное на слѣдующихъ главныхъ соображеніяхъ: 1) указанная въ опредѣленіи 3-го департамента ст. 1042-ая ч. 1-й т. X св. зак. гражд. относится только до явки крѣпостныхъ духовныхъ завѣщаній самимъ завѣщателемъ; домашнія же духовныя завѣщанія, по силѣ ст. 1014-ой, явля-

ются въ гражданской палатѣ для удостовѣренія въ подлинности и законности ихъ; 2) постановленіе ст. 1100-й о доказательствахъ, которыми должно быть подтверждено родовое свойство имѣнія, относится, какъ видно изъ самой 1100-й статьи и предшествующей ей 1099-й, къ тѣмъ только случаямъ, когда завѣщанное имѣніе въ самомъ завѣщаніи прямо названо благопріобрѣтеннымъ, чего нѣтъ въ настоящемъ дѣлѣ; 3) свидѣтельства на залогъ имѣній выдаются палатами не иначе, какъ въ слѣдствіе формальныхъ о томъ постановленій, и на точномъ основаніи образца, приложеннаго къ уставу кредитныхъ установленій, должны содержать въ себѣ положительное удостовѣреніе о способѣ, какимъ имѣніе дошло до закладчика. Посему гражданская палата неправильно оставила безъ вниманія ссылку, сдѣланную Павломъ Константиновичемъ; она обязана была истребовать о томъ на подобное свидѣтельство надлежащую справку и затѣмъ, еслибы этою справкою подтвердилось родовое свойство завѣщаннаго имѣнія, отдать имѣніе, впродъ до окончательнаго судебного рѣшенія, въ опекуное управленіе.

По поводу этого мѣнія нельзя не обратить вниманія на разнорѣчивое толкованіе ст. 1042-й ч. I т. X св. зак. гражд. Третій департаментъ Сената, примѣняя означенную статью къ домашнему духовному завѣщанію генераль-маіора Константиновича, рассуждалъ, что явкою завѣщанія вообще удостовѣряется только подлинность его, а не законность заключающихся въ немъ распоряженій. Въ вышеприведенномъ мѣніи, напротивъ того, дѣйствіе 1042-й статьи ограничивается однимъ только крѣпостными завѣщаніями,—на томъ, вѣроятно, основаніи, что отдѣленіе, въ которомъ помѣщена эта статья, озаглавлено слѣдующимъ образомъ: «*О порядкѣ составленія, явки и храненія крѣпостныхъ завѣщаній*»; что же касается до домашнихъ духовныхъ завѣщаній, то присутственнымъ мѣстамъ, свидѣтельствующимъ ихъ, предоставляется право, по примѣненію къ ст. 1014-й, удостовѣряться не только въ подлинности акта, но и въ

законности самого содержания его. Кругъ дѣйствія 1042-й статьи, т. е. примѣняемость ея ко всѣмъ вообще, или же только къ крѣпостнымъ духовнымъ завѣщаніямъ составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ судебной практики. Статья эта приводится и въ подтвержденіе, и въ опроверженіе права присутственныхъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ завѣщанія, входитъ въ разсмотрѣніе не только формы, но и содержания ихъ. Разборъ и оцѣнку такихъ противоположныхъ мнѣній можно предпринять, какъ уже было сказано въ нашемъ журналѣ, (сентябрь 1859 г., отдѣлъ русской судебной практики, № II, дѣло о духовномъ завѣщаніи Лихаревой), только въ особой, подробной статьѣ. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе лишь на то, въ какомъ смыслѣ спорный вопросъ разрѣшается настоящимъ опредѣленіемъ общаго Сената собранія? По буквальному смыслу своему, оно не даетъ на этотъ вопросъ ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта. Но если принять во вниманіе, что общее Сената собраніе имѣло въ виду заявленное при производствѣ дѣла мнѣніе о неправильномъ примѣненіи къ завѣщанію Константиновича ст. 1042-й ч. 1 т. X св. зак. гражд., и что, не смотря на то, оно утвердило опредѣленіе 3-го департамента Сената, въ которомъ завѣщаніе Константиновича прямо было подведено подъ дѣйствіе вышеупомянутой статьи,—то нельзя не придти къ заключенію, что статья 1042-я принимаема была общимъ собраніемъ въ самомъ обширномъ ея смыслѣ, т. е. распространяема на всѣ вообще, а не на одни только крѣпостныя духовныя завѣщанія. Съ этой точки зрѣнія настоящее опредѣленіе общаго Сената собранія можетъ въ нѣкоторой степени служить разъясненіемъ взгляда высшихъ судебныхъ учрежденій на обязанности присутственныхъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ духовныя завѣщанія.

II.

Жалобы на завладѣніе приносятся или суду, или полиціи. Срокъ на подачу жалобы въ полицію—десяти-недѣльный, а въ судъ—десяти-лѣтній послѣ совершенія завладѣнія. По истеченіи десяти недѣль со времени завладѣнія дѣло о возстановленіи нарушеннаго владѣнія можетъ начаться только судебнымъ порядкомъ. Недовольный рѣшеніемъ полиціи по дѣлу о завладѣніи можетъ принести жалобу на ея постановленіе суду первой степени въ четырехнедѣльный срокъ. Пропускъ четырехнедѣльнаго срока не лишаетъ права начать искъ судебнымъ порядкомъ, а только лишаетъ возможности возстановить нарушенное владѣніе порядкомъ полицейскимъ или административнымъ.—Въ губерніяхъ, генерально обмежеванныхъ, въ числѣ главныхъ доказательствъ по дѣламъ вотчиннымъ принимаются межевыя книги и планы генеральнаго межеванія.—Давностию не могутъ быть уничтожены ни межи генеральнаго межеванія, ни пространство владѣній, определяемое этими межами.

Въ 1849 году титулярный совѣтникъ Фонъ-Бергъ жаловался Вологодскому гражданскому губернатору на священноцерковно-служителей Васильяновской Кубеницкой церкви за завладѣніе ими землею въ количествѣ 1425 саж., принадлежащую къ селу Иванчину, имѣнію жены просителя Анны,—за построеніе на этомъ участкѣ, безъ всякаго права, лавокъ и домовъ и за присвоеніе крестьянской запашки, на немъ находившейся.—Начальникъ губерніи передалъ эту жалобу, чрезъ Вологодское губернское правленіе, на разсмотрѣніе Кадниковска-

го земскаго суда. Земскій судъ отказалъ въ прошеніи Фонъ-Берга, основываясь на томъ, что означенная земля отдана церкви въ 1810 г. по распоряженію епархіальнаго и губернскаго начальства, въ присутствіи повѣреннаго тогдашней собственностицы села Иванчина, а потомъ въ теченіи 40 лѣтъ никто изъ владѣльцевъ не предъявлялъ никакой претензіи относительно этой земли. Это опредѣленіе земскаго суда объявлено Фонъ-Бергу въ маѣ 1850 г.; а 3 іюля того же года крестьянинъ Гладковъ, повѣренный Фонъ-Берга, принесъ на постановленіе земскаго суда жалобу Кадниковскому уѣздному суду, который оставилъ ее безъ разсмотрѣнія, какъ поданную по пропущеніи 4 недѣльнаго срока. На это Гладковъ жаловался Вологодской гражданской палатѣ, которая утвердила распоряженіе уѣзднаго суда, предоставивъ Фонъ-Бергу право начать дѣло о претензіи ея установленнымъ въ законахъ исковымъ порядкомъ.

Вслѣдствіе сего Гладковъ обратился въ Кадниковскій уѣздный судъ съ исковымъ прошеніемъ о возвратѣ довѣрительницѣ его завладѣнной церковью земли и, въ доказательство принадлежности этой земли г-жѣ Фонъ-Бергъ, представилъ планъ генеральнаго межеванія, по которому вся земля около церкви, за исключеніемъ 596 саж., отведенныхъ подъ церковную площадь и кладбище, отмежевана за собственниками села Иванчина.

Священно-церковно-служители въ доказательство своихъ правъ на спорную землю сослались на писцовыя книги 7136, 7137 и 7138 г. (1628, 1629 и 1630), изъ которыхъ видно, что на этой землѣ въ то время существовали зданія, принадлежавшія священно-церковно-служителямъ, и еще до генеральнаго межеванія съ незапамятныхъ временъ находилась церковь Діонисія Глушицкаго, въ подтвержденіе чего указывали на существующій донынѣ деревянный срубъ, устроенный на мѣстѣ алтаря, въ память котораго ежегодно совершается къ этому срубѣ крестный ходъ, а также на то, что сами крестьяне Фонъ-Бергъ признаютъ землю принадлежащею церкви, платя ей

— 41 —

въ теченіи нѣсколькихъ земскихъ давностей вмѣстѣ съ прочими крестьянами за производство торговъ на этой землѣ.

Всѣ эти показанія священно-церковно-служителей были подтверждены 14 крестьянами изъ старожиловъ, спрошенными подъ присягою по произведенному на мѣстѣ розысканію.

Кадниковскій уѣздный судъ, рассмотрѣвъ это дѣло, 29-го ноября 1852 г. опредѣлилъ: оставить спорную площадь въ неотъемлемомъ владѣніи Кубеницкой церкви, принявъ во вниманіе, что эта площадь находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находилась церковь Св. Діонисія Глушицкаго.

Вологодская гражданская палата, рассмотрѣвъ дѣло, по апелляціи Гладкова, нашла, что по плану генеральнаго межеванія земли въ селѣ Иванчинѣ принадлежитъ церкви только 596 саж., что отведенная въ 1810 г. церкви земля въ количествѣ 1804 саж. состоитъ отдѣльно отъ спорной и о ней Фонъ-Бергъ не имѣетъ никакой претензіи, и что давностью владѣнія нельзя отмѣнять границы генеральнаго межеванія, и потому опредѣлила предоставить спорную землю Фонъ-Бергъ.

Съ рѣшеніемъ гражданской палаты согласился и Вологодскій гражданскій губернаторъ, а Вологодская казенная палата полагала утвердить рѣшеніе Кадниковскаго уѣзднаго суда.

Затѣмъ дѣло поступило на ревизію 2-го департамента Правительствующаго Сената, изъ котораго, по разногласію, было перенесено въ общее собраніе 4, 5 и межеваго департаментовъ. Въ общемъ собраніи при рассмотрѣніи настоящаго дѣла было возбуждено два вопроса: 1) имѣла-ли помѣщица Фонъ-Бергъ право начать дѣло судомъ послѣ отказа ей земскою полиціею въ просьбѣ о возвращеніи ей земли изъ владѣнія причта Кубеницкой церкви, и 2) о правѣ собственности на эту землю.

Для разрѣшенія перваго вопроса общимъ собраніемъ были приняты во вниманіе слѣдующія соображенія:

По закону, каждый имѣетъ право отыскивать свое имущество изъ чужаго неправильнаго владѣнія или дѣйствіемъ поли-

ція или судомъ (ст. 691 ч. I и ст. 7. ч. 2 т. X изд. 1857 г.). Въ 1-мъ случаѣ, т. е. когда законъ позволяетъ просить о возвращеніи отнятаго имущества полиціею, дѣйствія сей послѣдней ограничены приведеніемъ въ ясность посредствомъ изслѣдованія, въ чьемъ владѣніи было имѣніе тогда, когда произошло обжалованное насиліе; разсмотрѣніе же письменныхъ доказательствъ и спора о правѣ собственности на завладѣнное имущество принадлежить единственно разбирательству судебныхъ мѣстъ (21 ст. ч. 2 т. X). Притомъ жалоба на завладѣніе относится до разсмотрѣнія полиціи только тогда, когда она принесена будетъ не позднѣе десяти недѣль со времени завладѣнія; въ противномъ же случаѣ полиція должна представить дѣло на разсмотрѣніе судебного мѣста (таже 21 ст.). Когда въ просьбѣ о возвращеніи отнятаго имущества, поданной въ означенный выше срокъ, полиціею будетъ отказано, тогда для принесенія жалобы на такое постановленіе *собственно* полиціи и для перенесенія дѣла въ судебное мѣсто установленъ четырехнедѣльный срокъ (ст. 24 2 ч. X т.). Послѣ пропущенія этого срока отнятое имущество уже не можетъ быть возвращено полицейскимъ или административнымъ порядкомъ, и рѣшеніе полиціи приводится въ исполненіе; но этимъ однако не отмѣняются общіе сроки, опредѣленные въ ст. 694 I ч. и 213, 214, 2 ч. X т. для начатія исковъ судебнымъ порядкомъ; четырехнедѣльный срокъ можетъ быть примѣненъ только къ такимъ дѣламъ, предметъ которыхъ подлежитъ по законамъ разбирательству полиціи, а не къ такимъ, на которыя власть полиціи не можетъ распространяться. Примѣненіе вышеизложенныхъ законовъ къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла показываетъ, что земскому суду вовсе не слѣдовало входить въ разсмотрѣніе прошенія Фонъ-Бергъ, потому что оно поступило уже послѣ 10-ти недѣль со времени завладѣнія священно-церковно-служителями землею и такъ какъ это дѣло не подлежало сужденію полиціи, то и четырехнедѣльный срокъ не относится къ нему; но даже если бы этотъ срокъ и могъ быть примѣненъ къ настоящему случаю, то тѣмъ

не менѣ пропущеніе его не могло бы лишить Фонъ-Бергъ права начать дѣло о землѣ судебнымъ порядкомъ, потому что она какъ до подачи просьбы въ полицію, такъ и послѣ того имѣла право, въ теченіи опредѣленнаго законами времени для начатія дѣлъ этого рода, отыскивать нарушенное ея право собственности порядкомъ, установленнымъ для вотчинныхъ дѣлъ. На этихъ основаніяхъ общее собраніе признало, что гражданская палата поступила совершенно правильно и законно, отказавъ Фонъ-Бергъ въ просьбѣ о возвращеніи ей земли полицейскимъ порядкомъ, но предоставивъ ей отыскивать свое право судомъ (*).

Обращаясь затѣмъ ко второму вопросу о томъ, кто имѣетъ право на спорный участокъ земли, — Фонъ-Бергъ или священно-церковно-служители, — общее собраніе нашло, что первая утверждаетъ свое право на планѣ генеральнаго межеванія, по которому село Иванчино замежевано въ единственное владѣніе его собственника, за исключеніемъ 596 кв. саж., отрѣзанныхъ къ церкви, а священно-церковно-служители: а) на писцовыхъ книгахъ 7136, 7137 и 7138 годовъ, изъ которыхъ видно, что въ то время на спорной землѣ находились зданія, принадлежавшія священно-церковно-служителямъ, и церковь во имя Св. Діонисія

(*) Противное этому мнѣнію состояло въ томъ, что пропускъ Фонъ-Бергъ 4-недѣльнаго срока на обжалованіе постановленія земскаго суда лишилъ ее права иска по настоящему дѣлу невозвратно; по этому опредѣленіе гражданской палаты, которымъ предоставлено было Гладкову начать дѣло исковымъ порядкомъ, слѣдуетъ отмѣнить со всеми послѣдствіями, т. е. со всеми рѣшеніями судебныхъ мѣстъ, послѣ того послѣдовавшими.

Это мнѣніе опровергается вышележащими доводами. Оно присвоиваетъ полицейской власти такое значеніе, котораго она не имѣетъ по дѣйствующимъ законамъ, и даетъ опредѣленію полиціи силу, вовсе ему несвойственную. Опредѣлять права частныхъ лицъ, разрѣшать споры, возникающіе изъ нихъ юридическія отношенія принадлежатъ единственно вѣдомству судебной власти. Только судъ можетъ постановить, въ какомъ видѣ должны существовать юридическія отношенія частныхъ лицъ, сдѣлавшія спорными; только ему принадлежатъ сужденіе о законности или незаконности факта. Полиція имѣетъ другое назначеніе; ея обязанность защищать фактическое владѣніе отъ своевольнаго нарушенія его частнымъ лицомъ, что ясно видно изъ 531 ст. 1 ч. X т., по которой всякое, даже и незакон-

Глушицкаго; б) на давности владѣнія, и в) на показаніяхъ свидѣтелей. Общее собраніе признало за доказательствами, представленными Фонъ-Бергъ, большую силу, чѣмъ за доказательствами противной стороны, принявъ во вниманіе, что по силѣ 683 ст. 2 ч. X т. въ губерніяхъ, обмежеванныхъ главными доказательствами принимаются межевыя книги и планы генеральнаго межеванія; что по 563 ст. I ч. X т. давностью владѣнія не могутъ быть уничтожены ни межи генеральнаго межеванія, ни права, соединенныя съ постановленіемъ этихъ межъ, — права, заключающіяся именно въ томъ, чтобы межами опредѣлялось пространство владѣнія; и наконецъ, что по силѣ 684 ст. въ дѣлахъ о вотчинномъ правѣ на недвижимыя имѣнія не должно основывать рѣшеній на показаніяхъ свидѣтелей. Посему общее собраніе признало спорную землю, какъ показанную по плану генеральнаго межеванія за помѣщицею Фонъ-Бергъ, неотъемлемою ея собственностію.

По настоящему вопросу также дано было противоположное мнѣніе. Лица, участвовавшія въ постановленіи сего мнѣнія, находили, что спорная земля принадлежала церкви еще по писцовымъ книгамъ 7136, 7137 и 7138 годовъ и по это-

ное владѣніе охраняется правительствомъ отъ насилія и самоуправства. Полиція, по ясному смыслу вышеназложенныхъ законовъ, должна только изслѣдовать, было ли произведено самоуправство, и если откроется, что было, то возстановитъ владѣніе въ его первоначальномъ видѣ. Напримѣръ А, законный владѣлецъ земли, насильно лишаетъ владѣнія этою землею В, который неправильно пользуется и распоряжается ею. В жалуется на это полиціи; А представляетъ въ свое оправданіе документы на принадлежность ему земли. Полиція не входитъ въ разсмотрѣніе этихъ документовъ, но удостовѣривъ, что А учинилъ насиліе, возвращаетъ землю В. Само собою разумѣется, что подобное дѣйствіе полиціи не можетъ лишить А права на землю, и что онъ можетъ начать отыскивать это право передъ судомъ въ общій десятилѣтній срокъ. — Но онъ положимъ, находитъ самое постановленіе полиціи, лишающее его владѣнія собственною его землею, неправильнымъ, и вотъ ему дается 4-недѣльный срокъ на принесеніе жалобы на это постановленіе, — срокъ, пропущеніе котораго влечетъ за собою приведеніе въ исполненіе постановленія полиціи, а съѣсъмъ не лишеніе. А права отыскивать свою собственность судебнымъ порядкомъ.

му должна оставаться во владѣніи церкви, потому, что на основаніи 311, 312, 313 и 314 ст. (IX т. зак. о сост.) церковныя земли, принадлежащія церковному вѣдомству по прежнимъ дачамъ и писцовымъ книгамъ, всегда должны оставаться принадлежностью церкви. Но эти статьи не относятся къ настоящему дѣлу; онѣ указываютъ только на то, что земля, принадлежащая какой-либо церкви, остается за церковнымъ вѣдомствомъ и въ случаѣ упраздненія церкви. Притомъ по 863 и 883 ст. зак. меж. предписано въ губерніяхъ размежеванныхъ разрѣшать споры на основаніи выданныхъ отъ межеваго правительства плановъ и межевыхъ книгъ, а не на основаніи прежнихъ писцовыхъ книгъ.

Далѣе утверждали, что хотя во время генеральнаго межеванія спорная земля была обойдена одною окружною межею, но внутренняго спеціальнаго межеванія не было, и не на планѣ генеральнаго межеванія, ни въ межевыхъ книгахъ не показано, чтобы спорный участокъ именно принадлежалъ Фонъ-Бергъ, а потому одно размежеваніе его въ одну окружную межу съ землею Фонъ-Бергъ не можетъ служить законнымъ основаніемъ къ лишенію церкви собственности ея на участокъ, которымъ она владѣла въ теченіи нѣсколькихъ земскихъ давностей. Эти доводы опровергаются во 1-хъ тѣмъ, что въ планѣ именно обозначено, что вся земля, за исключеніемъ 596 саж., отведенныхъ церкви, размежевана за владѣтелями села Иванчипа; а слѣдовательно спорный участокъ, смежный съ церковною оградою, но не заключающій въ себѣ этихъ 596 саж., которыми церковь владѣетъ безспорно, принадлежитъ Фонъ-Бергъ, входя въ составъ размежеванной за нею земли. Во 2-хъ законъ о давности допускаетъ, по смыслу 553 ст. I ч. X т., исключеніе относительно земель генерально обмежеванныхъ, т. е. давность не можетъ уничтожить правъ, соединенныхъ съ постановленіемъ межъ, которыя опредѣляютъ пространство владѣнія.

Такое исключеніе изъ общаго правила о давности прямо относится къ настоящему дѣлу, въ слѣдствіе чего спорный уча-

стокъ долженъ оставаться собственностію Фонъ-Бергъ, хотя бы церковъ владѣла имъ еще нѣсколько земскихъ давностей.

Наконецъ указывали еще на то, что церковъ владѣла спорнымъ участкомъ по формальному отводу, совершенному въ 1810 году по распоряженію епархіальнаго и губернскаго начальства, но изъ дѣла видно, что отведенная въ 1810 г. земля состоитъ отдѣльно отъ спорной, и на нее Фонъ-Бергъ не имѣетъ никакой претензіи, и стало быть послѣднее возраженіе падаетъ само собою.

III.

Правила, изложенныя въ ст. 616 т. XI уст. торг. о протестѣ векселей, распространяются не только на переводные, но и на простые векселя. Посему, векселедержатель простаго векселя, не получившій своевременно удовлетворенія отъ векселедателя, обязанъ, независимо отъ протеста, уведомить о не платежѣ по векселю, на общемъ основаніи и въ установленный срокъ, того на кого онъ намѣренъ обратиться възысканіе. Еслиже послѣ протеста векселедержатель вновь обратится съ требованіемъ уплаты къ неисправному векселедателью, а не къ подписателю, и не уведомитъ сего послѣднимъ о неплатежѣ по векселю, то подписатель, по примѣненію къ ст. 620 и 621 того же тома, освобождается отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности предъ векселедержателемъ, хотя бы векселедатель впалъ между тѣмъ въ несостоятельность.

Екатеринбургскій купецъ Харитоновъ выдалъ 20-го августа 1850 г. на Нижегородской Макарьевской ярмаркѣ Казанскому

купцу Кусакину вексель на 2 т. р. с., срокомъ на 6 мѣсяцевъ.

26-го августа 1850 г. Кусакинъ передалъ вексель сей Арскому купцу Носову, въ чемъ имѣется на оборотѣ векселя передаточная надпись.

По неплатежу въ срокъ Харитоновымъ вексель былъ протестованъ 2-го марта 1851 г. Носовымъ въ г. Ирбитѣ.

Засимъ Носовъ предъявилъ вексель ко взысканію съ Харитонова, но, получивъ 24-го сентября 1852 г. отъ Екатеринбургскаго магистрата увѣдомленіе о несостоятельности Харитонова, обратился 17-го декабря 1852 г., чрезъ Казанскую городскую полицію, къ надписателю Кусакину со взысканіемъ по векселю, на основаніи 565 ст. т. XI уст. торг.

Кусакинъ отъ платежа по переданному имъ векселю отказался, объясняя, что Носовъ при неуплатѣ Харитоновымъ по векселю обязанъ былъ по закону вмѣстѣ съ протестомъ объявить Кусакину о намѣреніи взыскать съ него слѣдующую по векселю сумму, и что Носовъ, не исполнивъ возложенной на него закономъ обязанности, потерялъ тѣмъ самымъ право иска. Носову Кусакинъ, не считая себя обязаннымъ платить за Харитонова, пришедшаго уже въ несостоятельность, просилъ полицію отъ взысканія по векселю его, Кусакина, освободить.

Возникшее по сему предмету дѣло разсмотрѣно было въ апелляціонномъ порядкѣ Казанскимъ городовымъ магистратомъ и Казанскою гражданскою палатою.

Гражданская палата, при разсмотрѣніи обстоятельствъ сего дѣла, нашла 1) что Носовъ, продержавъ у себя вексель, предъявилъ его ко взысканію съ Кусакина, когда Харитоновъ пришелъ уже въ несостоятельность; между тѣмъ какъ онъ долженъ былъ исполнить сіе по окончаніи срока векселю или возвратить оный Кусакину, который и произвелъ бы своевременно взысканіе съ Харитонова, т. е. во время Ирбитской ярмарки, когда еще Харитоновъ имѣлъ торговлю и 2) что на основаніи 586 ст. XI т. уст. о векс., протестъ векселя

долженъ быть учтены столь благовременно, чтобы онъ, или по крайней мѣрѣ увѣдомленіе о немъ, отправлено было, если не съ первою, то по крайней мѣрѣ съ послѣдующею почтою къ тому, отъ кого вексель къ подавателю дошелъ, или если онъ составляетъ его собственность, то къ тому, съ кого онъ намѣренъ понемъ производить взысканіе. Предписанной закономъ обязанности Носовымъ исполнено не было; а потому на основаніи 617 ст. того же тома Носовъ потерялъ право иска съ Кусакина. На сихъ основаніяхъ палата, по большинству голосовъ, опредѣлила: въ искѣ Носова съ Кусакина отказать, предоставивъ ему право воспользоваться удовлетвореніемъ изъ имѣнія Харитонова.

Рѣшеніе Казанской гражданской палаты утверждено опредѣленіемъ 4-го департамента Правительствующаго Сената 31-го октября 1855 г. на томъ основаніи, что Носовъ обязанъ былъ исполнить въ отношеніи Кусакина всѣ предписанныя закономъ формальности (586, 617 и 619 ст. т. XI уст. торг.), такъ какъ онѣя постановлены закономъ для векселей вообще, а не для однихъ только векселей переводныхъ и ярмарочныхъ.

На такое опредѣленіе Правительствующаго Сената купецъ Носовъ принесъ всеподданнѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно было рассмотреть въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената.

Въ означенной всеподданнѣйшей жалобѣ Носовъ объясняетъ, что для составленія протеста и взысканія по переводнымъ векселямъ установлены въ законахъ особыя правила, которыя не могутъ быть примѣняемы къ векселямъ простымъ, каковымъ представляется вексель, выданный Харитоновымъ Кусакину. Статья 586 т. XI уст. о вексел. о протестѣ въ непріятіи векселя прямо относится къ векселямъ переводнымъ, что доказывается тѣмъ, что простые векселя по силѣ 571 ст. того же устава не требуютъ никакого предварительнаго принятія, посему въ исполненіи по протесту векселей и обратномъ требованіи съ передавателей ихъ должно быть допущено различіе векселей простыхъ отъ

переводныхъ. Относительно протеста векселя на Харитоновъ никакого со стороны его, Носова, упущенія сдѣлано не было и слѣдовательно онъ силы вексельнаго права не потерялъ.

Для разрѣшенія настоящаго дѣла признано было необходимымъ обратиться къ подробному разсмотрѣнiю и точному опредѣленiю силы узаконенiй, обусловливающихъ права и порядковъ взысканiя по векселямъ.

По закону (ст. 540 т. XI уст. о векс.), векселя бываютъ простые или переводные, смотря потому, выдаются ли они векселедателями на себя или на другаго плательщика.

Какъ простой, такъ и переводный вексель можетъ быть посредствомъ подписи на оборотной сторонѣ векселя переданъ другому лицу, а отъ сего третьему, и т. д. (ст. 555 и 556).

Переводный вексель въ 24 часа или по крайней мѣрѣ на другой день, по полученiи онаго въ мѣстѣ жительства плательщика, долженъ быть ему предъявленъ (ст. 572), и плательщикъ обязанъ объявить, принимаетъ ли онъ вексель къ платежу или нѣтъ (ст. 578).

Простые векселя не требуютъ никакого предварительнаго принятiя (ст. 571).

Законъ, допуская различiе между простыми и переводными векселями въ отношенiи предварительнаго принятiя векселей и протеста въ неприятiи, постановляетъ относительно удовлетворенiя по векселямъ то общее правило, что если вексель первоначальнымъ плательщикомъ въ срокъ не будетъ заплаченъ; то векселедержатель, въ охраненiе своего права, долженъ учинить протестъ (ст. 616), который отсылается въ мѣсто жительства того, на кого векселедержатель намѣренъ обратитъ требованiе платежа (ст. 619).

Въ семь случаевъ ст. 616-ю постановлено слѣдующее:

По векселямъ, копѣхъ платежъ назначенъ на ярмаркѣ, векселедержатель обязанъ учинить протестъ по просрочкѣ столь

благовременно, чтобы можно было отослать или самый протест или объявление о немъ съ первою отходящею почтою; если же срокъ векселя назначенъ по предъявленію или по предъявленіи во столько то, или когда оный писанъ на опредѣленный срокъ, то векселедержатель долженъ учинить протестъ по истеченіи положенныхъ дней отсрочки, увѣдомивъ между тѣмъ вѣрителя своего, или того, на кого онъ намѣренъ обратитъ взысканіе, съ первою почтою, о неплатежѣ по тому векселю.

По самому изложенію означенной статьи видно, что въ оной поименованы всѣ роды векселей, а именно: ярмарочные писанные срокомъ по предъявленію или по предъявленіи во столько то, т. е. переводные и писанные на опредѣленный срокъ, т. е. какъ переводные, такъ и простые, а посему обязанность извѣстить о неплатежѣ по векселю то лицо, на которое векселедержатель намѣренъ обратитъ взысканіе, относится какъ къ переводнымъ, такъ и къ простымъ векселямъ.

Изъ вышензложеннаго явствуетъ, что относительно удовлетворенія по векселямъ законъ не постановляетъ различія между переводными и простыми векселями и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ векселедержатель при неплатежѣ по векселю, независимо отъ протеста, обязанъ еще съ первою отходящею почтою извѣстить о семъ того, на кого онъ намѣренъ обратитъ взысканіе.

Засимъ въ законахъ съ точностію опредѣлены правила, на основаніи коихъ по векселямъ передаточнымъ подписатели привлекаютъ къ ответственности какъ одинъ за другаго, такъ и за самаго векселедателя.

Ст. 620 т. XI уст. о век. въ семъ отношеніи постановлено, что векселедержатель, дабы предохранить право свое на всѣхъ подписателей, обращаетъ сперва требованіе платежа на послѣдняго надписателя, и буде съ него въ 24 часа онаго не получить, то, протестовавъ противъ него, обращается къ предшедшему надписателю, предувѣдомивъ его съ первою почтою,

въ случаѣ же замедленія имъ платежа долѣе 24 часовъ, обращается такимъ же образомъ къ высшему и т. д.

Если же векселедержатель, миновавъ изъ послѣднихъ подписателей одного или болѣе, обратится съ требованіемъ прямо къ кому либо изъ высшихъ, то всѣ послѣдующіе, коихъ онъ миновалъ, тѣмъ самымъ отъ взысканія освобождаются; но всѣ предшествующіе тому, на кого обращено требованіе, остаются въ обязанности платежа, доколѣ вексель nebudeть удовлетворенъ вполнѣ (ст. 621).

Такимъ образомъ въ установленіяхъ сихъ опредѣляется постепенность въ отвѣтственности подписателей по векселю и выражено то общее правило, что если векселедержатель, минуя подписателей высшихъ, обращается къ высшему, то тѣмъ самымъ всѣ подписатели, коихъ онъ миновалъ, освобождаются отъ взысканія.

Примѣненіе вышесказанныхъ узаконеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла обнаруживаетъ, что вексель, выданный Харитоновымъ Кусакину, есть вексель простой, какъ это явствуетъ изъ соображенія онаго съ формою простаго векселя, предписанною закономъ (прил. къ ст. 540 т. XI).

Получивъ отъ Кусакина простой вексель на Харитонова по передаточной надписи, Носовъ не состоялъ въ обязанности, при не платежѣ по оному, предъявлять вексель Кусакину для предварительнаго онаго принятія.

Независимо отъ сего, Носовъ, согласно 615 и 616 ст. т. XI, обязанъ былъ при неплатежѣ Харитоновымъ по векселю, протестовать вексель на Харитонова и за тѣмъ извѣстить о семъ Кусакина своевременно, если онъ намѣренъ былъ обратиться на него взысканіе.

Протестъ векселя на Харитонова учиненъ былъ Носовымъ безъ пропуска установленнаго для сего въ законѣ срока, и въ семъ отношеніи Носовъ исполнилъ лежащую на немъ обязанность, но затѣмъ онъ не исполнилъ дальнѣйшей своей обязан-

ности, а именно: не извѣстилъ своевременно съ первою отходящею почтою Кусакина о протестѣ, и о томъ, что онъ намеренъ обратиться на него възысканіе.

Вмѣстѣ съ симъ купецъ Носовъ для сохраненія права възысканія съ подписателя Кусакина, обязанъ былъ, согласно 620 ст. XI уст. о векс., протестовавъ вексель противу Харитонова по неплатежу имъ въ срокъ, обратиться непосредственно къ подписателю Кусакину съ требованіемъ платежа.

Напротивъ того, Носовъ, не получивъ въ срокъ отъ Харитонова платежа, и, протестовавъ вексель въ мартѣ 1851 г., обратился съ требованіемъ платежа не къ подписателю Кусакину, какъ бы то слѣдовало по закону, а снова къ Харитонову, миновавъ подписателя Кусакина.

Засимъ Носовъ, получивъ увѣдомленіе Екатеринбургскаго магистрата отъ 24-го сентября 1852 г. о несостоятельности Харитонова, предъявилъ 17-го декабря 1852 г. вексель въ Казанскую градскую полицію для възысканія съ Кусакина.

Такимъ образомъ, миновавъ подписателя Кусакина, Носовъ тѣмъ самымъ освободилъ его, согласно вышензложеннымъ узаконеніямъ, отъ обязанности отвѣтствовать по векселю и вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ себя права отыскивать съ подписателя Кусакина сумму, слѣдующую Носову по векселю за несостоятельностью Харитонова.

При такихъ обстоятельствахъ дѣла, Кусакинъ, освобожденный самимъ Носовымъ отъ платежа, не можетъ быть нынѣ, за силою 620 и 621 ст. т. XI уст. о векс., привлеченъ къ отвѣтственности, и Носовъ удовлетвореніе по векселю можетъ получить не иначе, какъ изъ имѣнія несостоятельнаго Харитонова, вмѣстѣ съ прочими его кредиторами.

По симъ основаніямъ всеподданнѣйшая жалоба купца Носова признана была незаслуживающею уваженія, а опредѣленіе 4-го департамента Правительствующаго Сената, 31-го октября 1855 г. по настоящему дѣлу послѣдовавшее, оставлено было въ своей силѣ.

Другое, противоположное настоящему рѣшенію мнѣніе, состояло въ томъ, что векселедатель Носовъ, не увѣдомивъ подписателя Кусакина въ установленный срокъ о намѣреніи своемъ обратиться на него взысканіе по векселю, лишилъ себя, по силѣ ст. 622 т. XI уст. торг., права производить взысканіе вексельнымъ порядкомъ, но не потерялъ права производить взысканіе общимъ судебнымъ порядкомъ. Статьи 576 и 617 относятся исключительно къ векселямъ переводнымъ, а не къ простымъ, и слѣдовательно не могутъ имѣть примѣненія къ настоящему дѣлу. Въ слѣдствіе сего предлагаемо было взысканіе по векселю Харитонова обратиться на Кусакина, предоставивъ ему право получить удовлетвореніе изъ имѣнія несостоятельнаго Харитонова, наравнѣ съ прочими кредиторами послѣдняго. Главное различіе между этимъ мнѣніемъ и вышеприведеннымъ рѣшеніемъ общаго Сената собранія очевидно заключается въ томъ, что въ первомъ вовсе не были приняты въ соображеніе ст. 620 и 621 т. XI уст. торг., на которыхъ между тѣмъ именно основано второе.

IV.

Имѣніе, проданное послѣ открытія злоупотребленій или неправильныхъ дѣйствій владѣльца, могущихъ подвергнуть его денежному взысканію, должно быть обращено на пополненіе такого взысканія, если остальное имущество обвиненнаго лица окажется для того недостаточнымъ. До окончанія дѣла о взысканіи, у покупателя можетъ быть отобрана купчая на имѣніе крѣпості, а послѣ присужденія взысканія и самое имѣніе, хотя бы оно во время совершенія купчей крѣпості и не состояло подъ запрещеніемъ.

Одесскій купецъ Иванъ Лонжинотти 31-го августа 1837 г. далъ Керченскому купцу Карлу Томазини довѣренность на продажу дома его, состоящаго въ г. Одессѣ.

На основаніи этой довѣренности, Томазини выдалъ на означенный домъ сыновьямъ Лонжинотти, Керченскому купцу Юсифу и чиновнику 14-го класса Антону Лонжинотти, купчую крѣпость, совершенную 24-го февраля 1838 г. въ Херсонской гражданской палатѣ.

По введѣ покушниковъ во владѣніе купленнымъ домомъ, Лонжинотти въ томъ же 1838 г. обратились въ Одесскій коммерческій судъ съ просьбою о выдачѣ имъ на означенный домъ, оцѣночнаго свидѣтельства для представленія дома въ залогъ по подрядамъ.

О такомъ ходатайствѣ Лонжинотти коммерческій судъ сообщилъ на заключеніе мѣстной городской думы, которая, установивъ выдачу просимаго Лонжинотти свидѣтельства истребовала совершенную на домъ просителей купчую крѣпость къ себѣ для храненія на томъ основаніи, что незадолго до совершенія сей купчей, а именно 17-го января 1838 г., открыто злоупотребленіе по предмету высокой оцѣнки домовъ городскихъ жителей бывшими чиновниками, въ томъ числѣ и Иваномъ Лонжинотти, и что возникшія по сему предмету дѣла не получили еще окончательнаго разрѣшенія.

Въ слѣдствіе жалобы, принесенной на сіе распоряженіе вдовою Ивана Лонжинотти и чиновникомъ Антономъ Лонжинотти, настоящее дѣло, по предписанію генераль-губернатора, поступило къ судебному разсмотрѣнію.

Общее присутствіе Одесскихъ уѣзднаго суда и городского магистрата, 14-го февраля 1841 г., и Херсонская гражданская палата, 25-го іюня 1845 г., заключили: распоряженіе городской думы признать правильнымъ, съ тѣмъ, что если по рѣшенію производящихся о злоупотребленіяхъ чиновниковъ дѣлъ приговорено будетъ съ Лонжинотти денежное взысканіе, на удовлетво-

рѣніе котораго свободнаго имѣнія его будетъ недостаточно, то на пополненіе сего взыскаія долженъ быть обращенъ домъ, проданный Лонжинотти своимъ дѣтямъ.

8-ой департаментъ Правительствующаго Сената, утвердивъ сія рѣшенія, сдѣлалъ распоряженіе о наложеніи на домъ Лонжинотти запрещенія впредь до окончанія дѣла о злоупотребленіяхъ цѣновщиковъ.

На опредѣленіе сіе Антонъ Лонжинотти принесъ всеподданнѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно разсмотрѣть въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената.

По содержанію сей жалобы подлжнть разрѣшенію вопросъ: можетъ ли оставаться въ свей силѣ купчая крѣпость на домъ, выданная купцомъ Иваномъ Лонжинотти своимъ сыновьямъ.

Дѣйствительность совершенія сей купчей сынъ Лонжинотти Антонъ доказываетъ тѣмъ:

1., Что купчая сія не была безденежна, ибо Иванъ Лонжинотти состоялъ долженъ Томазину по векселю 10-т. р. асс., въ слѣдствіе чего и представилъ домъ въ полное распоряженіе сего кредитора, отъ котораго онъ и былъ купленъ просителемъ и его братомъ.

2., Что хотя купчая была совершена мѣсяцемъ позже преданія Ивана Лонжинотти суду, но что довѣренность на продажу дома выдана была отъ Лонжинотти еще въ августѣ 1837 года, т. е. за пять мѣсяцевъ до совершенія купчей и

3., Что означенный домъ купленъ имъ и братомъ его въ то время, когда ни искобъ, ни запрещеній на ономъ не было.

Отдѣльное разсмотрѣніе сихъ доводовъ показываетъ:

1., Состояніе на Лонжинотти долга купцу Томазину доказывается векселемъ, представленнымъ Антономъ Лонжинотти при всеподданнѣйшей своей жалобѣ. Вексель этотъ, выданный, какъ видно изъ самаго его содержанія, еще въ мартѣ 1836 г., ни въ какомъ присутственномъ мѣстѣ явленъ не былъ. Хотя

же по закону и дозволено не являть векселя къ засвидѣтельствуванію, по по силѣ 2014 и 2015 ст. X. т. ч. I св. гр. зак. лишь долговья обязательства, засвидѣствованныя у крѣпостныхъ дѣлъ, не могутъ быть оспориваемы относительно ихъ безденежности. Посему и вексель Лонжинности купцу Томазину, какъ нигдѣ неявленный, не можетъ служить удостовѣреніемъ въ томъ, что Лонжинотти состоялъ дѣйствительно должнымъ Томазину показанную въ вексель сумму.

2., Выдача довѣренности на продажу ранѣе того времени, когда возникла переписка о злоупотребленіяхъ по высокой оцѣнкѣ домовъ въ г. Одессѣ, не можетъ служить основаніемъ къ признанію купчей, совершенной на домъ Лонжинотти, дѣйствительною и къ освобожденію проданнаго дома отъ законнаго взысканія, ибо хотя Лонжинотти и дѣйствительно выдалъ Томазину довѣренность на продажу дома за пять мѣсяцевъ до преданія его суду за неправильныя дѣйствія по должности цѣновщика, но самая купчая совершена была послѣ обнаруженія означенныхъ неправильныхъ дѣйствій.

3., Объясненіе Антона Лонжинотти, что на отцѣ его при удержаніи думою купчей крѣпости не было никакого взысканія опровергается обстоятельствами дѣла, изъ коего видно, что не только прежде удержанія означенной купчей, но даже ранѣе самаго совершенія оной возникло производство объ ответственности Ивана Лонжинотти за чрезвычайно высокую оцѣнку домовъ въ г. Одессѣ; что же касается до показанія Лонжинотти о томъ, что на купленномъ имъ домѣ не состояло запрещенія, то такового запрещенія и не могло быть наложено, потому что дѣло о Лонжинотти, по неокончанію онаго изслѣдованіемъ, не поступило еще въ то время къ судебному разсмотрѣнію.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что совершенная отъ Ивана Лонжинотти на имя своихъ сыновей купчая крѣпость не можетъ быть признана дѣйствительною, и что посему въ случаѣ присужденія съ Ивана Лонжинотти по производящимся о немъ

дѣламъ денежнаго взысканія, на пополненіе коего свободнаго имущества не откроется, отвѣтственность по сему взысканію должна быть отнесена на домъ, проданный имъ своимъ сыновьямъ.

На основаніи вышензложенныхъ соображеній рѣшеніе 8-го департамента Правительствующаго Сената, по настоящему дѣлу послѣдовавшее, было утверждено въ полной силѣ, а принесенная на сіе рѣшеніе Антономъ Лонжиотти всеподданнѣйшая жалоба оставлена была безъ уваженія.

V.

Крѣпостныя духовныя завѣщанія, какъ явленныя при жизни завѣщателя, не подлежатъ сторицной явкѣ послѣ смерти завѣщателя. Изъ этого общаго правила изземлются только крѣпостныя завѣщанія, внесенныя для храненія въ опекунскій совѣтъ или въ комитетъ человеколюбиваго общества; такія завѣщанія, по силѣ ст. 1061 т. X ч. I св. зак. гражд., по полученіи объявленія о смерти завѣщателя, немедленно отсылаются въ гражданскую палату для подлежащей имъ явки и удостовѣренія наравнѣ съ домашними завѣщаніями.

Въ 8-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената производилось частное дѣло, по протесту Екатеринославскаго губернскаго прокурора, на постановленіе тамошней палаты гражданскаго суда о принятіи ею къ явкѣ отъ коллежскаго регистратора Трифильева духовнаго, умершаго отца его, завѣщанія, засвидѣтельствованнаго при жизни завѣщателя крѣпостнымъ порядкомъ въ уѣздномъ судѣ.

Протестъ губернскаго прокурора, съ которымъ палата не согласилась, заключался въ томъ, что завѣщаніе покойнаго Трифильева, какъ засвидѣтельствованное въ уѣздномъ судѣ крѣпостнымъ порядкомъ, не подлежало вторичному утверженію его въ палатѣ, а требовало только надлежащаго по оному исполненія. 8-й департаментъ Правительствующаго Сената, по выслушаніи сего дѣла, постановилъ резолюцію, которою, признавая постановленіе гражданской палаты о принятіи ею къ своему засвидѣствованію крѣпостнаго завѣщанія Трифильева правильнымъ, полагалъ оное утвердить. Въ общемъ собраніи Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената было найдено, что всѣ завѣщанія вообще подлежатъ явкѣ и засвидѣствованію у крѣпостныхъ дѣлъ, и различіе въ порядкѣ таковой явки состоитъ въ томъ, что одни завѣщанія представляются для того при жизни завѣщателя лично имъ самимъ въ магистратъ, уѣздный судъ, или въ гражданскую палату и въ мѣста имъ равныя, и такія завѣщанія именуются крѣпостными, а другія, называемыя домашними, предъявляются отъ тѣхъ, въ рукахъ коихъ они паходятся, не прежде какъ по смерти завѣщателя и только въ гражданской палатѣ, или равномъ ей присутственномъ мѣстѣ, (св. зак. гражд. X тома ч. I ст. 728, 1013, 1014, 1036, 1060 и 4062.) Какъ первыя, т. е. крѣпостныя завѣщанія по возвращеніи ихъ завѣщателямъ послѣ засвидѣствованія крѣпостнымъ порядкомъ, такъ и послѣднія, т. е. домашнія,—по написаніи оныхъ, по собственному усмотрѣнію завѣщателей, хранятся ими у себя, или ввѣряются на сбереженіе другимъ, либо вносятся для сего въ опекунскій совѣтъ воспитательнаго дома, или въ попечительный комитетъ челоуѣколюбиваго общества съ наблюденіемъ правилъ и обрядовъ, особенно для сего въ тѣхъ мѣстахъ постановленныхъ, (ст. 1043 и 1058). Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда завѣщанія хранятся въ опекунскомъ совѣтѣ, или въ попечительномъ комитетѣ, мѣста сіи по полученіи объявленія о смерти завѣщателя, не при-

ступая ни къ какому исполненію, отсылають завѣщанія, въ нихъ хранямыя, въ гражданскую палату для надлежащей ихъ явки и удостовѣренія, и потомъ уже чинятъ исполненіе, если таковое въ завѣщаніи имъ предоставлено, или до нихъ касается (ст. 1061). При этомъ хотя въ законѣ (тамъ же) и сказано, что изъ сего общаго правила (о явкѣ завѣщаній) не изъемяются и тѣ завѣщанія, какъ домашнія, такъ и крѣпостныя, кои вносятся для храненія въ опекунскій совѣтъ или попечительный комитетъ челоуѣколюбиваго общества, но отсюда еще не слѣдуетъ, и въ законѣ не постановлено, чтобы и всѣ вообще духовныя завѣщанія, въ надлежащихъ присутственных мѣстахъ крѣпостнымъ порядкомъ явленныя и засвидѣтельствованныя, подлежали вторичной явкѣ въ гражданской палатѣ.

Что касается до приводимой Екатеринославскою гражданскою палатою, къ подкрѣпленію распоряженія своего, причины необходимости предьявленія завѣщаній палатѣ, для взысканія крѣпостныхъ пошлинъ за переходъ имѣнія и за листъ бумаги, на которой должно быть писано завѣщаніе, то разсужденіе палаты и въ этомъ отношеніи несомнѣтельно потому, что крѣпостныя пошлины и деньги за крѣпостную бумагу, по цѣнѣ завѣщаннаго имѣнія, взыскиваются не при явкѣ завѣщаній къ засвидѣтельствуванію, а при самомъ уже ввѣдѣ и вступленіи во владѣніе тѣмъ имѣніемъ (св. зак. V тома о пошл. ст. 157 и 382), и слѣдовательно это обстоятельство къ обязанностямъ палаты совсѣмъ не относится. Посему распоряженіе Екатеринославской гражданской палаты о принятіи къ своему засвидѣтельствуванію духовнаго завѣщанія Трифильева, явленнаго уже въ свое время въ уѣздномъ судѣ, признано было неправильнымъ, съ предписаніемъ палатѣ, чтобы она на будущее время въ подобныхъ случаяхъ не отступала отъ точной силы существующихъ законовъ.

VI

Установленное въ законъ правило о представленіи при просьбахъ или объявленіяхъ копій съ тѣхъ документовъ, кои при просьбѣ или объявленіи приложены, относится къ дѣламъ тяжбымъ и исковымъ, и не имѣетъ примѣненія къ дѣламъ о засвидѣльствованіи актовъ. Посему, при представленіи для засвидѣльствованія духовныхъ завѣщаній, не требуется приложенія копій сихъ завѣщаній.

Послѣ умершаго въ мартѣ 1848 года губернскаго секретаря Иванова осталось домашнее духовное завѣщаніе, которое 24-го ноября 1848 года представлено было сыномъ завѣщателя губернскимъ секретаремъ Сергѣемъ Ивановымъ къ утвержденію во Владимірскую гражданскую палату, но палата оставила это завѣщаніе безъ засвидѣльствованія, за неприложеніемъ, вопреки ст. 1760 ч. 2 т. X св. зак. гр., при прошеніи копій съ онаго.

Послѣ того жена Иванова, Дарья Иванова, по довѣренности мужа, вновь представила означенное завѣщаніе въ гражданскую палату 9-го января 1850 года.

Въ слѣдствіе сего гражданская палата, собравъ свѣдѣнія о допросахъ, сдѣланныхъ свидѣтелямъ, подписавшимся на завѣщаніи, о цѣнѣ завѣщаннаго имѣнія, а также о времени смерти завѣщателя, послѣдовавшей 29-го марта 1848 года, 26 августа 1852 года заключила: завѣщаніе Иванова, представленное Дарьею Ивановою 9-го января 1850 года, по пропущеніи положеннаго 1063 ст. 1 ч. X т. зак. граж. для явки завѣщанія годо-

ваго срока, не принимая къ явкѣ, за пропущеніемъ срока, и не утверждая его въ подлинности, возвратить съ надписью предьявительницѣ Ивановой.

На означенныя распоряженія гражданской палаты Ивановъ принесъ жалобу Правительствующему Сенату, объясняя: а) что по смыслу 1760 ст. 2 ч. X т. зак. гражд. копии требуются съ приложений, входящихъ въ составъ дѣла, а съ бумагъ, представляемыхъ для явки, никакихъ копій не требуется, и в) что право его на искъ по духовному завѣщанію, по силѣ 1066 ст. 1 ч. X т., сохраняется до истечения общей давности. Посему Ивановъ просилъ: уничтоживъ надпись, сдѣланную на завѣщаніи, предписать гражданской палатѣ засвидѣтельствовать оное и выдать ему обратно.

За происшедшимъ по настоящему дѣлу въ 7-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената разногласіемъ, дѣло сіе было представлено на разсмотрѣніе общаго собранія Московскихъ департаментовъ Сената.

Общее собраніе, приступивъ къ разсмотрѣнію этого дѣла по просьбѣ Иванова, признала подлежащимъ разрѣшенію вопросъ: слѣдуетъ ли, при представленіи въ гражданскую палату для засвидѣтельствованія домашнихъ духовныхъ завѣщаній, прилагать съ нихъ копии, какъ предписано 1760 ст. 2 ч. X т. зак. гражд. о приложенияхъ, при просьбахъ представляемыхъ. При разрѣшеніи сего вопроса представляется, что существующее въ законахъ (т. V устава о пошлинахъ ст. 13 и т. X зак. гражд. ст. 1760) правило о приложенияхъ, при просьбахъ и объявленіяхъ представляемыхъ, по смыслу этихъ же самыхъ законовъ, а равно и Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, опубликованнаго въ указахъ Правительствующаго Сената отъ 6-го іюня 1852 года, относится единственно къ дѣламъ тяжбы и исковымъ, гдѣ проситель чего-либо ищетъ съ представленіемъ, или указаніемъ доказательствъ, и гдѣ можетъ

встрѣтятся, что тотъ же проситель будетъ требовать возвра-
тить ему представленный документъ, почему 1760 ст. X т. зак.
гражд. и требуетъ приложенія копій съ онаго на установлен-
ной гербовой бумагѣ безъ оставленія при дѣлѣ. Въ дѣлахъ же
о представленіи къ засвидѣтельствуванію завѣщаній, какъ за-
ключающихъ въ себѣ одно только судебное управленіе, нѣтъ
ни тяжбы, ни иска, а представляется правительству на утверж-
деніе послѣдняя воля завѣщателя. Судебное мѣсто, если при-
знаетъ актъ подлежащимъ къ принятію, вноситъ его въ книгу
и, сдѣлавъ надписъ объ утвержденіи, возвращаетъ просителямъ
и наоборотъ, если не признаетъ подлежащимъ къ утвержде-
нію, то съ сдѣланною о семъ надписью возвращаетъ предста-
вившему, а о причинахъ непринятія записываетъ въ протоколъ.
Изъ сего оказывается, что нѣтъ надобности, да и законъ не
требуетъ въ дѣлахъ при предъявленіи къ засвидѣтельствуванію
духовныхъ завѣщаній представлять съ нихъ копій. За тако-
вымъ разрѣшеніемъ сего вопроса слѣдуетъ признать, что Вла-
димірская гражданская палата неправильно примѣнила 1760 ст.
X т. зак. гражд. къ настоящему дѣлу, и по заключенію 26-го
ноября 1848 года, оставила безъ дѣйствія просьбу Иванова о за-
свидѣтельствovanіи духовнаго завѣщанія его отца, единственно
потому, что съ этого завѣщанія не было приложено копій. А
какъ это прошеніе Иванова подано имъ въ палату 24-го ноября
1848 года, а завѣщатель умеръ 29-го марта того же 1848 го-
да, то и слѣдуетъ, что срокъ, установленный 1063 ст. 1 ч. X
т. зак. гражд., для предъявленія къ засвидѣтельствуванію завѣ-
щанія отца Иванова, не пропущенъ. Посему и на основаніи
указанныхъ законовъ Общее Собраніе опредѣлило: распоряженіе
палаты о ничтожности означеннаго завѣщанія признавъ не-
правильнымъ, уничтожить оное, а представленное Ивановымъ
подлинное духовное завѣщаніе отца его препроводить во Вла-
димірскую гражданскую палату съ тѣмъ, чтобы она въ утверж-

дѣлу его, буде не встрѣтятся другихъ препятствій, поступила на основаніи законовъ.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла заявлено было мнѣніе, противоположное изложенному выше. Оно основывалось на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) что, оставляя безъ послѣдствій просьбу Сергѣя Иванова, за непредставленіе копій съ присланнаго при той жалобѣ приложения, оказавшагося духовнымъ завѣщаніемъ, палата поступила согласно точной силѣ и буквального смысла 13 ст. т. V уст. о пошлинахъ и 1760 и 1761 ст. 1 ч. т. X св. зак. гражд., по которымъ копій съ приложений всякаго рода, посылаемыхъ въ присутственныя мѣста при просьбахъ, объявленіяхъ и тому подобныхъ бумагъ, должны быть писаны на гербовой бумагѣ. Хотя же проситель Ивановъ и объясняетъ, что законъ этотъ относится лишь до приложений, входящихъ въ составъ дѣла, а не бумагъ, представляемыхъ только для явки, которыя должны быть подлинникомъ вписаны въ особыя установленныя для нихъ книги, но подобное толкованіе столько же противорѣчитъ буквальному смыслу вышеприведенныхъ законовъ, не дѣлающихъ исключенія ни для какихъ приложений, при просьбахъ представляемыхъ, сколько опровергается и Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 6-го іюня 1852 года, въ которомъ объяснена цѣль подобнаго требованія закона, цѣль, состоящая въ томъ, чтобы въ случаѣ возвращенія представленныхъ приложений, присутственныя мѣста имѣли при дѣлахъ своихъ готовыя съ нихъ копіи. Объясняемое же Ивановымъ внесеніе актовъ, представляемыхъ при прошеніяхъ, въ записныя книги, уже потому не можетъ замѣнять оставленія съ этихъ актовъ копій, что дѣлается совершенно съ другою цѣлю, а именно: для удостовѣренія подлинности и законности акта и взыскавія при этомъ надлежащаго сбора; ибо независимо отъ этого внесенія въ книги, по существующему порядку дѣлопроизводства, по каждому прошенію составляется особый нарядъ или дѣло, при которомъ долж-

ны находиться всё принадлежащее къ нему документы; наконецъ подобное объясненіе не можетъ быть допущено и потому, что актъ, представленный при прошеніи для явки, можетъ быть и не удостоенъ внесенія въ книги, какъ это случилось и по настоящему дѣлу; 2) что же касается до отказа Иванову въ засвидѣтельствованіи завѣщанія отца его, умершаго 29-го марта 1848 года, за пропусченіемъ годичнаго срока со времени его смерти, то и въ этомъ случаѣ палата поступила правильно и совершенно согласно съ 1063 и 1065 ст. 1 ч. т. X св. зак. гражд., тѣмъ болѣе, что виною пропусченія срока былъ самъ Сергій Ивановъ, представившій въ палату завѣщаніе отца почти чрезъ 8 мѣсяцевъ, и при томъ безъ соблюденія законныхъ формальностей; а потому завѣщаніе отца его должно быть сочтено ничтожнымъ, и самое право иска по немъ до истеченія земской давности не можетъ быть ему предоставлено.

VII.

Переписчикъ духовнаго завѣщанія долженъ имѣть всѣ тѣ же качества, какія требуются для имовѣрнаго свидѣтеля при завѣщаніи. Въ каждомъ духовномъ завѣщаніи, писанномъ стороннимъ лицомъ и только подписанномъ завѣщателемъ, должна быть подпись четырехъ лицъ съ свидѣтельскими качествами или по крайней мѣрѣ трехъ, если въ числѣ ихъ находится духовный отецъ завѣщателя. Посему завѣщаніе, засвидѣтельствованное двумя свидѣтелями и переписанное духовнымъ отцомъ завѣщателя, признается формальнымъ.

Полковникъ Завадскій въ февраль 1847 года представилъ въ Подольскую гражданскую палату, для засвидѣтельствованія,

домашнее духовное завѣщаніе дѣда своего помѣщика Гавронскаго.

Это завѣщаніе писано на простой бумагѣ, подписано завѣщателемъ и двумя свидѣтелями, при составленіи онаго лично находившимися, Викторомъ Подоскимъ и Игнатіемъ Бронцомъ. Сверхъ сего имѣется на ономъ подпись духовнаго отца Гавронскаго ксендза Лещинскаго, писавшаго это завѣщаніе по волѣ завѣщателя и засвидѣтельствовавшаго особо поданнымъ въ палату, прошеніемъ о здоровомъ умѣ и твердой памяти Гавронскаго при составленіи завѣщанія.

Палата встрѣтила затрудненіе въ принятіи завѣщанія Гавронскаго къ засвидѣтельствуванію, потому что ксендзъ Лещинскій, котораго сама она признаетъ главнымъ лицомъ, призваннымъ въ свидѣтели послѣдней воли завѣщателя, не соблюлъ въ подписи на завѣщаніи требуемой закономъ формальности, а подписалъ въ качествѣ писавшаго оное; по закону же, изображенному въ 1048 ст. 1 ч. X т. св. зак. гражд., считается достаточнымъ число двухъ свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи, если въ числѣ ихъ состоитъ духовный отецъ; въ противномъ случаѣ должно быть три свидѣтеля.

На это постановленіе палаты Завадскій принесть жалобу во 2-ое отдѣленіе 3-го департамента Правительствующаго Сената, откуда настоящее дѣло поступило, за разногласіемъ, въ общее собраніе 4, 5 и межеваго департаментовъ Сената.

Общее собраніе, принимая во вниманіе, что переписывающій духовное завѣщаніе долженъ имѣть всѣ тѣже качества, какія требуются для имовѣрнаго свидѣтеля при завѣщаніи, и что по этому въ каждомъ домашнемъ духовномъ завѣща-

віи, писанномъ стороннимъ лицомъ и только подписанномъ завѣщателемъ, должна быть подпись четырехъ лицъ со свидѣтельскими качествами или по крайней мѣрѣ трехъ, если въ числѣ ихъ находится духовный отецъ завѣщателя, находило, что завѣщаніе помѣщика Гавронскаго заключаетъ въ себѣ достаточное, по содержанию 1048 и 1052 ст. 1 ч. X т. св. зак. гр. (изд. 1842 г.), число лицъ, могущихъ подтвердить предъ судомъ подлинность его, такъ какъ въ немъ, кромѣ подписи двухъ стороннихъ частныхъ свидѣтелей, находится еще и подпись писавшаго завѣщаніе духовнаго отца Гавронскаго ксендза Лещинскаго. Основываясь на содержаніи сихъ статей, изъ коихъ не сдѣлано никакого изытія на случай переписыванія завѣщанія духовнымъ отцомъ завѣщателя, и имѣя въ виду, что ксендзъ Лещинскій сверхъ того въ подашномъ въ гражданскую палату объявленіи удостовѣрилъ дѣйствительность воли умершаго, заключающейся въ завѣщаніи, и что на основаніи 1042 ст. т. X явкою завѣщанія въ судѣ и запискою его въ книгу не утверждается законность заключающихся въ немъ распоряженій, а только удостовѣряется подлинность его, въ чемъ въ настоящемъ случаѣ и гражданскою палатою никакого сомнѣнія не встрѣчено, общее собраніе опредѣлило: предписать Подольской гражданской палатѣ встрѣченное ею въ завѣщаніи Гавронскаго обстоятельство препятствіемъ къ засвидѣтельствованію его не считать и затѣмъ въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла поступить установленнымъ въ законахъ порядкомъ.

В. ИНОСТРАННАЯ.

I.

Процессъ по обвиненію куца Шала въ убійствѣ Гот- мба Эбермана.

На лѣвомъ берегу рѣки Шпрее, между Шарлотенбургомъ и Шпандау, недалеко отъ Берлина, находится мѣсто для стрѣльбы. Напротивъ этого мѣста, на правомъ берегу рѣчки Гинлой Шпрее, лежитъ лугъ. Туда ведетъ изъ Шарлотенбурга, въ 15 шагахъ отъ берега, тропинка.

Утромъ 10-го сентября 1849 года прохожіе работники замѣтили на лугу, недалеко отъ тропинки, нѣсколько большихъ кровавыхъ пятенъ. При изслѣдованіи найдено было на берегу рѣчки, въ тростникѣ, мертвое тѣло мужчины, у котораго была отрублена голова.

Въ пяти шагахъ отъ трупа оказались два большія, въ величину тарелки, кровавыя пятна, а въ другомъ мѣстѣ большое количество засохшей крови, некрупная дробь и маленькая тросточка. Недалеко отъ трупа лежала на травѣ сѣрая фуражка. На трупѣ были надѣты: рубашка, нагрудникъ, манишка, сѣрые лѣтнія брюки, сапоги,—однимъ словомъ все, кромѣ верхняго платья. Голова была гладко отрублена и на шеѣ видна была свѣжая кровь.

Въ пятнадцати шагахъ отъ трупа лежала совершенно разбитая и до такой степени обезображенная человѣческая голова, что невозможно было разсмотрѣть черты лица.

Всѣ кровавыя слѣды были красны и свѣжи.

Изъ осмотра и свидѣтельства Крейсь - Физика доктора Шульца и Крейсь-Медика Гене 13-го сентября 1849 года, между прочимъ, видно: на головѣ рыжевато—коричневые волосы, усы и борода того же цвѣта, кожа удивительно бѣла, лицо было совершенно искажено рубцами; сзади праваго уха два небольшія отверстія, изъ коихъ вывалилась мелкая дробь; голова и тѣло совершенно плотно приходились одна къ другому. По заключенію врачей, смерть послѣдовала вслѣдствіе двойнаго выстрѣла, а потомъ отрублена была голова острымъ орудіемъ. Признаковъ защиты не было, но по синякамъ на рукахъ и ногахъ убитаго видно было, что его держали; платье, найденное на трупѣ, не могло быть надѣто послѣ смерти его; преступленіе совершено 9-го или 10-го сентября.

Никто не могъ узнать, кто именно убитый.

14-го сентября того же года нашли недалеко отъ Шпандау въ первическомъ припадкѣ неизвѣстную женщину. Прийдя въ себя, она объявила, что она жена актера Фрелиха изъ Дризена; узнавъ, что мужъ ея переселился въ Шпандау, она отправилась въ Шарлотенбургъ, какъ вдругъ съ ней сдѣлался первическій припадокъ и въ это время у нея украли драгоценныя вещи и деньги.

Женщину эту отвезли въ больницу, гдѣ она рассказала нѣкоторыя подробности о своемъ мужѣ, называя его комиссіонеромъ Фрелихомъ.

Описаніе ея было совершенно сходно съ найденнымъ трупомъ, который уже между тѣмъ былъ преданъ землѣ. Вещи убитаго были ей предъявлены, тѣло вырыто и она со слезами узнала вещи и трупъ мужа, и подтвердила подъ присягою свое показаніе.

Судъ, не имѣвъ основанія сомнѣваться въ истинѣ этого показанія, опубликовалъ въ газетахъ, что найденъ трупъ убитаго актера Фрелиха и объявилъ, чтобы задержали тѣхъ, у которыхъ найдутся вещи его.

Нѣсколько человекъ были задержаны, но по недостатку уликъ освобождены.

Но вскорѣ убѣдились, что въ Дризенѣ никто не знаетъ ни актера, ни комиссіонера Фрелиха, и что женщина, выдавшая себя за жену Фрелиха, была дѣвица Шарлотта Глазеръ, которая въ самомъ дѣлѣ страдала нервными припадками и умономѣшательствомъ; впрочемъ иногда бывала замѣчаема въ обманѣ, за что незадолго предъ тѣмъ сидѣла въ полиціи.

Между тѣмъ въ мѣстечкѣ Лихенѣ, на Мекленбургской границѣ, прочитано было объявленіе Шпандаускаго суда.

Жена купца Эбермана, узнавъ въ описанныхъ вещахъ вещи мужа, объявила о томъ тамошнему суду, который потребовалъ найденныя на трупѣ вещи. При видѣ ихъ она объявила, что вещи эти принадлежатъ Эберману. Кромѣ того она узнала обручальное кольцо мужа съ буквами Н. Н. 1840 г. (Henriette Hegm), и форма найденнаго кольца оказалась сходною съ кольцомъ, которое она сама носила.

Генриетта Эберманъ показала, что мужъ ея уѣхалъ изъ Лихена въ концѣ августа и что она съ тѣхъ поръ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о немъ. Уѣхалъ онъ вмѣстѣ съ какимъ-то Шалемъ, который привезъ ему письмо отъ какого-то Фесфера.

Это обратило вниманіе на Франца Шаля. Онъ познакомился съ Эберманомъ въ Шпандау, когда они оба сидѣли тамъ за воровство.

Шаля арестовали, и въ Шпандаускомъ городскомъ судѣ началось дѣло объ участіи его въ убійствѣ и ограбленіи Эбермана. Противъ него были слѣдующія улики:

1) Его знакомство съ Эберманомъ; они вмѣстѣ уѣхали изъ Лихена и ихъ часто съ тѣхъ поръ видѣли вмѣстѣ.

2) Подсудимаго видѣли 9-го сентября (т. е. наканунѣ дня открытія тѣла убитаго) недалеко отъ мѣста преступленія.

3) Тросточка, найденная у трупа, признана принадлежностью Шаля, между тѣмъ какъ у него на квартирѣ нашли машинки и палку Эбермана.

4) 11-го сентября (на другой день послѣ открытія трупа) онъ заложилъ на свое имя серебрянные часы, которые признаны собственностью Эбермана.

5) У Шаля оказались послѣ убійства Эбермана деньги, между тѣмъ какъ 9-го сентября у него ихъ не было.

6) У Шаля было двухствольное ружье, отъ принадлежности котораго онъ отрекался.

7) Прежняя порочная жизнь Шаля и частая судимость его.

Во время слѣдствія Шаль ни въ чемъ не сознался, и объявилъ, что вѣроятно Эберманъ еще живъ.

Слѣдствіе продолжалось слишкомъ годъ. Открытіе суда замедлилось покушеніемъ, сдѣланнымъ на жизнь любовницы Эбермана, дѣвицы Ганзенъ, которая получила при этомъ сильную рану.

1-го марта 1852 года начались наконецъ въ Берлинѣ засяданія суда присяжныхъ.

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта, произведенъ былъ новый допросъ Шаля, который остался при своемъ доказательствѣ, а при представленіи ему волосъ Эбермана объявилъ, что у него были волосы другаго цвѣта. Затѣмъ прочитано свидѣтельство врачей Рауха и Гене, съ которымъ не согласился тайный медицинскій совѣтникъ Касперъ. Онъ нашелъ, что осмотръ тѣла произведенъ слишкомъ поверхностно, такъ какъ ничего не упоминается о пятнахъ на тѣлѣ убитаго, которые могли быть послѣдствіемъ не только держанія Эбермана, но и кровотечения. Кромѣ того не были осмотрены раны на шеѣ и на головѣ. Г. Касперъ высказалъ увѣренность, что смерть произошла вслѣдствіе сильной потери крови, т. е. послѣ отсѣченія головы; если бы причиною смерти были выстрѣлы, тогда бы

не было столь сильной потери крови. По вопросу о томъ, могло ли найденное на трупѣ платье быть надѣто на него послѣ совершенія убійства, г. Касперъ согласился съ первоначальнымъ медицинскимъ свидѣтельствомъ, на томъ основаніи, что платье не было запачкано кровью.

Генриетта Эберманъ, урожденная Гермъ, показала, что она мало жила съ мужемъ, такъ какъ онъ часто отлучался изъ Лихена и часто находился подъ слѣдствіемъ. Она увѣрена въ томъ, что найденное тѣло—трупъ ея мужа.

Сестра Эбермана, г-жа Мельскъ, узнала часть вещей и ключекъ волосъ.

Другая сестра Эбермана, г-жа Бингеръ, жившая въ услуженіи у г. Адлера въ Шарлотенбургѣ, въ Лицовой части № 7, показала, что 9-го сентября былъ у нея Эберманъ, оставался до сумерокъ и хотѣлъ еще вечеромъ вернуться въ Берлинъ.

Это показаніе подтвердилъ г. Адлеръ.

Въ жилетѣ, найденномъ на трупѣ, оказалась записка съ словами: Лицовъ, № 7.

Одно обстоятельство возбудило нѣкоторое сомнѣніе относительно тождества трупа съ Эберманомъ: сестра сего послѣдняго, г-жа Бингеръ, показала, что на братѣ ея 9-го сентября были надѣты черныя суконныя брюки, между тѣмъ какъ брюки, найденныя на трупѣ, были сѣрыя лѣтнія.

Дѣвица Гермъ, сестра г-жи Эбермана, показала, что 9-го сентября Эберманъ былъ у нея и нѣсколько разъ смотрѣлъ на часы. Часы, найденныя у Шаля, она признала за тѣ самыя, которые видѣла у Эбермана.

Это обстоятельство имѣетъ особенную важность потому, что по показанію Шаля, онъ получилъ часы отъ Эбермана 8-го сентября.

Любовница Эбермана, г-жа Ганзенъ, показала слѣдующее: 9-го сентября въ 2 часа пополудни видѣла она въ Берлинѣ Эбер-

мана вмѣстѣ съ Шалемъ: на первомъ была еще тесемка для часовъ, и были надѣты черныя брюки и черный сюртукъ. Жилетъ, фуражку, кольцо, палку и волосы признала она принадлежавшими Эберману, а тросточку, найденную при трупѣ, принадлежностью Шаля.

Въ опроверженіе тождества трупа съ Готлибомъ Эберманомъ, представлено было нѣсколько свидѣтельскихъ показаній, по силѣ которыхъ у Эбермана на лѣвой рукѣ былъ знакъ отъ прижиганія, между тѣмъ какъ на трупѣ такого знака не оказалось.

Показанія эти не были подтверждены женою и сестрами Эбермана, а тайный медицинскій совѣтникъ Касперъ объяснилъ, что подобные знаки послѣ смерти часто совершенно исчезаютъ и во всякомъ случаѣ не заслуживаютъ большаго вниманія.

Полицейскій служитель Рихтеръ показалъ, что на вопросъ его о томъ, принадлежала ли Шалю тросточка, найденная при трупѣ Эбермана, жена Шаля сначала не хотѣла дать отвѣта, но потомъ объяснила, что тросточка дѣйствительно принадлежала Шалю.

Противъ этого показанія жена Шаля не созналась, а относительно сходства манишки, найденной на трупѣ съ манишками, оказавшимися у Шаля, объяснила, что Шаль когда то далъ Эберману одну изъ своихъ манишекъ.

Берлинскій купецъ Гогамецъ показалъ, что 5-го ноября онъ видѣлъ у Шаля нѣсколько пятиталерныхъ бумажекъ, и что на вопросъ его о томъ, откуда взялъ онъ эти деньги, Шаль отвѣчалъ, что онъ получилъ наследство.

Отъ произнесенія этихъ словъ Шаль не отказался, но объяснилъ, что они сказаны были имъ въ шутку.

Любовница Эбермана, г-жа Ганзенъ, показала что покушеніе на жизнь ея сдѣлано было какимъ то человѣкомъ, котораго она часто видѣла съ Эберманомъ и Шалемъ, и котораго кажется зовутъ Феферомъ. На очной ставкѣ съ Феферомъ Ган-

зень объявила, что этот человекъ похожъ на того, который ее хотѣлъ убить, но тотъ былъ бѣлокурый, а у этого черные волосы.

Феферу вымыли голову и бороду, и волосы стали немного свѣтлѣе. На новой очной ставкѣ Ганзень прямо признала его за человекъ, покушавшагося на ее жизнь; но у сего послѣдняго волосы все таки были еще свѣтлѣе.

Изъ собранныхъ о Феферѣ свѣдѣній видно, что онъ познакомился съ Эберманомъ и Шалемъ, когда они всѣ вмѣстѣ находились подъ стражею въ Шпандау. Жена Эбермана показала, что когда Шаль въ послѣдній разъ приходилъ къ Эберману, то принесъ ему письмо отъ Фефера. Наконецъ жена купца Личера, явись добровольно въ судъ, объявила, что она узнала отъ Фефера объ убійствѣ Эбермана Шалемъ, при чемъ Феферъ сказалъ ей, что и онъ также принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Феферъ предъ судомъ ни въ чемъ не сознался, и на очной ставкѣ съ г-жею Личеръ объявилъ, что вовсе не знаетъ ее.

Государственный прокуроръ началъ свою обвинительную рѣчь описаніемъ мѣста совершенія преступленія, присовокупивъ, что голова и тѣло несомнѣнно принадлежали одному и тому-же человекъ. Кроме того доказано: 1) что черепъ разбитъ вслѣдствіе двойнаго выстрѣла и 2) что голова отрублена у живаго человекъ.

«Я увѣренъ въ томъ», продолжалъ онъ, «что найденное тѣло—трупъ купца Готлиба Эбермана; это доказываютъ вещи его, признанія женою, родственниками и дѣвицею Ганзень. Вещи эти не могли быть надѣты на трупъ послѣ совершенія убійства. Когда хотѣли снять обручальное кольцо, то видны были знаки отъ долгаго ношенія его. При ограбленіи и убійствѣ никому не прійдетъ въ голову надѣть на палецъ обручальное кольцо. Правда, что на трупѣ не были надѣты черныя брюки и сюртукъ, между тѣмъ какъ Эбермана видѣли въ нихъ. Но въ деревнѣ очень часто надѣваютъ праздничное платье сверхъ рабочаго.

Весьма вѣроятно, что черныя брюки сняты послѣ убійства. Это доказывается тѣмъ, что лѣвныя брюки, найденныя на тру-пѣ, были спущены и подтяжки разстегнуты. Платье на тру-пѣ вездѣ сидѣло совершенно гладко и нигдѣ не было замач-кано кровью. Жена Эбермана и дѣвица Ганзенъ узнали воло-сы и зубы его. Въ пользу г-жи Эберманъ говоритъ волненіе и непритворныя слезы ея при видѣ трупа. Что касается до знаковъ отъ прижиганія, то по объясненію дѣктора Каснера эти знаки иногда исчезаютъ.»

«Обращаясь къ убійцѣ Эбермана, я объявляю, что счи-таю виновникомъ преступленія Франца Шалья. 9-го Сентября 1849 г. дѣвица Ганзенъ встрѣтилась съ Эберманомъ и Ша-лемъ въ Берлинѣ. Они вмѣстѣ шли въ Шарлотенбургъ. На воз-вратномъ пути имъ пришла мысль стрѣлять дичь. Шаль зналъ, что у гнилаго Ширее есть хорошее мѣсто для охоты. Туда они вѣроятно пошли съ Эберманомъ, и когда послѣдній, отды-хая, уснулъ, то подсудимый можетъ быть увидѣлъ у него деньги, и соблазнившись ими, застрѣлилъ Эбермана, отсѣкъ ему голову и взялъ часы, деньги и бумажникъ, забывъ фуражку Эбермана и свою тросточку.»

«Если подсудимый говоритъ неправду, то ясно, что онъ бо-ится сказать правду. Шаль въ своихъ показаніяхъ часто проти-ворѣчилъ самому себѣ. По всему видно, что Эберманъ почевалъ послѣднюю ночь у Шалья; это доказываютъ найденныя у Шалья манишка и палка Эбермана. Шаль отъ этого отрекся. Всѣ его показанія о манишкахъ, часахъ и палкѣ оказались невѣрными. Если вещи, принадлежащія убитому, найдены у такого человѣ-ка, каковъ Шаль, и если вещи Шалья, какъ напримѣръ трос-точка, найдены на мѣстѣ преступленія, то не составляютъ ли эти обстоятельства сильнѣйшую улику противъ подсудимаго?»

«Шаль между прочимъ, говорилъ, что Эберманъ отдалъ ему часы 8-го сентября, между тѣмъ какъ 9-го сентября они были еще у Эбермана. Самую опасную свидѣтельницу, г-жу

Ганзенъ, хотѣли убить. Кромѣ того у Шаля послѣ убійства оказались деньги. Все это доказываетъ, что Шаль убійца Эбермана. Я совершенно убѣжденъ въ этомъ и готовъ отвѣчать за то предъ Богомъ.»

Прокурору возражалъ защитникъ подсудимаго, адвокатъ Дейксъ. «У государственнаго прокурора,» сказалъ онъ, «болѣе дѣйствовала фантазія, чѣмъ факты. Я убѣжденъ въ томъ, что весьма трудно защищать подсудимаго, такъ какъ противъ него столько уликъ; но еще труднѣе было бы его осудить какъ преступника. Я не вполне увѣренъ въ тождествѣ трупа съ Готтлибомъ Эберманомъ. Соглашаясь, что можно было не замѣтить знаковъ отъ прижиганія, я не вѣрю, чтобы они могли совершенно исчезнуть. Неизвѣстно, былъ ли подсудимый вмѣстѣ съ Эберманомъ въ Шарлотенбургѣ; напротивъ того, его тамъ никто не видѣлъ.»

«Я не вижу ничего невозможнаго, что бы на трупъ было надѣто чужое платье. Эберманъ могъ перемениться платьями съ кѣмъ-нибудь и потомъ лишитъ этоже самое лицо жизни. Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что убійство совершенно нѣсколькими лицами, но я не увѣренъ, чтобы Шаль былъ убійца.»

«Предположеніе государственнаго прокурора въ отношеніи самаго дѣйствія убійства очень возможно, но точно также могутъ родиться и другія предположенія. Я согласенъ съ тѣмъ, что порочная жизнь Шаля даетъ возможность считать его способнымъ на подобное преступленіе, но тѣмъ осторожнѣе долженъ быть судъ. Я не имѣю никакихъ данныхъ, чтобы признать подсудимаго убійцею, тѣмъ болѣе, что недоказано: было ли у Эбермана столь значительное количество денегъ, чтобы подсудимый рѣшился на убійство съ цѣлью ограбить Эбермана.»

«Я скорѣе думаю, что Эберманъ самъ убійца кагоко-нибудь третьяго лица.»

«Найденная при трупѣ тросточка похожа на тысячу подобныхъ и ничѣмъ не доказано, чтобы она принадлежала Шалю. Весьма вѣроятно также, что Эберманъ самъ оставилъ на-

нишку у Шаля. Не всегда правдивыя показанія подсудимаго не составляютъ еще доказательство его виновности. Что же касается до часовъ, то едва ли Шаль былъ такъ неостороженъ, чтобы заложить краденые часы на свое имя. Денежныя средства Шаля послѣ 9-го сентября я не считаю подозрительными; онъ могъ ихъ приобрести другими путями, такъ какъ онъ былъ контрабандистомъ. Я объявляю, что не считаю Шаля виновнымъ въ убійствѣ найденнаго трупа.»

По окончаніи этой рѣчи, Президентъ предложилъ присяжнымъ слѣдующій вопросъ: виновенъ ли подсудимый Францъ Шаль въ убійствѣ, совершенномъ 9-го или 10-го сентября 1849 г. надъ Готлибомъ Эbermanомъ?

Послѣ получасоваго совѣщанія, присяжные признали Шаля виновнымъ по большинству семи голосовъ. Въ слѣдствіе сего состоялся приговоръ Шаля къ смертной казни отсѣченіемъ головы.

Апелляція, поданная Шалемъ, была отвергнута, послѣ чего онъ и жена его подали Королю всеподданнѣйшую просьбу о помилованіи. Но такъ какъ подсудимый приговоренъ былъ къ смертной казни, то прежде разрѣшенія этой просьбы потребовано было заключеніе отъ Берлинскаго Крейсъ-Герихта, который объявилъ, что онъ не согласенъ съ мнѣніемъ суда присяжныхъ и не считаетъ Шаля убійцею Эbermanа, по недостаточности доказательствъ.

Въ совѣтѣ министровъ, послѣ продолжительнаго разсмотрѣнія этихъ двухъ различныхъ мнѣній, нравственное убѣжденіе взяло наконецъ верхъ надъ юридическими сомнѣніями, и королевскимъ повелѣніемъ 23-го декабря 1852 года былъ утвержденъ приговоръ суда присяжныхъ.

11-го февраля 1853 года Шаля казнили, но предъ смертию онъ признался во всемъ, и показалъ слѣдующее:

Онъ умышленно убилъ Эbermanа, съ тѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ этого челоука, бывшаго причиною его порочной жизни.

Въ день убійства, 9-го сентября, Эберманъ и Фесеръ были у подсудимаго и говорили о намѣреніи совершить новую кражу въ родовомъ скленѣ Мекленбургскаго Герцогскаго дома, но не согласился въ средствахъ исполнить это намѣреніе. Потомъ Шаль пошелъ съ Эберманомъ въ Шарлотенбургъ, гдѣ они разсорились, и встрѣтились опять уже на дорогѣ въ Шпацдау. Здѣсь, во время стрѣльбы дичи, произошла между ними новая ссора; пользуясь тѣмъ, что Эберманъ положилъ ружье на траву, Шаль схватилъ ружье и выстрѣлилъ въ Эбермана, который уналь, но еще разъ поднялся, чтобы ударить Шалья. Тогда Шаль бросился на него и отрѣзалъ ему ножомъ голову. Ножъ и голову бросилъ онъ въ тростникъ изъ бѣшенства, а не для того, чтобы скрыть слѣды преступленія и запутать дѣло. Съ этимъ показаніемъ Шаль взошелъ на эшафотъ.

Настоящій процессъ весьма сильно заинтересовалъ Берлинское общество, подъ влияніемъ сомнѣній, возникшихъ относительно личности убитаго. Многие считали найденное тѣло труномъ какого-нибудь важнаго лица, погибшаго жертвою политическихъ страстей. Поводомъ къ такой мысли послужило время совершенія преступленія, т. е. сентябрь 1849 г., когда еще не утихло волненіе, возбужденное событіями предшествовавшаго года. Но независимо отъ этого мѣстнаго и чисто случайнаго интереса, дѣло объ убійствѣ Эбермана имѣетъ и внутреннее, юридическое значеніе, проистекающее какъ изъ самыхъ обстоятельствъ преступленія, такъ и изъ хода уголовного процесса.

Первою особенностью дѣла представляется неизвѣстность, долго господствовавшая относительно личности убитаго. Причиной такой неизвѣстности было страшное обезображеніе головы, не позволявшее разглядѣть и узнать черты лица. Первое показаніе, данное о личности убитаго, еще болѣе запутало дѣло, потому что оказалось совершенно ложнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ возникло предположеніе, что убитый — купецъ Готлибъ Эберманъ. Хотя это предположеніе, по мѣрѣ дальнѣйшаго раскрытія обстоя-

тельность дѣла, приобрѣтало все большую и большую достовѣрность, но сомнѣніе въ справедливости его не исчезало во все продолженіе процесса, и окончательно, можно сказать, устранено было только предсмертнымъ сознаніемъ Шаля.

Между тѣмъ удостовѣреніе въ тождествѣ убитаго очевидно было необходимо для уличенія убійцы и для произнесенія надъ нимъ рѣшительнаго приговора. Малѣйшее по этому предмету недоумѣніе со стороны присяжныхъ неминуемо должно было повлечь за собою оправданіе подсудимаго. Значеніе уликъ, собранныхъ противъ Шаля, зависѣло исключительно отъ того, будетъ ли найденный трупъ признанъ трупомъ Готлиба Эбермана. Самое привлеченіе Шаля къ процессу послѣдовало одновременно съ признаніемъ трупа Гепріеттою Эберманъ. Она показала, что мужъ ея въ послѣдній разъ отлучился изъ дома вмѣстѣ съ Шалемъ,—отсюда возникло первое подозрѣніе противъ подсудимаго. Еслибы тождество трупа съ Готлибомъ Эберманомъ осталось недоказаннымъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожился бы этотъ главный, основной поводъ къ обвиненію Шаля. Далѣе, важныя обстоятельства о часахъ Эбермана, заложенныхъ Шалемъ, и о другихъ вещахъ Эбермана, найденныхъ у Шаля, равномерно потеряли бы всю свою обвинительную силу. Нахожденіе Шаля близъ мѣста совершенія преступленія, отдѣльно взятое, конечно не могло бы имѣть большаго значенія; тоже самое должно сказать и о тросточкѣ, найденной подлѣ трупа, потому что она, какъ замѣтилъ адвокатъ Шаля, ничѣмъ не отличалась отъ тысячи подобныхъ, и не носила на себѣ никакихъ несомнѣнныхъ слѣдовъ принадлежности ея Шалю. Повторяемъ, всякое сомнѣніе въ тождествѣ трупа съ Эберманомъ колебало силу обвиненія, взведеннаго противъ Шаля, устранивъ тождество, необходимо было бы оправдать Шаля.

Въ числѣ такъ называемыхъ *causes célèbres* не трудно найти такія дѣла, въ которыхъ недоумѣніе относительно личности убитаго служило поводомъ къ оправданію подсудимыхъ,

не смотря на имѣвшіяся противъ нихъ сильныя улики. Такъ напр., въ Эльзасѣ въ 1843 г. происходилъ процессъ трактирщика Блетри по объявленію въ убійствѣ неизвѣстной женщины, трупъ которой былъ найденъ въ ящикѣ, принесенномъ для отправленія на станцію желѣзной дороги. Въ домѣ Блетри найдены были слѣды крови, происхожденіе которыхъ не было объяснено удовлетворительнымъ образомъ; за нѣсколько дней до открытія трупа, трактиръ былъ запертъ для посѣтителей въ такое время, когда обыкновенно оставался открытымъ, и въ это же время слышали тамъ человѣческій крикъ; наконецъ чиновники желѣзной дороги признали прислужницу Блетри за женщину, которую принесенъ былъ на станцію вышеупомянутый ящикъ. При всѣхъ этихъ уликахъ, подкрѣпленныхъ другими, не менѣе важными обстоятельствами, при единогласномъ осужденіи подсудимаго общественнымъ мнѣніемъ, присяжные оправдали Блетри, — вѣроятно потому, что личность убитой, не смотря на тщательныя розысканія, осталась неизвѣстною, и затѣмъ нельзя было опредѣлить, что могло побудить Блетри къ совершенію преступленія.

И такъ, на вопросѣ о личности убитаго естественно должна была завязаться въ настоящемъ дѣлѣ самая упорная борьба между Шалемъ и защитникомъ его съ одной, и обвинителями съ другой стороны. Въ этомъ заключался главный узелъ процесса. Когда, не смотря на обезображеніе головы, затруднявшее опредѣленіе личности убитаго, возникло предположеніе, что убитый — Готлибъ Эберманъ, то противъ этого предположенія представлены были слѣдующіе три главные довода: 1) у Эбермана на рукѣ были знаки отъ прижиганія, а на трупѣ такихъ знаковъ не найдено; 2) Эбермана въ день совершенія преступленія видѣли въ черныхъ суконныхъ брюкахъ; а на трупѣ были сѣрыя лѣтнія брюки; 3) платье Эбермана могло быть надѣто на трупъ послѣ убійства, и убійцею легко могъ быть самъ Эберманъ. И такъ, настоящее дѣло принадлежитъ къ числу тѣхъ весьма рѣдкихъ и оригинальныхъ слу-

чаевъ, когда тоже самое лицо одними признается за убитаго, а другими—за убійцу.

Обстоятельство объ имѣвшихся на рукѣ Эбермана знакахъ отъ прижиганія, съ перваго взгляда, представляется довольно важнымъ потому, что въ общежитіи эти знаки обыкновенно считаются неизгладимыми. Но изъ медицинскаго удостовѣренія, даннаго предъ судомъ, мы узнаемъ, что подобные знаки часто перестаютъ быть видимыми послѣ смерти человѣка и не могутъ быть замѣчены на трупѣ. Этимъ положительнымъ указаніемъ науки не удовольствовался однако адвокатъ Шаля въ защитительной рѣчи своей; онъ оспорилъ свидѣтельство медика и доказывалъ неизгладимость вышеупомянутыхъ знаковъ. Въ этомъ случаѣ онъ уподобился тому Бельгійскому генераль-адвокату, о которомъ упоминается въ процессѣ объ оперѣ Геркуланумъ, и который хотѣлъ, чтобы по вопросу врачебной науки мнѣніе его одержало верхи надъ единогласнымъ мнѣніемъ восьми докторовъ. Понятно, что присяжные и судьи безъ колебанія должны были отдать предпочтеніе специалисту предъ неспециалистомъ. Еслибы прокуроры или адвокаты силою своего краснорѣчія могли опровергнуть ученое свидѣтельство врачей, то для чего служило бы самое участіе этихъ послѣднихъ въ процессѣ?

Второй доводъ, также съ перваго взгляда не лишенный важности, былъ весьма удовлетворительно опровергнутъ государственнымъ прокуроромъ, выказавшимъ вообще въ своей рѣчи много проникательности и юридической смѣтливости. Онъ объяснилъ, что деревенскіе жители часто надѣваютъ праздничное платье сверхъ буднишняго, и что такимъ образомъ черные суконные брюки, въ которыхъ видѣли Эбермана, могли быть надѣты сверхъ сѣрыхъ лѣтнихъ, найденныхъ на трупѣ. Послѣ совершенія убійства, черные брюки вѣроятно были сняты съ Эбермана; убѣдительнымъ доказательствомъ этому служить то, что сѣрые брюки найдены на трупѣ спущенными и подтяжки отстегнутыми.

Наконецъ противъ третьяго довода, по самому существу своему довольно невѣроятнаго, прокуроръ объяснилъ, что платье могло быть падѣто на трупъ послѣ убійства потому, что вездѣ сидѣло гладко и не было запачкано кровью. Еще болѣе убѣдительнымъ представляется то обстоятельство, что когда съ руки убитаго снято было кольцо, въ послѣдствіи оказавшееся обручальнымъ кольцомъ Готлиба Эбермана, то на пальцѣ оказались слѣды долгаго ношенія этого кольца.

Когда такимъ образомъ устранины были всѣ доводы, представленные въ опроверженіе тождества трупа съ Готлибомъ Эберманомъ, тождества, подтвержденнаго свидѣтельствомъ жены, двухъ сестеръ и любовницы Эбермана, то присяжнымъ и судьямъ оставалось только признать это тождество несомнѣнно доказаннымъ. Затѣмъ уже не трудно было перейти къ признанію виновности Шаля и къ осужденію его.

Мы не станемъ разбирать въ подробности улики, послужившія непосредственнымъ поводомъ къ осужденію Шаля. Убѣжденіе присяжныхъ слагается изъ тысячи мелкихъ обстоятельствъ неувидимыхъ на бумагѣ и доступныхъ только для зрителей и слушателей дебатовъ. Въ прекрасномъ юридическомъ сборникѣ: «*der neue Pitaval*», изъ котораго извлечено настоящее дѣло, весьма часто встрѣчается со стороны издателей слѣдующая оговорка: что изложенныя въ печати обстоятельства процесса не служатъ полнымъ удостовѣреніемъ виновности подсудимаго, по что тѣмъ не менѣ обвинительный приговоръ присяжныхъ постановленъ, можетъ быть, основательно и правильно, потому что кромѣ матеріальной, такъ сказать, обстановки дѣла, есть еще множество другихъ сторонъ, могущественно дѣйствующихъ на убѣжденіе присяжныхъ. Такъ, напримѣръ, въ настоящемъ дѣлѣ прежнія отношенія Шаля и Эбермана, ихъ общая судимость, общее содержаніе подъ стражею, не составляли юридической улики въ строгомъ смыслѣ этого слова; но по всей вѣроятности они не остались безъ вліянія на рѣшеніе присяжныхъ. И это весьма понятно:

судебная практика богата примѣрами, въ которыхъ преступникъ умерщвлялъ бывшего сообщника своего, изъ боязни ли доноса, или изъ зависти за неравномѣрное распредѣленіе добычи, или наконецъ изъ ненависти и мщенія къ тому, кто вовлекъ его въ преступленіе. Дѣйствительно, это послѣднее побужденіе, какъ видно изъ предсмертнаго сознанія Шаля, было одною изъ причинъ убійства Эбермана.

Впрочемъ нельзя не замѣтить, что юридическія улики, собранныя противъ Шаля, и сами по себѣ могли послужить основаніемъ къ обвиненію его въ убійствѣ Эбермана. Закладъ Шалемъ часовъ Эбермана, ложныя показанія его по этому предмету, открытіе въ квартирѣ Шаля вещей Эбермана, всѣ эти обстоятельства, въ совокупности взятая, имѣютъ несомнѣнную и довольно значительную юридическую силу.

При всей важности этихъ уликъ, Берлинскій крейсгерихтъ, отъ котораго потребовано было заключеніе по настоящему дѣлу (по поводу принесенной Шалемъ королю просьбы о помилованіи), не нашелъ возможнымъ дать утвердительный отзывъ о виновности Шаля и призналъ имѣвшіяся противъ него доказательства недостаточными для осужденія его. Въ этомъ разногласіи, возникшемъ между судьями и присяжными, отражается различіе между двумя противоположными способами обсужденія уголовныхъ дѣлъ—*формальнымъ и матеріальнымъ*. Предсмертное сознаніе Шаля показало, что истина была на сторонѣ втораго способа, т. е. на сторонѣ присяжныхъ.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о судебныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ по настоящему дѣлу, т. е. объ обвинительной рѣчи государственнаго прокурора и о защитительной рѣчи адвоката подсудимаго.

Въ пятой книгѣ Журнала Министерства Юстиціи за 1859 г. помѣщены, по поводу процесса Бея съ Марминья, весьма справедливыя, по нашему мнѣнію, разсужденія о недостаткахъ, свойственныхъ рѣчамъ французскихъ адвокатовъ. Рѣчи германскихъ

адвокатовъ, вообще говоря, свободны отъ этихъ недостатковъ. Издатели сборника «Der neue Fitawal» весьма часто говорятъ о рѣчахъ, произнесенныхъ въ французскихъ судахъ, что это были «въ полномъ смыслѣ слова и рѣчи французскія»,—и ограничиваются этою характеристиккою, полагая, не безъ основанія, что она не требуетъ комментаріевъ. Къ нѣмецкимъ судебнымъ рѣчамъ такая характеристика можетъ быть примѣнена весьма рѣдко; въ области наукъ и серьезныхъ занятій нѣмцы рѣдко впадаютъ въ напыщенность и пафосъ, рѣдко поддаются увлеченію: скорѣе можно упрекнуть ихъ въ излишней сухости. Доказательствомъ тому служатъ между прочимъ и рѣчи, произнесенныя по настоящему процессу.

Рѣчь государственнаго прокурора представляетъ собою простой, систематическій перечень всѣхъ фактовъ, служащихъ съ одной стороны подтвержденіемъ тождества трупа съ Эберманомъ, съ другой стороны—удовѣреніемъ виновности Шаля. Адвокатъ подсудимаго, начиная свою защитительную рѣчь, обвинилъ прокурора въ томъ, что у него болѣе дѣйствовала фантазія, нежели факты. Обвиненіе это справедливо только повидимому. Дѣйствительно, прокуроръ не ограничился однимъ утвержденіемъ, что Шаль убійца Эбермана; онъ старался показать, при какой обстановкѣ, какимъ образомъ и по какимъ побужденіямъ совершенно было убійство. Но развѣ можно поставить это вину прокурору? Отъ побужденія, подъ вліяніемъ котораго совершенно преступленіе, зависить отчасти и степень вины преступника,—особенно та нравственная виновность его, которая такъ сильно дѣйствуетъ на присяжныхъ. Не ею ли обыкновенно руководствуются присяжные, объявляя обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія вину? Понятно, что государственный обвинитель не можетъ и не долженъ оставлять безъ вниманія эту важную сторону процесса: а для опредѣленія ея, при отсутствіи собственнаго сознанія подсудимаго, по необходимости должно прибѣгать къ предположеніямъ и догадкамъ. Если придавать полную вѣру предсмертному сознанію Шаля, то предположе-

ніе прокурора о мотивахъ преступленія оказывается неосновательнымъ: прокуроръ приписывалъ его корыстнымъ цѣлямъ, Шаль объясняетъ его жаждою мщенія. Но мы думаемъ, что объясненіе прокурора легко можетъ совмѣститься съ объясненіемъ Шаля, что въ каждомъ изъ нихъ есть доля истины, и что преступленіе было совершено подъ вліяніемъ и того, и другаго чувства. Весьма вѣроятно, что Шаль ненавидѣлъ Эбермана, какъ виновника его порочной жизни; но закладъ часовъ Эбермана Шалемъ, внезапное появленіе денегъ у Шаля, между тѣмъ какъ до совершенія преступленія у него ихъ вовсе не было, и ложное показаніе его о происхожденіи этихъ денегъ (онъ говорилъ, что получилъ наслѣдство),—удостоверяють, что корыстолюбіе также было одною изъ причинъ, побудившихъ Шаля убить Эбермана.

Всѣ остальные предположенія прокурора о способѣ совершенія убійства и о внѣшней обстановкѣ его подтвердились предсмертнымъ сознаніемъ Шаля, и свидѣлствуютъ о необыкновенной проицательности этого чиновника. Столь же замѣчательны и доказательства, представленныя имъ въ удостовереніе тождества трупа съ Эберманомъ, о чемъ уже сказано нами выше.

Но въ самомъ концѣ своей рѣчи, доведенный сплю своей логики до полнаго и твердаго убѣжденія въ виновности подсудимаго, прокуроръ позволилъ себѣ такую выходку, которая не можетъ быть оправдана никакими соображеніями. Онъ воскликнулъ, что *готовъ отвѣчать предъ Богомъ въ виновности Шаля*. Не трудно представить себѣ, какъ велико могло быть вліяніе этого восклицанія на присяжныхъ, въ особенности, если прокуроръ пользовался уваженіемъ и довѣріемъ ихъ. Они могли сказать себѣ, что если лицо, по важности званія своего обязанное соблюдать величайшую осторожность въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ выраженіи своемъ, такъ смѣло призываетъ самаго Бога въ свидѣтели истины словъ своихъ, то виновность подсудимаго

димаго, конечно, не подлежит никакому сомнѣнію и не требуетъ дальнѣйшаго обсужденія. Прокуроръ въ концѣ своей рѣчи упустилъ изъ виду то правило, котораго неуклонно держался въ продолженіе ея: государственный обвинитель, равно какъ и защитникъ подсудимаго, можетъ и долженъ только *содѣйствовать* образованію убѣжденія присяжныхъ, а не навязывать имъ, такъ сказать, свое собственное мнѣніе, въ силу увѣренности своей въ его непогрѣшимости. Равенство средствъ защиты и обвиненія составляетъ одно изъ необходимыхъ условій правильного веденія дѣла; между тѣмъ, призывавъ имя Божіе, прокуроръ такъ сильно склонилъ на свою сторону вѣсы правосудія, что адвокату подсудимаго было уже весьма трудно возстановить нарушенное равновѣсіе.

Рѣчь адвоката подсудимаго отличается тѣми же достоинствами, какъ и рѣчь прокурора. Опровергая сначала тождество трупа съ Эbermanомъ, потомъ самую виновность Шаля, онъ постоянно держался умѣреннаго тона, и ограничивался подробнымъ, критическимъ разборомъ фактовъ, выставленныхъ его противникомъ. Единственное увлеченіе, въ которомъ можно упрекнуть его,—это уномянутое уже нами стараніе оспорить медицинское свидѣтельство. Онъ не отвергалъ ни важности уликъ, имѣвшихся противъ Шаля, ни невыгоднаго заключенія, къ которому давала поводъ прежняя порочная жизнь подсудимаго. Словомъ, рѣдкое для адвоката явленіе, онъ держался болѣе юридической, нежели нравственной стороны дѣла. Онъ заявилъ догадку, что можетъ быть Эbermanъ былъ не жертвою, а виновникомъ убійства, но не воспользовался этимъ случаемъ, чтобы краснорѣчиво изобразить всю тяжесть ответственности, которую при справедливости догадки, навлекли бы на себя присяжные осужденіемъ Шаля.

Отдавъ должную справедливость представителямъ обѣихъ сторонъ, заинтересованныхъ въ процессѣ,—подсудимаго и государства, упомянемъ еще о представителѣ врачебной науки, тай-

номъ медицинскомъ совѣтникѣ Касперѣ, который показаніями своими такъ сильно содѣйствовалъ разъясненію и правильному разрѣшенію дѣла. Но съ наибольшимъ удивленіемъ, повторяемъ, нельзя не остановиться на приговорѣ присяжныхъ, которые можно сказать угадали виновность подсудимаго, и, не стѣсняясь внѣшнею неполнотою доказательствъ, произнесли приговоръ, вполне оправданный предсмертнымъ сознаніемъ преступника.

II.

ПРОЦЕССЪ ДОКТОРА ЧЕРНАГО.

обвиненнаго въ противузаконномъ употребленіи медицинскихъ средствъ.

Докторъ Вріесь, прозванный Чернымъ, о которомъ было такъ много говорено въ Парижѣ въ теченіе цѣлаго года, и который выдержалъ нападеніе медицинской академіи, былъ въ недавнее время привлеченъ къ суду исправительнаго трибунала (tribunal correctionnel) по обвиненію въ противузаконномъ пользованіи медицинскими средствами и обманахъ.

Въ обвинительномъ актѣ, направленномъ противу Вріеса, представитель министерства г. Жанро изъяснилъ: «обвиненный Генрихъ Вріесь, родомъ изъ Сюринама, прибылъ въ Парижъ изъ Лондона въ 1854 г.»

«Въ Англіи онъ выдавалъ себя за яраго протестанта, онъ издалъ тамъ брошюру, въ которой говорилъ о Папѣ, о кинжалахъ іезуитовъ, пушкахъ Ватикана. Въ Лондонѣ, какъ и въ Парижѣ, онъ занимался медициною вмѣстѣ съ проповѣдываніемъ протестантизма. Онъ объявлялъ тамъ объ открытіи имъ дѣйствительнаго средства противъ рака, но средство это однимъ изъ главныхъ хирурговъ признано было ничтожнымъ.»

«Въ Парижъ пріѣхалъ онъ съ цѣлію нажить денегъ, но какъ придуманное имъ въ Англіи средство противъ рака не имѣло успѣха, то онъ вздумалъ прославиться въ Парижѣ своими открытиями по части электро-магнетизма и регрессивнаго mobile».

«Тѣмъ не менѣ обвиняемый занимался и медициною, по его дебютъ былъ очень скромный. За неплатежъ долговъ онъ былъ заключенъ въ Клиши и тамъ сблизился съ писателемъ Женессомъ, подъ руководствомъ котораго сталъ издавать различныя брошюры и обратился въ медицинскую академію съ просьбою объ изслѣдованіи предлагаемыхъ имъ средствъ противъ различныхъ болѣзней».

«Въ 1856 г. Вріесь назвалъ себя докторомъ Чернымъ и, пользуясь расположеніемъ общества заниматься вертящимися столами и таинственными духами, онъ обратился опять къ религіозной сферѣ, и сдѣлался очень хорошимъ католикомъ».

«Онъ напалъ на Лютера, называя его лжеучителемъ и такимъ образомъ отрекся отъ идей, которыя самъ впровадывалъ на той сторонѣ пролива».

«Кромѣ того Вріесь открылъ конкурсъ между архитекторами, предлагая премію тому, кто представитъ лучшій планъ для мраморнаго храма во славу Всевышнему».

«Этотъ храмъ предполагалъ онъ построить на Елисейскихъ поляхъ съ тѣмъ, чтобы первый мраморный камень заложенъ былъ самимъ Вріесомъ въ присутствіи всѣхъ монарховъ и высшаго духовенства Европы».

«Занимаясь медициною, Вріесь болѣе всего заботился о собственныхъ интересахъ».

«Обыкновенно онъ требовалъ отъ больного впередъ треть слѣдующаго ему вознагражденія, и если больной чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, то Вріесь заставлялъ его отдать ему остальную сумму подъ опасеніемъ оставить въ противномъ случаѣ своего пациента».

«Притомъ Вріесъ имѣлъ обыкновеніе обѣщать непремѣнное выздоровленіе больнаго, но если больной не выздоравливалъ, что случалось весьма часто, то мнимый докторъ не соглашался возвратить взятыхъ имъ впередъ денегъ».

«Для большаго успѣха въ своихъ предпріятіяхъ, Вріесъ принялъ титулъ доктора Лейденскаго факультета, и не имѣя элементарныхъ познаній въ медицинѣ, противузаконно занимался докторскою профессіею и продавалъ неизвѣстные медикаменты, тогда какъ онъ не имѣлъ для того аптекарскаго диплома».

По всему этому императорскій адвокатъ объявилъ Вріеса виновнымъ: 1) въ подложномъ присвоеніи докторскаго титула; 2) въ противузаконной продажѣ аптекарскихъ медикаментовъ и 3) въ обманахъ и мошенничествѣ.

Затѣмъ президентъ приступилъ къ допросу обвиняемаго. Послѣ обыкновенныхъ вопросовъ объ имени и званіи обвиняемаго, президентъ спросилъ его, съ какою цѣлію оставилъ онъ свою страну и пріѣхалъ въ Европу.

Вріесъ. Для того, чтобы ввести въ Европѣ иноземные медикаменты.

Президентъ. Чѣмъ занимались вы въ Англій?

Вріесъ. Медициною.

Президентъ. Вы начали не этимъ, вы сперва выдавали себя за реформатора проповѣдуя противъ Римскаго ученія; вы говорили, что не боитесь ни кинжаловъ іезуитовъ, ни ватиканскихъ пушекъ.

Вріесъ. Это теперь дѣло конченное.

Президентъ. Вы, значить, сознаетесь въ томъ, что ваши проповѣди противъ іезуитовъ, которые не имѣли никакого желанія поразить васъ кинжалами, нисколько не относились къ медицинѣ.

Вріесъ. Я занимался также и медициною. Въ моей сторонѣ медицина и религія составляютъ одно занятіе.

Президентъ. Не смотря на такія ухищренія, медицина вамъ не далась въ Лондонѣ.

Врієсь. Въ Лондонѣ мнѣ закрыли всѣ двери, какъ и здѣсь.

Президентъ. Зачѣмъ вы пріѣхали въ Парижъ?

Врієсь. Я пріѣхалъ сюда съ цѣлю ввести иноземные медикаменты и вмѣстѣ съ тѣмъ для того, чтобы предложить средства замѣнить дѣйствіе пара въ локомотивахъ.

Президентъ. Вы значитъ имѣете всестороннія свѣдѣнія?

Врієсь. Всякій докторъ вмѣстѣ съ тѣмъ и химикъ.

Президентъ. Вы докторъ, химикъ и религиозный реформаторъ: не открывали ли вы также *perpetuum mobile*?

Врієсь. Оно не существуетъ.

Президентъ. Мы это знаемъ, но вы прежде этого не говорили: вы были заключены въ Клиши за долги?

Врієсь. Да.

Президентъ. Тѣмъ не менѣе вы жили тамъ очень хорошо и даже давали тамъ пиръ?

Врієсь. Да.

Президентъ. По этому случаю въ вашу честь произнесена была великолѣпная рѣчь; вотъ ея содержаніе.

«Человѣку, родившемуся на другомъ полушаріи и переплывшему океанъ для того, чтобы положить въ Европѣ прочное основаніе медицинской наукѣ».

«Человѣку, дерзнувшему постичь гигантскую идею соединить электричество съ магнетизмомъ».

«Человѣку, распространяющему ежедневно и бесплатно не только свои заботы, но и свои медикаменты и деньги бѣднымъ».

«Человѣку, потрясающему величіемъ души цѣпи, налагаемыя на людей тѣломъ, и представляющемуся болѣе свободнымъ въ Клиши, чѣмъ его кредиторы на биржѣ».

«Человѣку, соединяющему науку съ просвѣщенной филантропіею!»

«Однимъ словомъ доктору Врієсу!»

Президентъ. Ваша скромность вѣроятно была встревожена такими похвалами.

Врієсь. Нисколько.

Президентъ. Въ 1846 году вы задумали основаніе новаго ученія.

Врієсь. Я имѣлъ тогда видѣніе.

Приэтомъ обвиняемый представляетъ совершенно непонятное объясненіе.

Президентъ. Подъ предлогомъ ясновидѣнія вы затѣяли основаніе храма на Елисейскихъ поляхъ и обѣщали премію за лучшей планъ; остались ли вы довольны тѣми, которые вамъ были представлены?

Врієсь. Нѣтъ.

Президентъ. Это понятно; гораздо удобнѣе было найти планъ дурнымъ для избѣжанія увлаты денегъ. Вы тѣмъ же менѣе объявили архитектору Готино, что его планъ былъ лучшей изъ представленныхъ вамъ?

Врієсь. Нѣтъ, и еслибы мнѣ приставили пистолеть къ горлу, то я не измѣнилъ бы ни одного слова въ своемъ показаніи.

Президентъ. Въ журналѣ *Independence belge* описанъ былъ праздникъ, данный вами въ Луврскомъ отелѣ. Приэтомъ упомянуто о картинѣ, изображающей одну изъ танцовщицъ очень извѣстнаго театра, весьма мило одѣтую и съ бокаломъ въ рукѣ. На картинѣ была надпись: отъ той, которая будучи оставлена всѣми докторами, была спасена вами, она пьетъ за ваше здоровье.

Врієсь. Я не могу запретить шпионамъ замѣчать, что у меня дѣлается, но я не просилъ помѣщать такой статьи въ журналѣ.

Президентъ. Танцовщица, которая пила вино за ваше здоровье, къ сожалѣнію, не была уже на свѣтѣ во время устроеннаго вами пиршества.

Врієсь. Да, она умерла тогда.

Президентъ. Кто васъ назвалъ докторомъ Чернымъ и кто сдѣлалъ васъ докторомъ?

Врієсь. Я самъ.

Президентъ. Вы выдали себя за доктора Лейденскаго университета?

Врієсь. Гипократъ не имѣлъ диплома.

Президентъ. Своими просками вы достигли наконецъ того, что вамъ поручено было пользованіе 17 человекъ, находившихся въ одной больницѣ и страдавшихъ ракомъ. Мы имѣемъ списокъ вашихъ больныхъ; они все умерли, исключая двухъ, которые находятся при смерти.

Врієсь. Если бы мнѣ дали болѣе времени, я бы ихъ вылечилъ; притомъ при мнѣ никто изъ больныхъ не умеръ.

Далѣе президентъ выставлялъ обвиняемому на видъ недобросовѣстность дѣйствій его въ отношеніи къ больнымъ, его корыстолюбіе и обманы.

На обвиняемый отрекся отъ всѣхъ взведенныхъ на него по сему предмету обвиненій.

Послѣ допроса обвиняемаго, президентъ приступилъ къ допросу свидѣтелей.

Изъ числа 33 спрошенныхъ свидѣтелей, 6 человекъ показали: что родственники ихъ, пользовавшіеся у Врієса, умерли, не смотря на его обѣщаніе непременно ихъ вылечить. Притомъ нѣкоторые изъ этихъ лицъ, объясняя, что Врієсь, взявши впередъ довольно большую сумму денегъ, не согласился возвратить этихъ денегъ послѣ смерти своего пациента, присовокушили, что, по ихъ мнѣнію, Врієсь шарлатанъ и обманщикъ.

Напротивъ, 27 человекъ показали, что Врієсь излечилъ ихъ отъ такихъ болѣзней, которыя признаны были другими докторами неизлечимыми, и что въ отношеніи къ нимъ Врієсь не только не выказалъ корыстолюбія, но своею снисходительностію и вниманіемъ заслужилъ съ ихъ стороны полное уваженіе.

Затѣмъ, по выслушаніи объясненій докторовъ и экспертовъ, защитникъ подсудимаго адвокатъ Сеиъ-Лоранъ въ оправданіе его приводитъ, между прочимъ, слѣдующія обстоятельства,

«Удостовереніе спрошенныхъ трибуналомъ свидѣтелей въ пользу, которую принесъ имъ Вріесъ, изъясняемая ему благодарность даютъ мнѣ значительную смѣлость и большое утѣшеніе.

Благодарность г. Вріесу скептицизмъ улыбается при этой мысли; заблужденіе, скажутъ мнѣ, можетъ быть вездѣ.

Здравый смыслъ и наука не могутъ предотвратить общества отъ заблужденія. Хорошо рассуждать тому, кто имѣетъ счастье быть избавленнымъ отъ страданій личныхъ и не видѣтъ недуговъ своихъ друзей или родныхъ. Но вообразите себѣ, что кто нибудь изъ близкихъ вамъ подверженъ ужасной болѣзни рака, болѣзни, противящейся усиліямъ хирургіи, кровавымъ операціямъ. Вообразите себѣ, хирургія признаетъ себя безсильною и скажетъ, что болѣе ничего не остается дѣлать, что зло неизлечимо.

Но между тѣмъ, какъ желаемая смерть не приходитъ избавить больнаго отъ мученій, вообразите себѣ человѣка, который дѣйствуетъ, надѣется, излечиваетъ болѣзнь одинъ разъ, другой разъ, который облегчаетъ страданія почти всегда.

Предъ такимъ человѣкомъ, каковъ бы онъ ни былъ, сильный умъ признаетъ свое безсиліе, сердце исполняется ощущеній. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые продолжаютъ улыбаться съ высоты своего скептицизма и своихъ дипломовъ Они не понимаютъ, они не уважаютъ радости, доставляемой умирающему надеждою, облегченіемъ и иногда выздоровленіемъ. . . . Во имя страждущаго человѣчества я заклинаю ихъ имѣть болѣе терпимости.

Вріеса обвиняютъ въ смерти вѣрренныхъ его попеченію 17 пациентовъ одной изъ больницъ; но при этомъ забываютъ, что Вріесъ взялся излечить ихъ въ теченіи полугода, а его удалили по прошествіи двухъ мѣсяцевъ. Ни одинъ изъ больныхъ, сколько мнѣ извѣстно, не умеръ въ теченіи этихъ двухъ мѣсяцевъ. Но послѣ они умерли почти всѣ; и на этомъ основаніи обвиняютъ Вріеса въ шарлатанствѣ! На это я долженъ

возразить, что если бы Вріесу предоставили требуемыя **нижъ 6 мѣсяцевъ**, то можетъ быть больные бы выздоровѣли.

Въ изданныхъ противъ Вріеса брошюрахъ его обвиняютъ въ роскоши и въ его мистическомъ направленіи видятъ обманъ.

Въ одной изъ своихъ брошюръ Вріесъ объясняетъ, что онъ имѣлъ видѣніе.

Размышленіе приводитъ насъ къ заключенію, что подобныя видѣнія заслуживаютъ пѣкоторой терпимости, и что самыя сильныя умы бываютъ имъ подвержены.

Сократъ имѣлъ своего духа, который бесѣдовалъ съ нимъ. Сократъ духовидецъ! Декартъ воображалъ, что его преслѣдуетъ невидимое лицо Декартъ духовидецъ! Паскаль воображалъ предъ собою неизмѣримую бездну Паскаль духовидецъ!

Вріеса обвиняютъ въ мошенничествѣ. Въ этомъ состоитъ процессъ. Говорятъ, что Вріесъ хотѣлъ привлечь къ себѣ посредствомъ медицины людей знатныхъ и богатыхъ.

Но въ такомъ случаѣ брошюра Вріеса немогла быть написана съ цѣлію обмана. Брошюра эта могла не привлечь къ Вріесу, но оттолкнуть отъ него положительные умы нашего времени.

Единственная вина Вріеса состоитъ въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ докторское званіе, но это проступокъ, предвидѣнный закономъ 19 Вентоза XI года.

Поэтому означенный проступокъ, наказываемый специальнымъ закономъ, не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть рассматриваемъ какъ мошенничество.

Далѣе въ основаніе къ обвиненію Вріеса въ мошенничествѣ принимаютъ его методу леченія и его секретъ.

Здѣсь представляется вопросъ специальный и техническій.

Для разрѣшенія этого вопроса трибуналь обратился къ сужденію науки.

Посмотримъ, какіе доводы приведены свѣдущими лицами противъ Вріеса. Онъ утверждаетъ, что секретъ его открытъ имъ въ Сюринамѣ между дикими племенами этой страны. Что же тутъ удивительнаго? Эти дѣти природы, эти люди, не имѣющіе ни науки, ни дипломовъ, часто имѣютъ удивительный инстинктъ. Провидѣніе помѣстило въ ихъ долинахъ, на ихъ горахъ цѣлительныя растенія . . . Они находятъ, готовятъ ихъ. Гумбольдтъ часто говоритъ о медицинѣ Индѣйцевъ и о неизвѣстныхъ растеніяхъ, которыми они пользуются. По этому въ секретѣ Вріеса нѣтъ ничего удивительнаго и невѣроятнаго.

Но наука утверждаетъ, что Вріесъ шарлатанъ. Гг., въ наукѣ встрѣчаются всегда двѣ противоположныя силы: сила движенія и сила инерціи.

Самые блистательные умы бываютъ иногда подвержены силѣ инерціи подъ вліяніемъ увѣренности, которую они въ себѣ имѣютъ. Эта истина существовала вездѣ и всегда.

Антимоній, такъ часто употребляемый теперь медициною, подвергался прежде преслѣдованіямъ.

Мольеръ, котораго никакъ нельзя назвать рутинистомъ, возставалъ противъ антимонія.

Хина была преслѣдуема до излеченія этимъ средствомъ дофина сына Людовика XIV.

Кофе и табакъ, потребляемые теперь всѣми и вездѣ, также были запрещены въ прежнее время.

Въ отношеніи къ секрету Вріеса наука не открыла ничего положительнаго.

Эксперты по части химіи удостовѣрили въ невозможности опредѣлить къ точности существо употребленныхъ Вріесомъ медикаментовъ, а аптекари, приготовлявшіе лекарство по рецептамъ Вріеса, показали, что они употребляли растеніе, привезенное имъ изъ Америки, которому онъ приписывалъ большую важность, и которое имъ неизвѣстно.

Теперь перейдемъ отъ теоріи къ фактамъ.

При настоящемъ слѣдствіи принята система, которую я ни-

какъ не могу одобрить. Противъ Вріеса приводятъ свидѣтельство родственниковъ умершихъ лицъ, которыхъ онъ пользовалъ. Эта система весьма опасна. Если бы такимъ образомъ собирали точныя свѣдѣнія о неудачныхъ леченіяхъ докторовъ, имѣющихъ дипломы, то ни одинъ изъ нихъ не устоялъ бы противъ обвиненія.

При этомъ нельзя не принять во вниманіе показанія свидѣтелей объ излеченіи ихъ Вріесомъ.

Наука говоритъ, что это случай дѣйствія природы, а не средствъ, употребленныхъ Вріесомъ.

Я возражу, что если бы медикаменты Вріеса были употребляемы докторомъ, то никто бы не вздумалъ оспаривать такой системы леченія.

И такъ, заключилъ адвокатъ, наука отрицаетъ дѣйствительность средствъ, употребленныхъ Вріесомъ; по имѣя въ виду счастливые результаты его леченія, я испрашиваю во имя страждущаго человѣчества оправданіе Вріеса».

По соображеніи обстоятельствъ дѣла сего, трибуналъ призналъ Вріеса виновнымъ: во 1) въ подложномъ присвоеніи себѣ докторскаго званія, во 2) въ противузаконномъ употребленіи медицинскихъ средствъ, и въ 3) въ мошенничествѣ и обманахъ.

Въ слѣдствіе сего трибуналъ, основываясь на законѣ 19 Вентоза XI г. и на 405 ст. уголовного кодекса, приговорилъ Вріеса къ 15-ти мѣсячному заключенію и къ 500 франкамъ пени.

ОТДѢЛЪ III.

О ВЫЗОВѢ ВЪ СУДЪ

ПО ДРЕВНИМЪ РУССКИМЪ ЗАКОНАМЪ

ДО УЛОЖЕНІЯ 1649 ГОДА

Вызовъ въ судъ по древнимъ русскимъ законамъ, въ разное время и по разнымъ краямъ древней Россіи, имѣлъ разныя формы; но формы эти болѣе или менѣе были близки другъ къ другу, и имѣли то общее между собою, что древній законъ, при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ, постоянно наблюдаетъ одно общее правило, чтобы съ одной стороны не стѣснять подсудимыхъ при вызовѣ въ судъ и давать имъ разные сроки, а съ другой стороны, чтобы имѣть обезпеченіе въ непремѣнной явкѣ подсудимаго къ суду, дабы противная сторона всякою вызываемаго не терпѣла убытковъ.

Первое, хотя не ясное, извѣстіе о вызовѣ въ судъ представляетъ Русская Правда, въ первой своей редакціи, принадлежащей Ярославу Великому. Въ этой редакціи сказано: «Аще познаеть кто у кого (свою проавишую вещь), не емлетъ его, то не рци ему—мое, но рци ему тако: поиди на сводъ гдѣ еси взялъ; или неидеть, то поручника за пять дней». Здѣсь законъ уже преслѣдуетъ двѣ свои главныя цѣли—и несѣненіе отвѣтчика, и обезпеченіе суда. Истецъ не могъ тащить отвѣтчика прямо къ судѣ, ежели тотъ на это не согла-

шался самъ, и представлялъ свою неготовность отвѣчать; онъ, напротивъ, обязанъ былъ дать ему срокъ для явки, по закону на пять дней. Но въ тоже время законъ требовалъ, чтобы отвѣтчикъ представилъ порукъ въ томъ, что онъ явится къ сроку на судъ, дабы такимъ образомъ обезпечить явку отвѣтчика. Но изъ настоящаго указація Русской Правды мы еще не видимъ особыхъ служителей для вызова въ судъ отвѣтчика; истецъ здѣсь явно самъ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы отвѣтчикъ явился на судъ; судья судилъ только готовыхъ истца и отвѣтчика, а вызовъ отвѣтчика въ судъ до него нисколько не касался. Устройство суда находилось въ такомъ еще первобытномъ состояніи, что судья не имѣлъ принудительной власти для вызова въ судъ.

Но судъ въ такомъ первобытномъ состояніи находился не долго: уже въ послѣдующей редакціи Русской Правды мы читаемъ: «А кто изымалъ, тому 10 рѣзань, а отъ гривны мечнику куна, . . . а отъ 12 гривну ему же 70 кунъ» Здѣсь уже явно указывается на существованіе разныхъ служителей суда, которые имѣли своею обязанностію приводить на судъ отвѣтчика, и за это получали определенную закономъ плату, и плата сія взималась по цѣнѣ иска. Въ дальнѣйшемъ развитіи Русской Правды мы также встрѣчаемъ указація на разныхъ служителей суда, которыхъ обязанность состояла или въ вызовѣ къ суду, или въ охраненіи вызванныхъ, но желающихъ укрыться. Такъ въ 82-ой статьѣ о пошлинахъ за охраненіе вызванныхъ къ суду сказано: «А желѣзнаго платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полгривны дѣтскому: то ти желѣзныи оурокъ, кто си въ чьемъ емлетъ.» А 108-ая ст. о поимкѣ бѣглаго холопа прямо говоритъ, что господинъ не иначе могъ взять своего бѣглаго холопа, какъ напередъ взявши служителя у посадника, который бы связалъ бѣглаго холопа; въ законѣ сказано: «Аже кто своего холопа самъ досочитъ въ чьемъ либо городѣ, а будетъ посадникъ не вѣдалъ его, то повѣдавше ему, полти же ему отрокъ отъ него и шедше оувязати и і дати ему вязебную десять купъ». Наконецъ, въ позднѣйшей редакціи Русской Правды, служитель суда имѣющій обязанностію вызывать въ судъ и держать подъ своимъ надзоромъ вызваннаго, уже прямо названъ дворянникомъ,

т. е. тѣмъ самымъ именемъ, подъ которымъ онъ извѣстенъ по позднѣйшимъ законодательнымъ памятникамъ; въ 135-й статьѣ Правды сказано: «Оже утяжутъ въ мукѣ, а посидить у дворянина 8 ногать за ту муку.»

Но всѣ указанія Русской Правды о вызовѣ въ судъ и объ особыхъ служителяхъ суда, употребившихся при этомъ случаѣ, служатъ только неясными намеками тому, что была какая-то форма вызова въ судъ и были при судѣ для этого особые служители; но какая эта форма была именно, и какія права и обязанности судебныхъ служителей, занимающихся вызовомъ въ судъ, того изъ статей Русской Правды не видно. Подробности этого дѣла мы можемъ узнать уже изъ другихъ памятниковъ, частью современныхъ Русской Правдѣ, частью позднѣйшихъ.

Первымъ памятникомъ, согласнымъ съ Русскою Правдою и современнымъ ей, но объясняющимъ порядокъ вызова въ судъ съ болѣею отчетливостію, является договорная грамота Мстислава Давыдовича Князя Смоленскаго съ Ригю и Готскимъ берегомъ, писанная въ 1230 году. Эта грамота во 1-хъ говоритъ, согласно съ Русскою Правдою, что вызываемый въ судъ къ отвѣту долженъ дать по себѣ поруку, что онъ на срокъ явится къ суду, или въ противномъ случаѣ подвергнется аресту: но при порукѣ грамота ареста не допускаетъ: «Аще Роусьскыи гость или въ Ризѣ или на Готскомъ березѣ извинится, никако же его всадити въ дыбу. Оже будетъ порука понь то дати на поруку; не будетъ ли поруки, то лѣзъ всадити въ желѣзо. Или нѣмечьскыи гость извинится, нелѣзъ его въ погребъ; въ вечери же не будетъ понь поруки, лѣзъ всадити въ желѣзо.»

Здѣсь мы видимъ нѣкоторое вниманіе къ подсудимому: за порукою судъ не можетъ его взять подъ арестъ. А слѣдующая статья грамоты прямо говоритъ, что каждый подсудимый состоитъ подъ обороною своей общины и ея выборныхъ начальниковъ, и истецъ пенначе можетъ приставить отъ суда пристава къ своему отвѣтчику, котораго вызываетъ въ судъ, какъ напередъ получивши на это согласіе отъ начальника той общины, къ которой принадлежитъ отвѣтчикъ: «Русину, говорить грамота, нелѣзъ приставить дѣтского къ нѣмццю въ

Смоленскѣ, но преже обѣстити старѣйшину ихъ, оже старѣйшина неумолвить, то лѣзѣ ему приставити. Тако же нѣмцию въ Рязѣ и на Готьскомъ березѣ, не лѣзѣ ему приставивати. Слѣдовательно, не только истецъ самъ собою, но даже официальный служитель суда, приставленный къ тому, чтобы вызывать отвѣтчиковъ, не имѣлъ непосредственныхъ правъ на вызываемаго, а долженъ былъ напередъ судебный вызовъ или вызовную грамоту объявить старостѣ или вообще начальнику той общины, къ которой принадлежитъ отвѣтникъ, и только тогда уже, когда начальникъ дастъ ему дозволеніе, приступить или къ собранію порукъ по вызываемомъ, или къ его аресту, ежели порукъ не будетъ представлено. Такимъ образомъ, хотя здѣсь судъ уже принимаетъ значительное участіе въ вызовѣ тяжущихся, по его участіе еще не рѣшаетъ вызова; окончательное рѣшеніе вызова еще зависитъ отъ общества и его начальниковъ, которые могутъ дозволить и не дозволить судебному приставу взять вызываемаго.

Конечно, Мстиславова грамота говоритъ только о порядкѣ вызова въ судъ между нѣмцами и русскими, т. е. когда одинъ изъ тяжущихся былъ русскій, а другой нѣмецъ; но указаній этой грамоты нельзя отвергать и въ томъ случаѣ, когда оба тяжущіеся были русскіе; ибо формы вызова, засвидѣтельствованныя грамотою, съ одной стороны не противорѣчатъ Русской Правдѣ, а съ другой стороны вполне согласны съ формами вызова въ судъ, которыя изложены въ послѣдующихъ памятникахъ русскаго законодательства, гдѣ говорится о вызовѣ въ судъ, когда обѣ тяжущіеся стороны русскія, и гдѣ порядокъ вызова излагается съ значительными подробностями.

Первымъ изъ памятниковъ русскаго законодательства, въ которомъ съ достаточною подробностію и опредѣленностію излагаются правила вызова въ судъ, является судная Псковская грамота, изданная Псковскимъ вѣчемъ, которой начало относится къ первой половинѣ XIV-го столѣтія.

Изъ этой грамоты мы во 1-хъ видимъ, что по Псковскимъ законамъ, также какъ и по Русской Правдѣ и по Мстиславовой грамотѣ, для вызова въ судъ были особые служители суда, называвшіеся во Псковѣ позовниками, приставами, дворянами

и подвойскими; эти служители суда, или позовники и приставы; были двухъ разрядовъ, одни княжіе, а другіе отъ Пскова; первые назывались дворянами, а вторые подвойскими. При каждомъ вызовѣ позовники должны быть отъ обѣихъ сторонъ т. е. и отъ князя и отъ Пскова. Приставамъ по закону назначались особыя пошлины, называвшіяся *ъздомъ*. Пошлины сіи въ дѣлахъ тяжёбныхъ опредѣлялись на десять верстѣ по деньгѣ, а въ дѣлахъ по татѣбѣ вдвое, т. е. на десять верстѣ по двѣ деньги; пошлиною этою приставы княжіи и Псковскіи дѣлились пополамъ, а платилъ пошлину тотъ, кто по суду оказывался виновнымъ. Въ законѣ сказано: «А которые приставы, княжей человекъ или подвоской, или псковитинъ, а побѣдетъ человекъ позвать на судъ, или росковать или сковати, а ѣздъ имать на десять верстѣ деньга. А которій приставъ побѣдетъ на татѣбу; ино ему ѣздъ имати вдвое, платитъ тати виноватому. А только не выметъ татѣби, ино приставное и дверное платити тому, кто пристава взялъ. А на приставное и на ссылку княжимъ людемъ ѣздитъ со Псковскими подвоскими по половинамъ». Впрочемъ законъ не обязывалъ цетца, чтобы онъ для вызова въ судъ непременно бралъ въ пристава княжаго дворянина или Псковскаго подвойскаго, а напротивъ прямо позволялъ поручать пристаство и постороннимъ людемъ, ежели официальные приставы не согласятся взять той пошлины за ѣзду, которая опредѣлена закономъ. Въ грамотѣ сказано: «а княжимъ людемъ, или подвоскимъ ѣздитъ дворить, а ѣздъ имати на 10 верстѣ деньга, а шобы двое или трое ѣхали, а ѣздъ имъ взять одинъ. А княжой человекъ не побѣдетъ и съ того, или подвоской; ино Псковитину послать изъ кого вольно, изъ тѣхъ же ѣздовъ.»

По Псковскому закону, приставы, какъ княжіе, такъ и Псковскіе, непременно должны быть люди честные и заслуживающіе довѣріе, т. е. такіе, которые извѣстны и князю и посаднику съ хорошей стороны. По словамъ закона: «А кто возметъ пристава у князя, или у посадника, обыскивати татѣбы; ино князю и посаднику приставы отнустити люди добрые неизмѣны, А тымъ приставомъ, гдѣ будетъ татѣба, обыскивати.» Это узаконеніе ясно показываетъ, что приставы въ тогдашнихъ судебныхъ дѣлахъ имѣли большое значеніе,

а не были простыми полицейскими служителями, какими она представляются съ перваго взгляда.

Во 2-хъ, Псковская судная грамота свидѣтельствуетъ, что для вызова въ судъ пристава должны имѣть отъ суда зазывную грамоту, называвшуюся въ Псковѣ позывницею. Позывница сія писалась княжимъ писцомъ и къ ней прикладывалась княжая печать, и за это полагалась особая пошлина, опредѣленная закономъ. А ежели княжой писецъ не соглашался писать позывницы за опредѣленную пошлину, то позывница могла быть написана и мимо княжаго писца и запечатана печатью церкви Святыя Троицы. Законъ говоритъ: «А княжой писецъ иметь писати позывницу; и ему отъ позывницы деньга, а отъ печати деньга. А только княжой писецъ захочеть не по силѣ; ино индѣ вольно написати, а князю запечатати; а не запечатаетъ князь, ино у святей Тройцы запечатати.» Позовникъ или приставъ, получивши такую позывницу, долженъ былъ съ нею ѣхать въ тотъ погостъ или волость, гдѣ жилъ вызываемый, и, пріѣхавши, прочесть позывницу у церкви передъ священникомъ и народомъ, съ тѣмъ, чтобы тутъ же былъ у слушанья позывницы и вызываемый въ судъ, который долженъ объявить, что на срокъ въ судъ явится. А ежели вызываемый не явится къ слушанію позывницы; то дѣло пристава состояло въ томъ, чтобы прочесть позывницу у церкви передъ священникомъ; и вызываемый по таковомъ прочтеніи позывницы, объявленномъ ему отъ священника, въ назначенный срокъ самъ долженъ явиться въ судъ, не дожидаясь новаго вызова. Ежели же вызываемый не явился по первому приглашенію, то судъ, на пятый день послѣ назначеннаго срока выдавалъ истцу и позовнику грамоту на виноватаго, и съ этою грамотою истецъ и позовникъ снова отправлялись въ мѣсто жительства отвѣтника, и уже, не назначая никакихъ сроковъ, прямо брали его для представленія въ судъ, но при семъ не должны были его мучить или бить, а равнымъ образомъ и отвѣтникъ не долженъ былъ имъ противиться, ежели же будетъ противиться и учинить бой, то за это подвергается особому суду въ головщинѣ. «А который позовникъ, сказано въ законѣ, пойдетъ звати истца (т. е. отвѣтника) на судъ, и той позваный не пойдетъ на догостъ, къ церкви, позывницы чести, или ступится отъ по-

звивицы, ино позывица прочести на погостъ передъ попомъ. Или ежели позванный позывицею, не емля оброку, да не станеть на судъ предъ господою; ино господъ дать на него грамота на виноватаго на пятый день позовникомъ. А кто возьметъ грамоту на своего истца, и оному ограмочому, поймавъ по грамотѣ, не мучить, не бить, поставить передъ господою. А ограмочному противъ своего истца ни битиесь ни колотися, а только имѣть сбнися колотися, да учинить головщину, ино бити ему самому въ головщину»,

Въ 3-хъ, петець, прѣхавши съ позовникомъ въ домъ отвѣчика для взятія его въ судъ по выданной отъ суда грамотѣ на виноватаго, не имѣлъ права безъ суда брать въ дому отвѣчика то, что считалъ своимъ, или въ противномъ случаѣ судился какъ виноватый въ грабежѣ. «А пстець, сказано въ грамотѣ, прѣхавъ съ приставомъ, а возьметъ что за свой долгъ силою, не утяжеть свега истца; ино бити ему у грабежу. А грабежъ судити рублемъ и приставное платити виноватому.» Равнымъ образомъ и приставъ или позовникъ не имѣлъ права брать что-либо въ дому вызываемаго, или ежели и могъ брать, то не иначе, какъ чрезъ посредника, посторонняго человѣка. «А которой приставъ, или дворянинъ, а возьметъ своему узду (sic), конь или иное что у него возьметъ; ино ему дать на руку стороннему человѣку».

Въ 4-хъ, но ежели отвѣчикъ и по грамотѣ на виноватаго скроется отъ пристава и не явится въ судъ; то въ такомъ крайнемъ случаѣ по Псковскому закону выдавалась на него безсудная грамота, т. е. онъ своею неявкою безъ суда признавался виноватымъ проигравшимъ дѣло, а пстець утверждался въ своемъ искѣ и признавался правымъ. Безсудная грамота писалась княжимъ писцомъ и утверждалась княжескою печатью, или, въ случаѣ излишнихъ требованій княжаго писца за писемомъ, безсудная могла быть написана кѣмъ-либо другимъ и утверждена или княжою печатью, или печатью церкви Святыя Троицы. Въ статьѣ о судебныхъ пошлинахъ сказано: «а княжому писцу отъ безсудной имати . . . по деньги. А только княжей писецъ захочеть не по судѣ; ино иидѣ вольно написати, а князю запечатати. А не занечатаеть князь, ино у Святыи Троицы запечатати.»

Такимъ образомъ Псковская судная грамота представляетъ пѣтый рядъ узаконеній о вызовѣ въ судъ, изъ которыхъ мы видимъ, что во Псковѣ, согласно съ Русскою Правдою, были особые служители суда, коихъ обязанность состояла въ вызовѣ отвѣтчиковъ, или вообще тяжущихся и лицъ почему либо частныхъ къ судебному дѣлу. Вызовъ отвѣтника по Псковскому закону производился съ большою осторожностію; сперва отвѣтчику объявлялась только вызовная грамота, съ означеніемъ срока явиться въ судъ; здѣсь съ него не бралось порукъ и не принималось никакихъ принудительныхъ мѣръ. Но ежели отвѣтникъ, по объявленіи ему вызова, не являлся на судъ добровольно; тогда по Псковскому закону онъ уже признавался виноватымъ передъ судомъ, и на него давалась истцу и приставу грамота на виноватаго, по которой они должны были представить его на судъ и противъ его волн. И наконецъ, ежели отвѣтникъ укрывался и отыскать его и привести на судъ было нельзя, то законъ предоставлялъ суду выдать истцу на укрывающагося отвѣтника безсудную грамоту, по которой онъ обвинялся и проигрывалъ дѣло именно тѣмъ, что не явился на судъ, а истецъ вполне утверждался въ тѣхъ правахъ, которыхъ искалъ, и тѣмъ дѣло оканчивалось.

Двинская уставная грамота, данная великимъ княземъ Московскимъ Василиемъ Дмитриевичемъ велѣдъ за присоединеніемъ Двинской области къ Московскимъ владѣніямъ, въ основаніи своемъ держится тѣхъ же главныхъ правилъ относительно порядка, какой долженъ соблюдаться при вызовѣ въ судъ, которыхъ уже высказаны въ Смоленской и Псковской грамотахъ, на основаніи Русской Правды. Тамъ, вызовъ въ судъ по закону Двинской грамоты, подобно Псковскимъ законамъ, производился чрезъ особыхъ служителей суда, названныхъ здѣсь дворянами и подвойскими, которые для этого получали особую вызовную грамоту, вѣроятно за печатью Двинскаго намѣстника; грамота эта называлась по Московски приставною памятю. Дворяне и подвойскіе по Двинской грамотѣ только объявляли вызываемому приставную память, но не брали его съ собою и даже не требовали съ него порукъ въ явкѣ къ суду; явка въ судъ и на Двинѣ, также какъ и во Псковѣ, предоставлялась на волю вызываемаго; дѣло суда состояло только въ томъ, чтобы объявить

Ѣ явкѣ въ судѣ и назначить срокъ, или, какъ тогда писалось, накинуть срокъ, какъ прямо сказано въ грамотѣ: «А чего кто иметь искати на цихъ (на Двинянахъ); ино учинять имъ срокъ передъ моимъ намѣстникомъ передъ Двинскимъ, ино учинять имъ исправу на Двинѣ.»

Дворяне и подвойскіе, по узаконенію Двинской грамоты, также какъ и по Псковской судной грамотѣ, за вызовъ тяжущихся въ судѣ получали опредѣленные закономъ пошлины; для чего въ Двинской грамотѣ опредѣлены были разныя мѣстности Двинской области съ показаніемъ, по скольку до которой мѣстности слѣдуетъ брать хожоваго и ѣзду при вызовѣ тяжущихся. Въ грамотѣ сказано: «А на Орлецѣ дворяномъ хоженое бѣлка, а ѣзды и позы отъ Орлеца до Матигоръ двѣ бѣлки, а ѣзду до Колмогоръ двѣ бѣлки, до Куръ-острова двѣ бѣлки, до Княжъ острова четыре бѣлки, до Лисча острова семь бѣлокъ, до Уны тридцать бѣлъ и проч.»

Но въ одно время съ положеніями, согласными съ Смоленскою и Псковскою грамотами; Двинская уставная грамота представляетъ положенія совершенно новыя, показывающія иной взглядъ на вызовъ въ судѣ. Именно, грамота сія во 1-хъ не требуетъ съ вызываемаго порукъ въ явкѣ къ суду на срокъ, что требовалось Смоленскою грамотою; на Двинѣ поруки считались нужными только въ такомъ случаѣ, когда вызываемый будетъ иногородецъ, а не житель Двинской области, и притомъ не явится на судѣ по первому приглашенію. Во 2-хъ по Двинской грамотѣ на Двинянина, не явившагося въ судѣ по первому вызову, не давалось второй зазывной грамоты на виноватаго, какъ это дѣлалось во Псковѣ, а напротивъ неявившійся къ суду на срокъ добровольно признавался безъ суда виноватымъ и на него выдавалась безсудная грамота. Въ законѣ сказано: «А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда; и на того намѣстницы дадутъ безсудную грамоту. А кто будетъ не тутошній человекъ; ииѣ его дадутъ на поруцѣ.»

Новгородскія судная грамота, составленная на вѣчѣ, съ доклада Великому Князю Московскому Ивану Васильевичу, въ 1471-мъ году, представляетъ нѣсколько формъ вызова въ судѣ,

смотря по тому, кто вызывается, самъ ли отвѣтчикъ или свидѣтели, или товарищи тяжущихся, и смотря по дѣлу, т.е. какое дѣло, гражданское или уголовное.

Первая форма вызова по Новгородской грамотѣ относилась къ вызову главныхъ участниковъ дѣла, т. е. истца или отвѣтчика собственно въ дѣлахъ тяжбныхъ. По этой формѣ грамота узаконяетъ только извѣститъ вызываемаго, который долженъ назначить день, когда онъ можетъ явиться въ судъ; и послѣ такового извѣщенія со стороны суда и обѣщанія со стороны отвѣтчика, судъ уже не дѣлаетъ болѣе вызововъ, и отвѣтчикъ обязанъ явиться въ срокъ, имъ самимъ назначенный. Но ежели судья въ назначенный день почему либо не можетъ сѣсть на судъ; тогда подсудимый извѣщался особою отсылкою, что въ назначенный день суда не будетъ, а будетъ судъ въ другой такой то день; и вызываемый обязывался по этой отсылкѣ явиться въ назначенный судьей день. Ежели же вызываемый не явится на судъ въ срокъ судьей назначенный, и будетъ укрываться; тогда судъ приступалъ къ новымъ вызовамъ черезъ отсылку, которая дѣлалась трижды и съ особенными формами. Именно судъ посылалъ трижды позовниковъ на дворъ вызываемаго и въ тоже время дѣлался вызовъ публично черезъ биричей, которые ходили по городу или по волости и кликали, что такой-то вызывается въ судъ. А ежели кто и послѣ сего не являлся на судъ въ срокъ имъ же самимъ или судьей назначенный; то на него давалась обѣтная грамота, со взятіемъ трехъ денегъ штрафа за неявку. Въ грамотѣ сказано: «Кто обѣчается къ суду къ коему дни; ино послѣ обѣта отсылки къ нему не слать. А не сядетъ судья того дни; ино коли судья сядетъ, ино тогда къ нему отсылка. А не видитъ отсылки, а почнетъ хорониться, ино слать къ нему отсылка въ дворъ трижды и биричемъ кликать. А не стапетъ къ суду; ино дать на него обѣтная грамота, а обѣту больше трехъ денегъ не быти». А кто будетъ сопротивляться позовнику, пріѣхавшему съ обѣтною грамотою и подговорить сосѣдей, чтобы силою прогнать позовника, который за нимъ пріѣхалъ по распоряженію суда; то на такового судъ даетъ родственнику или другу позовника безусловную грамоту. «А примутъ позовника въ селѣ, а

почнуть надъ нимъ силу дѣять; ино дать въ позовниково мѣсто грамота безсудная племеннику его или другу». Причемъ по закону вызываемаго въ судъ черезъ позовника или дворянина непременно должны сопровождать два выборныхъ челоуѣка (называемые ятцами) отъ той общины, въ которой живетъ вызываемый, для обезпеченія на тотъ случай, ежели бы община вздумала сдѣлать нападеніе въ защиту подсудимаго, и въ такомъ случаѣ ятцы отвѣчали передъ Новгородомъ за оскорбленіе суда ихъ общиною. По словамъ грамоты: «Кто кого позоветъ въ седь позовкою или дворяниномъ . . . а отъ конца или отъ улицы, и отъ ста, и отъ ряду итти ятцомъ двѣма челоуѣкомъ, а инымъ на пособіе не иди къ суду ни къ разказу, а будетъ наводка отъ конца, или отъ улицы, или отъ ста, или отъ ряду; ино великимъ Княземъ и великому Ноугороду на тыхъ дву челоуѣкѣхъ, по Ноугородекой грамотѣ».

Такимъ образомъ по первой формѣ вызова въ Новгородѣ судъ принималъ на себя только одно объявленіе вызываемому о томъ, что онъ долженъ явиться въ судъ по такому то дѣлу, но при этомъ не обдзывалъ его ни поруками, ни другими понудительными мѣрами; и даже судья ежели не могъ съѣсть на судъ въ назначенный срокъ, то долженъ былъ объ этомъ уведомить вызываемаго отсылкою съ назначеніемъ дня, когда ему явиться. Судъ къ понудительнымъ мѣрамъ приступалъ только тогда, когда вызываемый не являлся по приглашенію; да и здѣсь сперва назначались три отсылки въ домъ вызываемаго, съ публичнымъ объявленіемъ о вызовѣ чрезъ биричей, потомъ посылалась обѣтная грамота съ назначеніемъ трехъ денегъ штрафа, и только уже послѣ сей послѣдней мѣры судъ отправлялъ позовника или дворянина съ судебною грамотою, чтобы взять и привести вызываемаго въ сопровожденіи двухъ ятцовъ отъ той общины, къ которой принадлежитъ вызываемый. Этотъ порядокъ вызова въ судъ въ основаніяхъ своихъ былъ одинаковъ съ порядкомъ, узаконеннымъ Псковскою грамотою, но въ Новгородѣ очевидно вызовъ въ судъ производился еще съ болѣею осторожностію и мягкостію, чѣмъ во Псковѣ; тамъ послѣ первой же неявки давалась грамота на виноватаго съ предписаніемъ, не оторочивая, вести вызываемаго въ судъ; здѣсь до выдачи безсудной грамоты, чтобы позовнику вести прямо въ

судъ вызываемаго, дѣлались еще три отсылки и давалась обѣ-
ная грамота съ платежемъ узаконеннаго штрафа.

Вторую форму вызова въ судъ составлялъ вызовъ свидѣ-
телей.

По Новгородской грамотѣ свидѣтели, также какъ и тя-
жущіеся, вызывались въ судъ черезъ особыхъ служителей суда
шестниковъ (посыльныхъ гонцевъ), подвойскихъ, софьянъ, би-
чей и извѣтчиковъ; но особенность такового вызова состояла
въ томъ, что здѣсь отъ истца или отвѣтчика, ссылающагося на
свидѣтеля, требовался закладъ въ обезпеченіе издержекъ вызова;
слѣдовательно вызовъ свидѣтеля по издержкамъ своимъ прямо
лежалъ на томъ, кто требовалъ вызова; тогда какъ въ первой
формѣ издержки вызова лежали на томъ, кто будетъ обвиненъ
по суду. О вызовѣ свидѣтелей грамота гласитъ: «а кто съ кѣмъ
пошлется на послухи, ино взять закладъ шестнику на сто версть
по старинѣ, а подвойскимъ, и софьяномъ, и бирничемъ, и из-
вѣтникомъ на сто версть четыре гривны». Отличительною
чертою этой формы вызова отъ первой формы было еще
то, что противъ послуха Новгородскій законъ не назна-
чалъ никакихъ принудительныхъ мѣръ, а отмѣнялъ толь-
ко ссылку на послуха, ежели тотъ укрывался и не хотѣлъ и-
ти въ судъ по первому объявленію. «А не дастся, сказано въ за-
конѣ, послухъ позвати; ино позвати истца; а послухъ истецъ
хоронится, ино то послушество не въ послушество, а другаго
истца тымъ и оправить», т. е. неявкою послуха рѣшить дѣло
въ пользу противной стороны. Здѣсь опять проглядываетъ преж-
нее начало, состоящее въ томъ, что вызовъ свидѣтеля главнымъ
образомъ лежалъ на томъ, кто хотѣлъ этого вызова, а судъ съ
своей стороны давалъ только своихъ служителей, да и то не
иначе, какъ съ платежемъ издержекъ.

Третью форму составлялъ вызовъ товарищей или шабровъ
котораго либо изъ тяжущихся, у которыхъ находятся крѣпости,
или иные документы, на которые ссылается одинъ изъ тяжу-
щихся. Этотъ вызовъ вполне лежалъ на томъ, кто ссылается
на шабра; судъ и его служители не принимали участія въ
этомъ вызовѣ. Здѣсь дѣло суда состояло только въ томъ, чтобы
отсрочить рѣшеніе суда и выдать ссылающемуся на шабра сроч-

ную грамоту за печатью судьи съ срокомъ трехъ недѣль на сто верстѣ. Но эта грамота выдавалась только въ томъ случаѣ, когда на отсрочку согласятся обѣ тяжущіяся стороны и когда ссылающійся на шабра присягнетъ передъ судомъ, что у выываемаго шабра находятся необходимые для суда документы в именно такіе то. «А кто съ кѣмъ растяжется о землѣ, говоритъ законъ, а почветъ просить сроку на управы, или на шабры; ино ему дать одинъ срокъ на сто верстѣ три недѣли, а далѣ и ближе, а то по числу; а ему сказать шабра своего на имя, за кѣмъ управы лежать, по крестному цѣлованью, да и по руцѣ ему ударити съ исномъ своимъ. А посаднику приложить къ срочной грамотѣ свою печать, а иному сроку не быть, а отъ сроку взять гривна. Также и инымъ судьямъ давать срокъ потомужъ».

Наконецъ *четвертую форму* вызова въ судъ по Новгородской грамотѣ составлялъ вызовъ такихъ отвѣтчиковъ, которыхъ истцы обвиняли или въ татьбѣ, или въ разбоѣ, или въ грабежѣ, или въ убійствѣ, или въ холопствѣ. Для вызова такихъ людей въ судъ обвинитель или истецъ напередъ долженъ былъ подтвердить свое обвиненіе клятвою на судной Новгородской грамотѣ; и послѣ таковаго подтвержденія всѣ хлопоты по вызову судъ принималъ на себя, и дѣлалъ вызовъ уже не черезъ приставовъ, или подвойскихъ, а посылалъ грамоты къ тѣмъ управителямъ областей, или къ тѣмъ владѣльцамъ, въ областяхъ или имѣніяхъ которыхъ жили обвиняемые, и требовалъ, чтобы они выслали обвиняемыхъ въ узаконенный срокъ, въ три недѣли на сто верстѣ, а ежели не вышлютъ и будутъ укрывать преступниковъ, то за это платитъ всѣ убытки истцу, обвинителю, и въ случаѣ укрыванія холопа не могутъ отговариваться никакими грамотами и не имѣютъ права тайно перевозить укрывающагося изъ своего имѣнія въ другое или въ другую общину. А ежели кто приметъ укрывающагося преступника и не представитъ его на судъ, и въ этомъ его уличать; то за это кромѣ платежа убытковъ, подвергается еще особому штрафу. Въ грамотѣ сказано: «Кому будетъ дѣло до владычая челоуѣка, или до боярскаго, или до житейскаго, или до купецкаго, или до монастырскаго, или до кончанскаго, или до уличкаго въ волости, о татьбѣ, и о разбоѣ, и о грабежѣ, и о пожогѣ, и о головщицѣ, и о холопствѣ, а кто

будеть крестъ цѣловаль на сей грамотѣ; ино ему рѣчи правое слово, а рука дать по крестному цѣлованію, что той человекъ тать, или разбойникъ, или грабежчикъ, или пожогщикъ, или душегубецъ, или холопъ. Ино въ коей волости отъ владыки будетъ волостель, или посельщикъ; ино имъ поставитъ того человекъ у суда; а боярину, и житьему, и купцу, и монастырскому закащику, и посельскому, и кончанскому, и улицкому (конечно старостамъ) также своихъ людей поставитъ у суда, а срокъ взять на сто версть три недѣли, а ближе и долѣ по числу. А кого утяжутъ, а дался въ грамоту (т. е. кто далъ на себя кому кабалу или другую какую крѣпость); ино ему у того осподаря въ волости не жить; а иметь жить у того осподаря въ волости, ино той осподарь тѣ убытки подойметъ. А пойдетъ жить въ иную чью волость, ино тому осподарю выдать его тому истцу, а въ иную волость ему не отсылати по крестному цѣлованью, ни его людямъ. И коли не можетъ кто того человекъ у себя по крестному цѣлованью; да и руку дастъ, что тамъ ему не быти, а уличать, что у него въ волости; ино той осподарь ему истцю убытки подойметъ. А коему государю въ иную волость прибѣжить и ему осподарю поставитъ его у суда по крестному цѣлованью, а кто не поставитъ, ино взять на томъ закладъ по Новгородской грамотѣ. Но владыцы и начальники общинъ, долженствующіе представить на судъ обвиняемаго въ преступленіи, до суда не должны дѣлать надъ нимъ никакого насилія; а въ противномъ случаѣ сами подвергаются суду, и подлежатъ отвѣтственности, какъ виноватые. «А до суда, говоритъ законъ, надъ нимъ силы не дѣять; а кто силу доспѣетъ, ино тымъ его и обинить.»

Но и въ дѣлахъ по преступленіямъ, по Новгородскому закону, судъ принималъ на себя вызовъ обвиняемаго только въ такомъ случаѣ, когда обвинитель дастъ клятву на судной Новгородской грамотѣ. Ежели же обвинитель клятвы не дастъ, то судъ не бралъ на себя вызова и не объявлялъ о семъ ни владыццамъ, ни общиннымъ начальникамъ, а предоставлялъ обвинителю самому своими средствами вѣдаться съ обвиняемымъ. По словамъ грамоты: «А кто на кого взговоритъ на владычныхъ человекъ, или на боярскаго, или на житьяго, или на купецкаго, или на монастырскаго, или на кончанскаго, или на улицкаго, а бу-

дѣтъ самъ креста не цѣловалъ на сей грамотѣ, и онъ самъ вѣдается съ своимъ истцомъ (т. е. отвѣтчикомъ) по своей исправѣ опрочь осподаря.»

Подробный разборъ вызова въ судъ по Новгородской грамотѣ ясно показываетъ, что формы вызова какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ въ основаніяхъ своихъ были одинаковы; но въ Новгородѣ судъ очевидно не имѣлъ той принудительной силы, какую онъ пользовался въ Псковѣ. А посему и формы вызова въ Новгородѣ по необходимости должны были быть разнообразнѣе и несравненно мягче, чѣмъ во Псковѣ. Новгородскій законъ въ иныхъ случаяхъ даже не дозволялъ суду участвовать въ вызовѣ, а предоставлялъ это дѣло самимъ тяжущимся, напримѣръ при вызовѣ шабровъ. Особенно слабость Новгородскаго суда высказывается при вызовѣ свидѣтелей; по Новгородскому закону, ежели свидѣтель послѣ перваго увѣдомленія о вызовѣ не явился въ судъ, то судьи не имѣли права вторично посылать за нимъ; по закону, неявившемуся свидѣтелю даже не назначалось никакой пени или наказанія и дѣло рѣшалось обвиненіемъ той стороны, по вызову которой не явился свидѣтель. Конечно, въ Новгородѣ вызовъ въ судъ обвиняемаго въ какомъ-либо изъ извѣстныхъ преступленій, имѣлъ свои особыя формы, неизвѣстныя во Псковѣ, и производился довольно строго, такъ что отъ обвиняемаго здѣсь не требовалось согласія и даже судъ не объявлялъ ему о вызовѣ, а прямо относился къ мѣстнымъ начальникамъ, что бы они представили вызываемаго въ узаконенный срокъ безъ всякихъ отговорокъ, подъ собственною отвѣтственностію; но и здѣсь законъ допускалъ мѣры строгости не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы обвинитель передъ судомъ подтвердилъ свое обвиненіе кляткою на судной Новгородской грамотѣ, да и послѣ сего обвиняемый, но еще не осужденный судомъ, былъ обезпеченъ отъ всякихъ оскорбленій и насилій во время представленія въ судъ; по закону, ежели кто обидитъ такового до суда, то самъ подвергается суду.

Въ Московскихъ владѣніяхъ въ этоже время вызовъ въ судъ былъ гораздо строже, чѣмъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ Москвѣ, какъ свидѣтельствуеъ губная уставная запись 1486

тогда, тогда при вызовѣ въ судъ, также какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, употреблялись приставы; въ записи сказано: «А во Езерское село, тамо судья съ Москвы не ѣздитъ, да ѣздитъ приставъ, да возметъ себѣ товарища, и да въ поруцѣ да судитъ его на Москвѣ большой намѣстникъ.» Въ иныхъ дѣлахъ, также какъ и въ Новгородѣ, вызовъ производился чрезъ публичное объявленіе на торгу, что такому-то должно явиться въ судъ, каковой вызовъ по тогдашнему назывался у заповѣди: «а у заповѣди, то у торгу кличь.» Но въ Московскихъ владѣніяхъ къ семъ формамъ вызова присоединилось еще взятіе порукъ по вызываемомъ въ томъ, что онъ на срокъ явится въ судъ. «А поимають его въ пеню дѣль, ино дать его на поруцѣ.» Слѣдовательно, въ Москвѣ судъ имѣлъ болѣе силы, въ его рукахъ была принудительная власть, чтобы вызываемый непременно явился въ судъ на опредѣленный срокъ. Этотъ же порядокъ вызова въ Московскихъ владѣніяхъ изображаетъ и Бѣлозерская уставная грамота, данная Московскимъ Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1488 году. Грамота сія во первыхъ свидѣтельствуешь, что вызовъ въ судъ производился черезъ приставовъ, которымъ за это давалось отъ тяжущихся въ городѣ по деньгѣ за вызовъ, а въ волости по двѣ версты по деньгѣ: «А ѣздъ въ станы и волости по двѣ версты деньга, а въ городѣ хоженое деньга.» Приставы по вызываемымъ въ судъ требовали на поруки, но съ порукъ не должны были брать никакихъ пошлинъ: «А отъ поруки приставъ у нихъ не смлетъ ничего.» Приставы обыкновенно посылались съ зазывными грамотами, въ которыхъ опредѣлялось, въ какой срокъ долженъ явиться вызываемый. При семъ въ Московскихъ владѣніяхъ для многихъ областей были назначены извѣстные сроки въ году, въ которые подсудимыхъ можно было вызывать въ судъ въ Москву. Такъ, въ Бѣлозерской уставной грамотѣ срокомъ для вызова Бѣлозерцевъ на судъ въ Москву было назначено заговѣнье великое мясное. «А опрчь того сроку, сказано въ грамотѣ, кто на нихъ иной срокъ накинеть, а не по ихъ сроку, или кто на ихъ зазывную грамоту принесеть, а не по ихъ сроку; и язъ Князь Великій, имъ къ тѣмъ срокомъ ѣздити не велѣть.» Въ Московскихъ владѣніяхъ, по свидѣтельству Бѣлозерской грамоты, употреблялись и безсудныя грамоты про-

тиву тѣхъ, которые не являлись въ судъ по вызовамъ черезъ приставовъ. Великій Князь пишетъ Бѣлозерцамъ: «А хотя кто на нихъ безсудную грамоту возметъ, а не по ихъ сроку; и та грамота безсудная не въ безсудную». Но полное развитіе формъ вызова въ судъ въ Московскихъ владѣніяхъ представляютъ Судебники, къ которымъ мы теперь и обратимся.

По Судебнику Великаго Князя Ивана Васильевича, изданному въ 1497 году, мы въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе о новомъ разрядѣ судебныхъ служителей, имѣющихъ свою обязанностію вызовъ въ судъ тяжущихся,—о недѣльщикахъ. Этотъ новый разрядъ судебныхъ служителей, встрѣчающійся въ первый разъ въ Судебникѣ 1497 года, по всему вѣроятію не былъ новымъ учрежденіемъ того времени; недѣльщики, очевидно, были и прежде Судебника; Судебникъ собственно изложилъ только болѣе подробно ихъ права и обязанности, только сообщил болѣе стройный порядокъ ихъ дѣятельности; ибо изъ Судебника мы видимъ, что недѣльщикамъ по новому порядку не дозволялось посылать съ приставными урочниковъ, или наемныхъ людей; отсюда ясно, что недѣльщики уже были въ Москвѣ до изданія Судебника, и въ прежнее время посылали съ приставными наемныхъ людей или урочниковъ.

Должность недѣльщика была таже самая, какъ и должность доводчика или пристава; недѣльщикъ въ сущности былъ тоже что приставъ, или доводчикъ, т. е. официальный служитель суда для вызова тяжущихся; его отличіе отъ доводчика состояло собственно въ мѣстѣ служенія. Доводчики и приставы служили при городскихъ намѣстникахъ и волостяхъ и вызывали тяжущихся къ мѣстному суду намѣстника и волостеля; недѣльщикъ же служилъ въ Москвѣ при государѣ и при государевыхъ боярахъ, и вызывалъ въ Москву тяжущихся изъ всѣхъ городовъ и областей Московскаго государства, по челобитнымъ, поданнымъ государю или боярамъ. Недѣльщикъ получилъ свое названіе отъ недѣль, потому, что онъ исправлялъ свою должность не постоянно круглый годъ, а только въ чередовыя недѣли. Въ Москвѣ, какъ въ центрѣ управленія и суда, всегда скоплялось множество дѣлъ, по которымъ приходилось вызывать тяжущихся изъ разныхъ городовъ и областей, нерѣдко довольно

отдаленныхъ, и одинъ доводчикъ или приставъ никакъ бы не могъ справиться съ вызовомъ тяжущихся; посему въ Москвѣ и было устроено нѣсколько доводчиковъ или приставовъ съ названіемъ недѣльщиковъ, изъ которыхъ каждый исправлялъ свою должность по недѣльню.

Каждый недѣльщикъ, для исправленія своей должности, имѣлъ нѣсколько помощниковъ, которые въ Судебникѣ 1497 года названы племенниками и недѣльщичковыми людьми, и дѣйствительно были или родственниками, или крѣпостными служителями недѣльщика; слѣдовательно здѣсь Судебникъ вводилъ тотъ же порядокъ, какой мы уже видѣли въ Новгородской судебной грамотѣ; по прежнимъ же Московскимъ порядкамъ помощниками недѣльщика были особые люди, помогавшіе ему по найму, или по особому договору, и названные въ Судебникѣ урочниками, какъ прямо сказано въ законѣ, отмѣнявшемъ прежній порядокъ: «а урочниковъ недѣльщикамъ не посылати съ приставными». Должность недѣльщика и его помощниковъ по Судебнику 1497 года состояла въ томъ, чтобы съ приставными намятиями, данными отъ суда, ѣздить по городамъ и вызывать тяжущихся въ судъ и отдавать ихъ на поруки, а также содержать подъ арестомъ тѣхъ, которые ему будутъ для этого отданы судомъ. «А ѣздити недѣльщикомъ, сказано въ законѣ, и на поруки давати самимъ съ приставными, или своихъ племенниковъ и людей посылати съ приставными». Но для устранения неудовольствій между Московскими недѣльщиками и мѣстными доводчиками, а также для рѣшительнаго отличія должности недѣльщика отъ должности доводчика, закономъ постановлено было, чтобы недѣльщикъ ѣздилъ съ приставными только по тѣмъ городамъ, въ которыхъ онъ не имѣетъ жительства. Судебникъ прямо говоритъ: «А въ которомъ городѣ живетъ недѣльщикъ; ино ему съ приставными въ томъ городѣ не ѣздити, ни посылати ему съ приставными въ свое мѣсто, ни въ каковъ дѣль». Здѣсь вызывалъ въ судъ мѣстный доводчикъ, приставъ.

Вызовъ тяжущихся по Судебнику 1497 года производился слѣдующимъ образомъ: истецъ подавалъ въ судъ челобитную, въ которой прописывалъ цѣну иска и просилъ выдать пристав-

ную память для вызова отвѣтчика. Таковую челобитную разбиралъ дьякъ, и при семъ непременно присутствовалъ недѣльщикъ; дьякъ и недѣльщикъ здѣсь смотрѣли на то, стоитъ ли прописанный въ челобитной искъ тѣхъ расходовъ, которые необходимы для вызова отвѣтчика, ибо расходы сии, смотря по отдаленности мѣстожителъства отвѣтчика, иногда были довольно значительны; и ежели искъ по объявленію недѣльщика стоилъ расходовъ, то дьякъ подписывалъ заготовленную приставную; а печатникъ прилагалъ къ ней печать, при чемъ тутъ же недѣльщикъ, получавшій приставную, платилъ пошлины съ исковаго рубля алтынъ дьяку и алтынъ печатнику. Ежели же искъ не стоилъ издержекъ на вызовъ въ судъ отвѣтчика, то дьякъ не имѣлъ права подписать приставную, и такимъ образомъ искъ или прекращался при самомъ началѣ, какъ не стоящій судебныхъ издержекъ, или вызовъ отвѣтчика предоставлялся истцу. Законъ говоритъ: «А отъ приставныхъ имати печатнику у недѣльщиковъ по ѣзду; съ которые приставные рубль недѣльщику, и дьяку взять алтынъ у недѣльщика съ рубля, а печатнику отъ печати у недѣльщика взять алтынъ же; а будетъ ѣзду больше рубля или меньше до котораго города, и дьяку и печатнику имати потому жерасчету. А будетъ въ приставной искъ меньше ѣзду; и дьяку тѣхъ приставныхъ не поднасывати, а безъ недѣльщиковъ дьякомъ приставныхъ не подписывати. Но безъ сомнѣнія узаконеніе не подписывать приставныхъ, ежели искъ будетъ меньше ѣзду, относилось только къ приставнымъ Московскимъ, когда нужно было вызывать въ Москву изъ иныхъ городовъ, когда дѣло вносилось на судъ къ Великому Князю или къ Московскимъ боярамъ. На что и указываетъ законная такса ѣзда, помѣщенная въ Судебникѣ, въ которой сказано: «А ѣзду отъ Москвы до Коломны полтина, до Каширы полтина, до Хотуни десять алтынъ, до Калуги рубль, до Вязмы полтора рубля, до Дмитрова десять алтынъ, до Устюга пять рублей, Вычегды семь рублей, до Двины и Холмогоръ восемь рублей Московская, до Твери рубль и проч». По этой таксѣ и рассчитывалось, стоитъ ли предъявляемый искъ проѣзда для вызова отвѣтчика, и слѣдуетъ ли выдавать приставную память. Въ несахъ же въ одномъ городѣ таковая предосторожность, кажется, не имѣла мѣста; тамъ былъ другой расчетъ: именно въ

дѣлахъ Московскихъ жителей другъ съ другомъ законъ для вызова отвѣтчика назначалъ недѣльщику десять денегъ хоженое: «А хоженое на Москвѣ, площадная недѣльщику десять денегъ, а на правду двое». Въ другихъ же городахъ хоженое и ѣздъ приставамъ опредѣлялись или особыми грамотами, а гдѣ грамоты нѣтъ, тамъ по Судебнику, въ городѣ хоженое четыре деньги, а ѣздъ за городъ на версту по деньгѣ. «А приставомъ намѣстничимъ, говоритъ законъ, по городамъ имати хоженое и ѣздъ по грамотѣ, а гдѣ грамоты нѣтъ, и ему хоженое имати въ городѣ по четыре деньги, а ѣздъ на версту, по деньгѣ, а на правду въ городѣ и въ волости вдвое».

По полученіи отъ дьяка приставной памяти, недѣльщикъ или самъ отправлялся за отвѣтчикомъ, или передавалъ приставную своему помощнику, и посылалъ его вмѣсто себя. Недѣльщикъ, или его помощникъ, или служитель, пріѣхавши въ прописанный въ приставной памяти городъ, или волость, долженъ былъ явиться къ городскому намѣстнику, или къ волостелю, или къ ихъ тиунамъ, и представить имъ имѣющуюся у него приставную память, а они уже и дѣлали распоряженіе о выдачѣ отвѣтчика недѣльщику, а недѣльщикъ требовалъ съ него порукъ въ томъ, что онъ въ назначенный по приставной срокъ явится въ Москву на судъ, и, получивши поручную запись въ непремѣнной явкѣ отвѣтчика, представлялъ эту запись въ тотъ судъ, отъ котораго былъ посланъ. «А въ которой городѣ, сказано въ законѣ, или въ волость которую пріѣдетъ недѣльщикъ или его человекъ съ приставною, и ему приставная явити намѣстнику, или волостелю, или ихъ тиунамъ». Этотъ порядокъ вызова по Судебнику относился собственно къ отвѣткамъ по дѣламъ тяжбымъ гражданскимъ; вызовъ же въ судъ людей, обвиняемыхъ въ кражѣ, и вѣроятно въ другихъ подобныхъ преступленіяхъ, нѣсколько отличался отъ вызова по дѣламъ гражданскимъ. Въ дѣлахъ по татѣбѣ и, вѣроятно, по другимъ преступленіямъ, для вызова въ судъ также посылался недѣльщикъ или приставъ съ приставною памятью отъ суда, которую онъ долженъ былъ представить намѣстнику или волостелю, или ихъ тиунамъ, а они должны были дать ему мѣстныхъ полицейскихъ служителей для поимки тати, причѣмъ недѣльщику строго запрещалось

привлекать къ дѣлу постороннихъ людей, не прописанныхъ въ приставной; но поймавши татя, недѣльщикъ долженъ былъ везти его съ собою подь карауломъ прямо въ тотъ судъ, отъ котораго онъ былъ посланъ, а не отпускать татя на поруки. «А пошлютъ, говоритъ Судебникъ котораго недѣльщика по татей; и ему татей имати безхитростно, а не наровити ему никому; а изымавъ ему татя, не отпустити, ни посула взяти, а оприш-ныхъ людей ему не имати».

Судебникъ 1497 года, хотя и обезпечивалъ непремѣнную явку въ судъ взятіемъ поручной записи, тѣмъ не менѣе онъ много предоставлялъ свободы тяжущимся; они, и явившись въ судъ, имѣли право по своей волѣ отложить судъ на опредѣленный срокъ, и даже по истеченіи перваго даннаго срока могли просить отсрочку, или по тогдашнему оффиціальному выраженію «отписнаго» срока, съ тѣмъ только условіемъ, что требующіе срока отсрочки обязаны были при семъ вносить опредѣленные закономъ пошлины, именно отъ срочныхъ памятей по двѣ деньги съ исковаго рубля, а отъ отписныхъ срочныхъ по три деньги съ рубля въ пользу дьяка, который подписывалъ срочныя памяти, и по двѣ деньги съ рубля подьячимъ за письмо. Мало этого, Судебникъ позволялъ тяжущимся посылать вмѣсто себя повѣренныхъ. Въ Судебникѣ сказано: «А отъ срочныхъ отъ подписи дьяку имати отъ срочные по двѣ деньги, а отъ отписныхъ срочныхъ дьяку имати отъ подписи съ рубля по три деньги, а подьячимъ имати отъ письма съ рубля по двѣ деньги. А коли исcea или отвѣтчикъ, оба вмѣстѣ хотятъ срокъ отписати; и они платять оба по половинамъ отъ отписи и отъ письма, а недѣльщику хоженое. А который исcea или отвѣтчикъ къ сроку не побѣдетъ, а пошлетъ срока отписати; и тому все платить одному отъ срочныхъ отъ обѣихъ и хоженое». Вообще судъ по Судебнику 1497 года давалъ тяжущимся всѣ возможные льготы и только требовалъ, чтобы всѣ льготы получались съ разрѣшенія самаго суда, чтобы тяжущіеся постоянно выказывали уваженіе къ суду и не нарушали порядка самовольствомъ. Судъ прибѣгалъ къ послѣднему средству— къ выдачѣ безсудной грамоты на неявляющагося къ суду— не иначе, какъ послѣ трехъ сроковъ, т. е. послѣ перваго сро-

ка, прописаннаго въ приставной памяти, данной недѣльщику, послѣ втораго срока, прописаннаго въ срочной памяти, данной по просьбѣ истца или отвѣтчика, и наконецъ послѣ третьяго срока, написаннаго въ отписной срочной памяти; да и послѣ всѣхъ сихъ сроковъ безсудная выдавалась только съ осьмаго дня послѣ послѣдняго срока. Для выдачи безсудной грамоты по Судебнику всѣ срочныя памяти, хранящіяся у дьяковъ, сносились вмѣстѣ; и когда по разсмотрѣнїи и сиссещенїи срочныхъ оказывалось, что всѣ сроки дѣйствительно уже прошли, и истекло семь дней послѣ послѣдняго срока, тогда дьякъ приказывалъ подьячему писать безсудную грамоту. Въ Судебникѣ сказано: «А срочныя дьякомъ держати у себя. А какъ давати безсудныя, и дьякомъ срочныя снести самимъ вмѣсто, да разобравъ срочныя самимъ дьякомъ, да велѣти имъ подьячимъ безсудныя давати, а безсудныя давати съ осьмаго дня».

Даже въ дѣлахъ по татѣбѣ и по другимъ преступленїямъ, хотя вызываемые въ судъ прямо безъ порукъ привозились къ суду недѣльщикомъ за карауломъ, и во все время суда содержались у недѣльщика подъ арестомъ; но и ихъ по докладу судьямъ можно было отпускать на поруки, только съ непременнымъ обязательствомъ самаго недѣльщика, что онъ такового арестанта, отданнаго на поруки, будетъ представлять къ суду по первому требованїю безъ волокитно; а въ противномъ случаѣ всѣ убытки падали на самаго недѣльщика. По словамъ закона: «У котораго недѣльщика сидятъ тати; и ему татей на поруку безъ доклада не дати, и не продавати ему татей. А котораго тати дадутъ на поруку, въ каковѣ дѣлѣ ни буди, и имъ истцовъ и отвѣтчиковъ не волочити, а ставити ихъ передъ судїями».

Но судъ Московскїй, снисходительный къ истцу и отвѣтчику относительно сроковъ явки, былъ весьма строгъ въ отношенїи къ свидѣтелямъ или послухамъ. По Судебнику 1497 года свидѣтели непременно должны были являться въ судъ по первому приглашенїю; законъ здѣсь не принималъ никакихъ отговорокъ; зналъ ли свидѣтель о томъ дѣлѣ, по которому его требуютъ, или не зналъ о немъ, для суда это было все равно, и свидѣтель по вызову долженъ былъ прїйти въ судъ, и лично сказать, что онъ знаетъ объ этомъ дѣлѣ или не знаетъ; и въ

случаѣ неявки все убытки истца и все судебныя пошлины до-
правлялись на неявившемся свидѣтелѣ. Въ законѣ прямо ска-
зано: «А послухъ не поидеть передь судью, есть ли за нимъ
рѣчи, или нѣтъ; ино на томъ послухъ истцовъ и убытки и
все пошлины взяти». Этотъ порядокъ Судебника былъ совер-
шенно противоположенъ поряку Новгородской судной грамоты,
гдѣ было предоставлено на волю свидѣтеля явиться въ судъ
или не явиться, и неявкою свидѣтеля обвинялась та сторона, ко-
торая его вызывала; на нее по сему случаю въ Новгородѣ вы-
давалась правая грамота, и свидѣтель тутъ ни въ чемъ не от-
вѣчалъ.

Все издержки по вызову въ судъ Судебникъ 1497 года
относитъ на счетъ того, кто по суду будетъ обвиненъ, хотя
издержки сіи первоначально платятся тѣмъ, кто проситъ о вы-
зовѣ. Вызыватель рассчитывается съ недѣльщикомъ или при-
ставомъ во всехъ пошлинахъ и расходахъ по вызову; но когда дѣ-
лорѣшится по суду въ его пользу, то противная обвиненная сторо-
на вмѣстѣ съ другими проторями и убытками платить ему и все
издержки вызова въ судъ. Судебникъ говоритъ: «А кто по кого
пошлетъ пристава въ чемъ, и что ему убытка станетъ въ волоки-
тѣ, или что дастъ отъ срочныя и отъ правыя грамоты, или
отъ безсудныя, и правому то все взяти на виноватомъ». Тоже
подтверждаетъ статья судебника о полевыхъ пошлинахъ, въ ко-
торыхъ сказано: «А побьются на полѣ въ заемномъ дѣлѣ, или
въ бою, и боярину съ дякомъ взяти на убитомъ противень
противу псцева, а окольникову полтина, а дяку четверть, а не-
дѣльщику полтина, да недѣльщикужъ вязчего четыре алтыны».

Но порядокъ вызова въ судъ, установленный Судебникомъ
1497 года, лѣтъ черезъ пятьдесятъ по изданіи сего Судебника
оказался во многомъ неудовлетворительнымъ; опытъ доказалъ,
что правила перваго Судебника допускали много злоупотребле-
ній и безпорядковъ, отъ которыхъ много терпѣли вызываемые,
подвергавшіеся оскорбленіямъ и убыткамъ отъ недѣльщиковъ
и особенно отъ ихъ служителей, которые часто были вовсе не-
извѣстны суду и едва ли подлежали какой отвѣтственности; а
равнымъ образомъ и вызыватели или истцы не всегда были
обезпечены въ своевременной явкѣ отвѣчиковъ къ суду, отъ

чего терпѣли убытки и разные протори. Почему Царь Иванъ Васильевичъ въ 1550 году, при изданіи вновь Судебника, нашель нужнымъ обратить особенное вниманіе на порядокъ вызова въ судъ, и издать нѣкоторыя новыя для сего правила съ большимъ противъ прежняго обезпеченіемъ какъ для вызывающихъ, такъ и для вызываемыхъ.

Царь Иванъ Васильевичъ въ своемъ Судебникѣ собственно не отмѣняль стараго порядка вызова въ судъ; онъ волюнѣ призналь неприкосновенность основныхъ началъ этого порядка и оставилъ въ полной силѣ и недѣльщиковъ, и приставовъ, и приставныя памяти, и срочныя и отсрочныя или отписныя срочныя, и платежъ узаконенныхъ издержекъ по вызову, но всему этому онъ сообщилъ большую опредѣленность и большую обезпеченность. Онъ здѣсь началъ съ того, что отмѣнилъ порядокъ перваго Судебника, по которому недѣльщики должны были или сами ѣздить за вызываемыми, или посылать своихъ родственниковъ и слугъ, и вмѣсто сего обратился къ старому порядку, бывшему въ Москвѣ до перваго Судебника, по которому недѣльщики посылали не родственниковъ и слугъ, а уговорщиковъ или урочниковъ, т. е. людей, принимавшихъ на себя обязанность вызова по особымъ договорамъ съ недѣльщиками; онъ нашель, что при этомъ порядкѣ можно имѣть болѣе надзора за ѣздоками, занимающимися вызовомъ въ судъ; стоило только узаконить, чтобы всѣ ѣдоки каждаго недѣльщика были извѣстны суду. И съ тою цѣлію въ Судебникѣ 1550 года было поставлено, чтобы во всѣхъ приказахъ и другихъ судебныхъ мѣстахъ были заведены особыя книги для записки ѣздовыхъ и недѣльщиковъ, которыя бы книги хранились у дяковъ. Съ учрежденіемъ сихъ книгъ, каждый недѣльщикъ, при наступленіи его чередовой недѣли, долженъ былъ явиться къ дяку и объявить и привести на лицо всѣхъ своихъ ѣздовыхъ, которые съ нимъ въ одномъ заговорѣ, т. е. которые контрактировались ѣздить отъ имени недѣльщика по городамъ, возить приставныя и вызывать тяжущихся. Дякъ, осмотрѣвши и допросивши ѣздовыхъ, вносилъ ихъ имена въ книгу за тѣмъ недѣльщикомъ, съ которымъ они договорились. Этотъ новый порядокъ введенъ былъ царскимъ Судебникомъ съ одной стороны для того, чтобы не-

дѣльщики не могли отпираться отъ своихъ ѣздоковъ, ежели вызываемые будутъ жаловаться на нихъ въ разныхъ обидахъ и притѣсненіяхъ, а съ другой стороны для того, чтобы никто самовольно не принималъ на себя названіе недѣльщика или его служителя, и, прикрываясь симъ названіемъ, не ѣдилъ по городамъ и волостямъ, наметывая небывалые сроки на людей, вовсе не требуемыхъ къ суду, и собирая съ нихъ разные незаконные поборы. Недѣльщикъ же по закону обязанъ былъ платить всѣ убытки и поборы, которые вызываемые будутъ искать на ѣздохъ, записанномъ за нимъ у дьяка по книгѣ. Въ новомъ Судебникѣ сказано. «А ѣздити недѣльщикомъ съ приставными и на поруку давати самимъ, или своихъ ѣздоковъ посылати, а людей имъ своихъ съ приставными не посылати; а отъ поруки имъ самимъ и ихъ ѣздокомъ поклоннаго, съ приставными ѣздачи, не имати ничего. А котораго недѣльщика пустять въ недѣли, и сколько у котораго недѣльщика будетъ заговорщиковъ и ѣздоковъ, кому съ кѣмъ въ заговорѣ дѣлати и съ приставными кому отъ кого ѣздити; и тому недѣльщику тѣхъ своихъ ѣздоковъ приводити къ дьякамъ, которые дьяки у кормленья будутъ, да тѣхъ своихъ заговорщиковъ и ѣздоковъ недѣльщикомъ у дьяковъ записывати въ книги, для того, чтобы ея недѣльщики своихъ заговорщиковъ и ѣздоковъ не отпирали. А какову обиду или продажу ѣздохъ кому учинить, и уличать его въ томъ; и тотъ искъ взяти на недѣльщикѣ, отъ кого тотъ ѣздохъ ѣдилъ, а ѣздока казнити торговою казнію».

Для удобнѣйшаго наблюденія за порядкомъ при вызовѣ въ судъ, по новому Судебнику, каждому недѣльщику не дозволялось имѣть болѣе семи ѣздоковъ, которые по закону всѣ должны были ручаться и отвѣчать другъ за друга, такъ что доказанный искъ на одномъ ѣздохъ или заговорщикѣ взыскивался со всѣхъ ѣздоковъ и недѣльщика, состоящихъ въ одномъ заговорѣ, а виноватый сверхъ того отсылался въ тюрьму. При такомъ порядкѣ всякій искъ на ѣздохъ всегда былъ вполне обезпеченъ состояніемъ всѣхъ заговорщиковъ, состоящихъ въ одномъ заговорѣ, и именно съ этою цѣлію обезпеченія Судебникомъ Царя Ивана Васильевича было узаконено, что ни одинъ недѣльщикъ не можетъ править недѣль безъ заговорщиковъ, за-

писанныхъ у дьяка въ книгѣ. Въ царскомъ Судебникѣ сказано: «А держати недѣльщику до семи ѣздоковъ, а больше семи ѣздоковъ не держати. А что заговорщикъ кому учинить какову продажу или обиду, и улпчатъ его въ томъ; и тѣ иски всѣ взяти на всѣмъ заговорѣ, а его вкинути въ тюрьму. А безъ заговорщиковъ недѣльщикомъ недѣль не дѣлати». Здѣсь законъ, по исконному обычаю русскаго общества, во всякомъ дѣлѣ находитъ обезпеченіе только въ общинѣ, связанной взаимными интересами, и старается, чтобы община всегда была достаточно организована для достиженія сей цѣли.

Имѣя въ виду болѣе строгую организацию каждой общины недѣльщика и ѣздоковъ, состоящихъ въ одномъ заговорѣ, новый Судебникъ призналъ общимъ основнымъ правиломъ при отправленіи должности недѣльщика и ѣздоковъ, чтобы ѣздокъ, отправившій недѣлю у одного недѣльщика, уже не ѣздилъ въ томъ же городѣ отъ другихъ недѣльщиковъ. А ежели откроютъ, что тотъ же ѣздокъ ѣздитъ отъ другаго недѣльщика, то за это онъ подвергается торговой казни и отсылается въ тюрьму; а иски на таковаго ѣздока безъ суда взыскиваются и съ самаго ѣздока и съ недѣльщика, который его принялъ въ свой заговоръ. «А какъ недѣльщикъ, сказано въ Судебникѣ, изъ недѣль выйдетъ и тѣмъ ѣздокомъ въ томъ городѣ отъ иныхъ недѣльщиковъ не ѣздити. А котораго ѣздока изымають, а онъ ѣздитъ въ томъ же городѣ отъ иного недѣльщика; и того ѣздока казнити торговою казнію, да вкинути въ тюрьму. А будутъ тому ѣздоку истцы; и тѣ иски всѣ взяти безъ суда на томъ недѣльщикѣ, отъ кого онъ ѣздилъ, и на ѣздокъ». Эта строгость закона, чтобы ѣздоки отъ одного недѣльщика не переходили къ другому, ясно показываетъ, что законъ именно стремился къ тому, чтобы организовать постоянныя общины ѣздоковъ и недѣльщиковъ, которыя бы не смѣшивались другъ съ другомъ и не производили бы путаницы въ случаѣ взысканій съ котораго либо ѣздока или недѣльщика, и такимъ образомъ представляли бы болѣе ручательства и обезпеченія въ платежѣ исковъ.

Строго преслѣдуя главную цѣль, чтобы недѣльщикъ съ своими ѣздоками, состоящими въ одномъ заговорѣ, составляли

общину, ручающуюся въ исправномъ исполненіи должности каждымъ изъ своихъ членовъ, и при томъ такую общину, которая была бы известна ближайшему начальству и официально записана въ его книгѣ, царскій Судебникъ положилъ непрѣмное правило, чтобы не было ѣздоковъ не записанныхъ у дьяка въ книгу и не состоящихъ въ заговорѣ съ какимъ-либо педѣльщикомъ. По закону, каждый ѣздокъ, не состоящій въ заговорѣ и не записанный въ книгу ни за однимъ педѣльщикомъ, считался самозванцемъ, преступникомъ, и, будучи пойманъ, наказывался торговою казнію единственно за самовольное отправление должности ѣздока, хотя бы на немъ не было истцовъ въ обидахъ и притѣвленіяхъ; въ случаѣ же исковъ, онъ, кромѣ торговой казни, подвергался безъ суда взысканію всѣхъ исковъ, на него предъявленныхъ. Въ Судебникѣ сказано: «А котораго ѣздока изымають, а тотъ ѣздокъ въ книгахъ у кормленныхъ дьяковъ ни у котораго педѣльщика будетъ не написанъ; и того ѣздока казнити торговою казнію. А будутъ тому ѣздоку истцы, и тѣхъ истцовъ искъ взять на томъ ѣздогѣ безъ суда».

Такимъ образомъ, Царь Иванъ Васильевичъ, не отмѣняя прежде учрежденной должности педѣльщиковъ, старался, чрезъ организацію особыхъ общинъ педѣльщиковъ и ѣздоковъ, записанныхъ въ официальные книги, устранить тѣ безпорядки и обиды, которыя терпѣли вызываемые въ судѣ отъ педѣльщиковъ и ихъ ѣздоковъ при прежнемъ порядкѣ, утвержденномъ первымъ Судебникомъ. Съ этою же цѣлію въ царскомъ Судебникѣ подтверждено съ собою строгостію правило перваго Судебника, чтобы педѣльщики и ѣздоки не ѣздили съ приставными въ тѣ города, гдѣ они имѣютъ осѣдлое жительство, и слѣдовательно гдѣ у нихъ есть родственники и знакомые, которые бы могли способствовать имъ къ произведенію безпорядковъ и обидъ при вызовѣ тяжущихся или при отдачѣ ихъ на поруки. Царскій Судебникъ за нарушеніе этого правила, принятаго еще первымъ Судебникомъ, назначаетъ нарушителямъ торговую казнь и взысканіе всѣхъ исковъ безъ суда. «А который ѣздокъ, въ которомъ городѣ живетъ, и тому ѣздоку ни отъ какого педѣльщика въ томъ городѣ не ѣздити. А котораго ѣздока изымають, а онъ въ которомъ городѣ живетъ, въ томъ

же и съ приставными ѣздить; и кто ему будутъ истцы, и тѣ иски всѣ взяти на немъ безъ суда, а его казнити торговою казнію».

Организовавши общины недѣльщиковъ и ѣздоковъ, записанныхъ въ официальные книги, царскій Судебникъ оставилъ прежній порядокъ вызова въ судъ, только далъ ему болѣе определенности. По царскому Судебнику недѣльщикъ или ѣздокъ, согласно съ первымъ Судебникомъ, пріѣхавши въ городъ или волость съ приставною памятью, долженъ явить приставную намѣстнику или волостелю и ихъ тиунамъ. И ежели оба тяжущіеся будутъ подвѣдомы судомъ одному намѣстнику или волостелю; то недѣльщикъ или ѣздокъ обязанъ поставить ихъ на судъ передъ тѣмъ намѣстникомъ или волостелемъ и передъ ихъ тиунами. Ежели же недѣльщикъ или ѣздокъ не явить приставной намѣстнику или волостелю и ихъ тиунамъ; то не только лишился за это пошлинь, которыя бы по закону долженъ былъ получать за проѣздъ, но и сверхъ того платилъ мѣстному доводчику хоженое, т. е. пошлину, которая слѣдуетъ доводчику за то, что онъ по приставной ѣздока или недѣльщика вызывалъ подсудимаго для взятія съ него порукъ. «А доводчику, сказано въ законѣ, на томъ недѣльщикѣ или его ѣздогѣ, взяти хоженое.» (Суд. ст. 48).

Ежели же истецъ и отвѣтчикъ будутъ подвѣдомы разнымъ судьямъ; то истецъ по царскому Судебнику долженъ сперва явиться къ своему судѣ, и взять у него сторожа и съ симъ сторожемъ идти къ тому судѣ, которому подвѣдомъ отвѣтчикъ и просить у него пристава для вызова отвѣтника. «А случится судъ смѣстной, сказано въ Судебникѣ, исcea или отвѣтчикъ судимы будутъ не одному судѣ, и кто по кого взведетъ пристава, въ каковѣ дѣлѣ ни буди, и тотъ исcea возметъ у своего судьи за собою сторожа, да идетъ къ тому судіи просити пристава, у кого въ присудѣ тотъ, на комъ ему искати». И приставъ получивши отъ судьи, которому подвѣдомъ отвѣтчикъ, приставную память, отправляется съ нею для вызова отвѣтника. При семъ, ежели этотъ приставъ есть недѣльщикъ, посланный изъ Москвы, то долженъ, по вышеприведенному правилу, явить приставную память мѣстному намѣстнику или волостелю

и ихъ тиунамъ, и взять отъ нихъ доводчика, который отыскивалъ ему вызываемаго. А ежели приставъ былъ мѣстный доводчикъ, то онъ, взявши приставную память отъ мѣстнаго судьи, самъ шелъ къ вызываемому. И въ обоихъ случаяхъ какъ недѣльщикъ, такъ и мѣстный доводчикъ брали по вызываемомъ порукъ въ томъ, что онъ на указанный въ приставной срокъ явится къ суду; а ежели порукъ не было, то самаго вызываемаго брали подъ арестъ, чтобы представить его на указанный срокъ къ суду.

Но для бѣльшаго охраненія вызываемыхъ отъ притѣсненій и обидъ со стороны недѣльщиковъ и доводчиковъ, по царскому Судебнику было принято за непремѣнное правило, что приставы прежде посаженія подъ арестъ вызываемыхъ, по которымъ порукъ не будетъ, должны были объявить о семъ мѣстнымъ городовымъ приказчикамъ, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ, ежели вызываемый живетъ въ городѣ; а ежели онъ живетъ въ волости, то увѣдомить о семъ старосту и цѣловальниковъ, которые у намѣстниковъ и волостелей въ судѣ сидятъ. Ежели вызываемый самъ представлялъ за себя порукъ въ томъ, что къ указанному сроку онъ явится на судъ; то приставъ, получивши отъ порукъ поручныя записи, тѣмъ и кончалъ дѣло по вызову, и отвозилъ поручныя записи въ тотъ судъ, отъ котораго онъ былъ посланъ, и въ судѣ поручныя записи хранились у дьяковъ вмѣстѣ съ срочными. Здѣсь приставу не было надобности искать помощи у мѣстныхъ начальниковъ, ибо вызываемый не противился вызову и самъ представлялъ опредѣленное закономъ ручательство, которое обезпечивало и его личность, и требуемую явку въ судъ на срокъ, прописанный въ приставной памяти. Но совсѣмъ другія отношенія пристава къ вызываемому являлись въ томъ случаѣ, когда вызываемый не могъ или не хотѣлъ представить за себя поруки; тогда по закону приставъ долженъ былъ взять вызываемаго подъ арестъ и скованнымъ вести въ мѣсто пребыванія суда и держать тамъ у себя до истеченія того срока, въ который нужно будетъ представить вызываемаго къ суду. Здѣсь уже дѣло касалось личности вызываемаго, онъ еще до суда и обвиненія лишался свободы, слѣдовательно уже терпѣлъ безчестіе и легко могъ подвергнуться

обидамъ и притѣсненіямъ со стороны пристава. Посему въ царскомъ Судебникѣ, въ огражденіе личности вызываемаго, и было узаконено, чтобы приставъ не прежде бралъ подъ арестъ и заковывалъ вызываемаго къ суду, не представившаго по себѣ порукъ, какъ объявивши о томъ представителямъ той общины, къ которой принадлежитъ вызываемый, и ежели представители общины выдадутъ ему вызываемаго; такимъ образомъ здѣсь вызываемый прямо ставится подъ защиту своей общины, которая имѣетъ полное право или выдать его пристава, или дать за него поручительство, хотя бы самъ онъ и не могъ представить порукъ. Здѣсь, по закону Судебника, покровительство общины своему члену простиралось до того, что ежели бы приставъ посадилъ вызываемаго подъ арестъ, не объявивъ о томъ представителямъ общины, то родственники и друзья арестованнаго имѣли право жаловаться на пристава, и по ихъ жалобѣ представители общины должны были освободить арестованнаго, а съ пристава самовольно арестованнаго взыскать слѣдующую по закону пеню за безчестье. Да сверхъ того, ежели бы арестованный сталъ искать на пристава какихъ-либо убытковъ, то представители общины должны были всѣ убытки доплатить съ пристава вдвое. Въ Судебникѣ прямо сказано: «А кого намѣстничіи или волостельныи люди учнутъ давати отъ кого на поруку, до суда или послѣ суда, и по комъ поруки не будетъ: и намѣстничимъ и волостельнымъ людямъ тѣхъ людей являти въ городѣ приказщикомъ городовымъ, да дворскому, и старостѣ и цѣловальникомъ, а въ волости являти старостѣ и цѣловальникомъ, которые у намѣстниковъ и волостелей и ихъ тиуновъ въ судѣ сидятъ; а не явя тѣхъ людей, по комъ поруки не будетъ, намѣстничимъ и волостельнымъ людямъ къ себѣ не сводити и у себя ихъ не ковати. А кого намѣстничіи и волостельныи люди, не явя приказщикомъ, да дворскому, да старостѣ и цѣловальникомъ, къ себѣ сведутъ, да у себя его скуютъ, и кто тѣмъ людямъ родъ и племя придутъ за намѣстничьихъ или волостельныхъ людей къ приказщикомъ, да къ дворскому и къ старостѣ и цѣловальникомъ, о томъ бити челомъ и являти: и приказщикомъ, да дворскому и старостѣ и цѣловальникомъ у намѣстничьихъ или у волостельныхъ людей тѣхъ людей вынимати; и кого у намѣст-

ничьихъ или волостелиныхъ людей выймутъ скована, а имъ не явлено, ино на намѣстничьѣ или волостелинѣ человекѣ взяти того человека безчестье, смотря по человекѣ; а чего тотъ на намѣстничьѣ или волостелинѣ человекѣ взыщеть, и тотъ искъ взяти на немъ вдвое». (Суд. ст. 70).

Организаціею официальныхъ общинъ недѣльщика и ѣздоковъ, и отдачею вызываемаго въ судъ подъ защиту той мѣстной общины, къ которой онъ принадлежитъ, оградивши вызываемыхъ отъ притѣсненій и произвола приставовъ, царскій Судебникъ оставилъ неприкосновенными все другіе порядки вызова въ судъ, узаконенные первымъ Судебникомъ, онъ утвердилъ въ прежней силѣ и три срока для явки въ судъ, и семь дней отсрочки послѣ послѣдняго срока для выдачи безсудной грамоты, и присылку повѣренныхъ вмѣсто самихъ тяжущихся, и прежнее количество пошлинъ, какъ недѣльщикамъ и приставамъ за ѣздъ и хоженое, такъ и дякамъ и печатникамъ при выдачѣ приставныхъ и срочныхъ, а равнымъ образомъ и все другія издержки по вызову въ судъ, которыя назначены первымъ Судебникомъ. Но чтобы все узаконенное по этому предмету первымъ Судебникомъ имѣло больше обезпеченія, Царь Иванъ Васильевичъ въ своемъ Судебникѣ назначилъ разные штрафы и наказанія за отступленія отъ старыхъ правилъ, признанныхъ новымъ Судебникомъ.

Такъ, по 50-й статьѣ царскаго Судебника, ежели истецъ, пославши по комъ пристава для явки въ судъ, самъ въ назначенный срокъ не станетъ на судъ, и отъ того противной стороной будетъ убытокъ или волокита, то все убытки, волокиты и проѣсти доправить на томъ, кто не явился въ судъ на срокъ, а проѣстей платить по три деньги на день. Въ статьѣ сказано: «А кто на кого пошлетъ пристава, а самъ къ сроку не придетъ, или отвѣтчикъ не станетъ на тотъ срокъ; и что послѣ срока учинится убытка, что дастъ пошлинъ, и что живучи проѣстѣ; и правому тѣ все убытки и проѣстѣ взяти на виноватомъ; а проѣсти имати на человека на день по три деньги».

Статьями 53-ю и 54-ю назначены были наказанія недѣльщикамъ за злоупотребленія при вызовѣ въ судъ. Такъ статьею 53-ею недѣльщикъ, отправленный ловить татей, ежели будетъ по-

ровить имъ изъ посуловъ и отпустить ихъ, то уличенный въ этомъ не только обязывается заплатить искъ истца, но подвергается торговой казни и отсылается въ тюрьму. «А поноровить которой недѣльщикъ татю или разбойнику по посуламъ, а его отпустить и уличать его въ томъ; ино на томъ недѣльщикъ исцовъ искъ доправити, и его казнити торговою казнію, да вкннута въ тюрьму, а въ казни что государь укажетъ». Или статья 54-ая наказываетъ недѣльщика за отпущекъ татя на поруку безъ доклада двойнымъ взысканіемъ иска, торговою казнію и тюремнымъ заключеніемъ: «А которой недѣльщикъ, безъ доклада безъ боярскаго и безъ дьячья вѣдома, татей подасть на поруки, или татя продасть и уличать его въ томъ; и на томъ недѣльщикъ исцовъ искъ доправити, а его казнити торговою казнію, да вкннута въ тюрьму, а въ казни что государь укажетъ».

Наконецъ царскій Судебникъ предлагаетъ совершенно новое правило, неизвѣстное по первому Судебнику, — правило какъ вызывать къ суду, когда по одному дѣлу будетъ нѣсколько отвѣтчиковъ. По этому правилу недѣльщикъ обязанъ былъ объявить, или, какъ тогда говорилось, накинуть срочную только на одного кого-либо изъ вызываемыхъ съ прописаніемъ его товарищей по дѣлу, а сей послѣдній уже долженъ былъ увѣдомить своихъ товарищей, чтобы они явились на указанный въ приставной срокъ. Въ статьѣ сказано: «А на котораго изъ нихъ (отвѣтчиковъ товарищей) ѣздокъ срочную накинеть на одного, и тотъ срочной своей товарищемъ своимъ, которые съ нимъ въ срочной писаны, не покажетъ, и на которыхъ его товарищевъ выляжетъ въ ихъ жеребьехъ безсудная грамота; ино тѣмъ людямъ съ тѣмъ дати судъ, кто имъ срочныя не показалъ».

Но царскимъ Судебникомъ не ограничилось развитіе формъ при вызовѣ въ судъ, и въ царствованіе же Царя Ивана Васильевича, на другой годъ по изданіи Судебника, на Московскомъ Соборѣ 1551 года опредѣлены нѣкоторыя частныя новыя формы по вызову отвѣтчиковъ на судъ святительскій. По столпау, изданному Московскимъ Соборомъ, были назначены три формы вызова къ святительскому суду: 1-я форма вызова архимандритовъ, игуменовъ и игуменей; 2-я форма вызова свя-

щенниковъ и другихъ членовъ причта, и 3-я форма вызова мѣстныхъ людей къ суду святителя, или его десятильниковъ, т. е. мѣстныхъ судей въ той или другой епархіи.

По первой формѣ при вызовѣ архимандритовъ, игуменовъ и вообще монастырскихъ начальниковъ, святители не должны посылать за ними недѣльщниковъ съ записями и приставами, а напротивъ того обязаны посылать къ нимъ свои грамоты за своими печатями съ тѣми же жалобниками или истцами, которые бьютъ челомъ на архимандритовъ, и брать съ истцовъ или жалобниковъ поручныя записи въ томъ, чтобы они явились на судъ, въ случаѣ ежели въ монастырѣ имъ не сдѣлають удовлетворенія. Жалобщики, получивши посылную святительскую грамоту, должны были представить ее архимандритамъ и игуменамъ передъ братією на соборѣ. А ежели истцы поручной записи по себѣ не дадутъ, то имъ не выдавать и посылныхъ грамотъ. Ежели архимандритъ или игумень не управится съ истцомъ по посылной святительской грамотѣ, то обязанъ на судъ къ святителю или самъ пріѣхать, или послать вмѣсто себя повѣреннаго. А ежели архимандритъ ни самъ не пріѣдетъ на судъ святителя, ни пришлетъ вмѣсто себя повѣреннаго; то въ такомъ случаѣ уже употребляется обыкновенная форма вызова по Судебнику чрезъ недѣльщика или пристава изъ ѣзду. Въ 68-ой главѣ столпа сказано: «А на которыхъ архимандритовъ и игуменовъ честныхъ монастырей общихъ и особъ сущихъ учнутъ бити челомъ о управахъ и о духовныхъ дѣлѣхъ; и святителемъ по нимъ недѣльщниковъ своихъ съ записями и приставами не посылать и на поруки ихъ не давать, а посылать къ нимъ свои грамоты именно за своими печатями съ тѣми же жалобниками, чтобы съ ними въ томъ управили; а по тѣхъ жалобникахъ поруки имати, чтобы имъ на сроки ставитися, нѣчто тамъ съ ними не управится. А которой жалобникъ не дастъ по себѣ поруки; ино ему и грамотки не давати. А тѣмъ жалобникамъ давати тѣ посылныя грамоты властемъ на соборѣ передъ братією. А не управится который архимандритъ или игумень съ тѣми которыми жалобники; и они бѣ присылали въ свое мѣсто слугъ къ отвѣту; а похотятъ сами къ отвѣту; ино то въ ихъ воли; а ѣздить къ отвѣту,

какъ имъ святители велятъ. А которые архимариты и игумены по тѣмъ святительскимъ грамотамъ къ отвѣту не стануть, или въ свое мѣсто не пришлютъ; ино по тѣхъ посылати приставы съ записми изъ ѣзду, доставити ихъ предъ святителю». То есть въ такомъ случаѣ неявившихся къ суду архимандритовъ и игуменовъ, святительскій приставъ безъ порукъ прямо привозилъ къ святителю на судъ.

По второй формѣ вызовъ священниковъ и другихъ членовъ причта производился черезъ приставовъ, посылаемыхъ святительскими боярами и десятильниками съ приставными памятми. Приставы сии или недѣльщики по стоглаву въ ближнія мѣста должны были ѣздить самъ другъ, а въ дальнія мѣста самъ третей, и по приставнымъ памятямъ отдавать священниковъ и причетниковъ на поруки для явки въ судъ, на срокъ, прописанный въ приставной памяти; а отдачу на поруки священниковъ и причетниковъ недѣльщики могли производить не иначе, какъ передъ десятскими священниками. Въ 69-ой главѣ стоглава написано: «А изъ которыхъ градовъ и изъ сель, въ митрополю и архіепископьяхъ и въ епископьяхъ учнутъ приходити къ святителю жалобники о духовныхъ дѣлѣхъ и о всякихъ обидахъ и управахъ земскихъ; и святители повелѣвають своимъ боярамъ и десятильникамъ давати имъ въ тѣхъ дѣлѣхъ приставовъ, и они по нихъ ѣздятъ съ приставными. А митрополичимъ недѣльщикамъ на Москвѣ и по всемъ городамъ митрополю (также архіепископскимъ и епископскимъ) и отъ десятильниковъ по десятинамъ и поселямъ ѣздити съ приставными, и на правду и на обыскъ о всякихъ дѣлѣхъ отъ жалобниковъ саму другу, а въ дальнія мѣста саму третью, а давати на поруку поповъ и дьяконовъ и всѣ причты церковныя передъ священники десятскими, а безъ священниковъ десятскихъ ни поруку ихъ не давати».

По третьей формѣ вызовъ отвѣтчиковъ изъ мірскихъ людей на судъ святительскій производился также, какъ и вызовъ священниковъ и причетниковъ, т. е. черезъ святительскихъ недѣльщиковъ и приставовъ по приставнымъ памятямъ или записямъ, но имѣлъ то важное отличіе, что мірскихъ людей святительскій недѣльщикъ долженъ былъ отдавать на поруки не ине

че, какъ передъ земскими старостами и передъ десятскими. Въ той же 69-ой главѣ стоглава сказано: «А по мірскихъ людей отъ жалобниковъ во всякихъ дѣлѣхъ ѣздити недѣльщикомъ съ приставными и на правду и на обыскъ по томужъ; и давати ихъ на поруку передъ земскими старостами и передъ десятскими, а безъ земскихъ старость и безъ десятскимъ на поруку ихъ не давати, а отъ поруки у нихъ поклоннаго не имати». Этотъ порядокъ вызова мірскихъ людей черезъ святительскихъ недѣльщиковъ или приставовъ рѣзко отличается отъ вызова черезъ приставовъ намѣстничьихъ или волостелинскихъ по Судебнику; по 70-ой статьѣ царскаго Судебника, какъ мы уже видѣли, намѣстничьи и волостелины приставы не имѣли обязанности при взятіи порукъ объявлять о томъ мѣстнымъ старостамъ и цѣловальникамъ. Слѣдовательно, Судебникъ болѣе предоставлялъ правъ свѣтскимъ недѣльщикамъ или приставамъ, чѣмъ стоглавъ приставамъ отъ церковныхъ приставовъ. Или можетъ быть въ Судебникѣ, въ правилахъ о взятіи порукъ недѣльщиками, не упомянуто о необходимомъ присутствіи при этомъ актѣ земскихъ старость и цѣловальниковъ, потому, что на Руси уже давно былъ такой порядокъ, что служители суда не иначе относились къ тому или другому члену общины, какъ при посредствѣ общинныхъ начальствъ, слѣдовательно не было и надобности упомянуть объ этомъ въ законѣ. Въ стоглавѣ же слѣдовало объ этомъ упомянуть потому, что судъ святительскій могъ имѣть и другія права противъ свѣтскаго или мірскаго суда, а Царь Иванъ Васильевичъ желалъ дать болѣе или менѣе одинакія формы тому и другому суду. Во всякомъ случаѣ стоглавъ въ настоящемъ правилѣ или представляетъ новую форму вызова въ судъ, или яснѣе и опредѣленнѣе излагаетъ форму, уже указанную царскимъ Судебникомъ.

Наконецъ стоглавъ представляетъ нѣкоторыя особенности въ наказаніи недѣльщиковъ за злоупотребленія при отправленіи своей должности. Въ той же 69-ой главѣ сказано: «Бережи о томъ святителемъ на крѣпко, чтобъ отъ ихъ людей впредь продажи не было однолично. А на котораго недѣльщика придуть жалобщики; и о томъ обыскавъ, да безъ суда на недѣльщикѣ доправити втрое по цареву Судебнику. А цѣнуомъ и недѣльщи-

комъ митрополичьимъ и архіепископимъ и епископимъ съ ябедниками и блудницами сговору не чинити, и по сговору священническаго и иноческаго чину и всѣхъ православныхъ христіанъ не продавати. А которые тіуны и недѣльщики ставяся съ блудницами и съ ябедниками, учнутъ дѣла составлять и продажу чинити священническому и иноческому чину и свѣмъ православнымъ христіанамъ, отъ порукъ и отъ поклоннаго денъги имати, или что насильствомъ возмутъ, и потомъ обличены будутъ многими свидѣтели, и святители о томъ обыскавъ извѣстно добрыми свидѣтели, безъ суда повелѣвають бояромъ своимъ доправливати на нихъ втрое, да отдають истцамъ, а тіуновъ изъ тіуинства измещутъ, а недѣльщиковъ отъ недѣль отставляють, да изъ двора таковыхъ отсылають вонъ».

Настоящее правило стоглава для насъ весьма важно. Оно съ одной стороны свидѣтельствуетъ, что наказанія недѣльщикамъ по Судебнику и стоглаву были далеко не одинаковы: по Судебнику недѣльщики за злоупотребленія при отправленіи своей должности наказывались двойнымъ платежемъ искомъ, торговою казнію и посаженіемъ въ тюрьму; по стоглаву же тѣлесное наказаніе не допускается, и наказаніе вмѣсто того замѣняется тройнымъ взысканіемъ иска, отставленіемъ отъ должности и исключеніемъ изъ службы. Съ другой стороны это же правило указываетъ намъ на то, какъ много значилъ тогда вызовъ въ судъ, и какъ при этомъ много зависѣло отъ недѣльщика, или пристава, который, сговорившись съ ябедниками, могъ привлекать къ суду безъ причины изъ своей корысти, и составлять дѣла, т. е. вчинать небывалые иски; а слѣдовательно при добросовѣстномъ исполненіи своей должности недѣльщикъ могъ препятствовать ябедникамъ и не давать хода недѣльнымъ жалобамъ и искамъ.

Недѣльщики по Судебнику и стоглаву были разныхъ вѣдомствъ; недѣльщики площадные, дворцовые, святительскіе и разныхъ приказовъ, и недѣльщикъ одного вѣдомства не имѣлъ права накидывать срочныя и брать поручныя на людей другаго вѣдомства; а еслибъ онъ вздумалъ возло употребить свою власть и сталъ бы накидывать срочныя на людей другаго вѣдомства, то таковыя срочныя считались недѣйствительными и

по нимъ вызываемые имѣли право не даваться на поруки. Были даже особые недѣльщики для иныхъ монастырей, что считалось конечно привиллегіею. Монастырскіе недѣльщики были обязаны вызывать къ суду по челобитнымъ отъ монастырскихъ людей. Обязанности и права монастырскихъ недѣльщиковъ изображены съ достаточною отчетливостію въ царской жалованной грамотѣ, данной въ 1551 году Троицкому Сергіеву монастырю, по которой назначены были для монастыря три пристава изъ дворцовыхъ пѣвчихъ-дьяковъ. Въ грамотѣ этой сказано: «Чего будетъ искать Троицкаго Сергіева монастыря старцамъ и слугамъ и крестьянамъ и Троицкихъ монастырей игуменомъ, попомъ и дьякономъ и ихъ прикащикомъ и крестьяномъ на комъ ни буди, или кому будетъ чего искати на Троицкихъ Сергіева монастыря на слугахъ и на крестьянахъ и на Троицкихъ монастырей на игуменѣхъ, и на попѣхъ, и на дьяконѣхъ, и на ихъ прикащикахъ и на крестьянѣхъ; и въ томъ ѣздити отъ нихъ и по нихъ съ моими людьми Царя и Великаго Князя приставными грамотами тѣмъ даннымъ приставамъ, да чинити имъ срокъ стати передо мною Царемъ и Великимъ Княземъ и передъ моими бояры и передъ моими дворецкими тѣхъ городовъ людемъ, которые города у которыхъ бояръ и дворецкихъ въ приказѣ будутъ. А инымъ есми недѣльщикамъ дворцовымъ и площаднымъ ѣздити отъ нихъ и по нихъ не велѣлъ никому, опричь тѣхъ моихъ данныхъ приставовъ. А который мой Царевъ и Великаго Князя недѣльщикъ по Троицкаго Сергіева монастыря по слугъ и по крестьянъ пріѣдетъ; и язъ имъ тѣмъ приставамъ на поруки даватися не велѣлъ. А кто на нихъ срочную накинеть сильно, опричь тѣхъ данныхъ приставовъ; и язъ имъ къ тѣмъ срокомъ ѣздити не велѣлъ, а кто на нихъ и безсудную грамоту дастъ, и та на нихъ безсудная не въ безсудную.» (Ак. ист. т. 1 стр. 281). Такое назначеніе особыхъ приставовъ или недѣльщиковъ по разнымъ вѣдомствамъ и для привилегированныхъ корпорацій указываетъ на ту же мысль, что недѣльщики или приставы въ судебныхъ дѣлахъ имѣли большое значеніе, и вызываемые въ судъ терѣбли отъ нихъ много обидъ и притѣсненій, что и вызывало правительство прибѣгать къ разграниченіямъ недѣльщиковъ по разнымъ вѣдом-

ствамъ, дабы такимъ образомъ удобнѣе было имѣть за ними болѣе строгій надзоръ.

До насъ дошла одна притча на порядокъ суда въ XVI столѣтїи, извѣстная подъ именемъ сказки о Ершѣ Ершевъ сынѣ Щетинниковѣ; въ этой притчѣ, очевидно взятой іота въ іоту съ тогдашняго судопроизводства, мы также встрѣчаемъ нѣкоторыя важныя указанія о порядкѣ вызова въ судъ, которыя, какъ взятые изъ практики, могутъ служить дополненіемъ и объясненіемъ законовъ Судебника и столглава по этому предмету; слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ имѣютъ для насъ большой интересъ.

Указанія сїи были слѣдующія:

1-е, по свидѣтельству настоящей притчи, приставъ или недѣльщикъ ставилъ отвѣтника на судъ по приказу судей, которые еще до послышки за отвѣтникомъ, разсматривали челобитную истцовъ, испрашивали у истцовъ, правое ли дѣло они начинаютъ въ своей челобитной. Въ сказкѣ сказано: «и судьи, поговоря межъ собой, приговорили послать приставомъ рыбу окунь, да велѣли ему, приставу окуню, поставить рыбу ершь на судъ къ отвѣту.» Слѣдовательно на практикѣ челобитная, поданная истцомъ, еще не была началомъ суднаго дѣла и не вызывала отвѣтника къ суду; судьи могли отказать истцу, и не вызывая отвѣтника. Здѣсь становится яснымъ то значеніе недѣльщика или пристава, которое мы замѣтили въ 69-ой главѣ столглава; недѣльщикъ, стакнувшись съ ябедникомъ истцомъ, могъ способствовать къ тому, чтобы судьи приговорили послать за отвѣтникомъ, и по Судебнику нельзя было дать приставной безъ сношенія съ недѣльщикомъ.

2-е, по указанію притчи, при вызовѣ въ судъ свидѣтелей, расходы по вызову платилъ тотъ, кто слался на свидѣтеля и слѣдовательно просилъ его вызвать. Въ притчѣ, когда судьи спросили ерша, шлется ли онъ на свидѣтельство бѣлуги и бѣлой рыбицы, которыхъ представляютъ въ свидѣтели лещъ съ товарищи; то отвѣтникъ ершь отвѣчалъ: «Они, рыба, бѣлуга, да бѣла рыбица, люди зажиточные, а я ершь человекъ убогой; и мнѣ ершу за ѣзду побѣжанное платить приставу съ понятными нечѣмъ, и путь дальній.» Этотъ порядокъ платежа совершенно сходенъ съ порядкомъ, отмѣченнымъ въ

Судной Новгородской грамотѣ, и, по указанію притчи, очевидно на практикѣ былъ таковымъ и въ Московскихъ владѣніяхъ, хотя о немъ не упомянуто ни въ Судебникѣ, ни въ Стоглавѣ.

Третье указаніе настоящей притчи состоитъ въ томъ, что ежели шлются на одного свидѣтеля обѣ тяжущіяся стороны, и одна сторона по бѣдности отказывается отъ платежа расходовъ приставу, то приставъ посылается судомъ мимо истца и отвѣтника, а ѣздъ или расходъ по вызову свидѣтеля доправляется по окончаніи дѣла на виноватомъ. Когда судьи спросили ерша, шлется ли онъ на свидѣтельство сельди, на которую шлются истцы, лець съ товарищи, и ершь отвѣчалъ: «Переяславская рыба сельдь всемъ свѣдома, и на ту рыбу я ершь шлюсь, да она жъ рыба сельдь человекъ зажиточный, а я, ершь, человекъ убогой, да мнѣ ершу за ѣзду побѣжанное платить приставу съ понятыми печѣмъ, а путь дальній»; то судьи, поговоря межъ собою, приговорили: «а послать, мимо истцовъ и отвѣтниковъ, приставомъ рыбу окунь, а ѣздъ за побѣжанное доправить послѣ на виноватомъ». Этотъ вопросъ не былъ поднятъ ни въ одномъ изъ разобранныхъ выше законодательныхъ памятниковъ; но нѣтъ сомнѣнія, что на практикѣ именно такъ поступали, когда одна изъ тяжущихся сторонъ ссылалась на свою бѣдность, ибо и по Судебнику все расходы по вызову, хотя первоначально платились вызывателемъ, но въ послѣдствіи доправлялись на виноватомъ, который долженъ былъ платить оправданному все расходы по суду. Слѣдовательно, настоящее указаніе, хотя помѣщенное въ притчѣ, мы должны признать неподлежащемъ сомнѣнію.

Наконецъ 4-ое: настоящая притча указываетъ, что при вызовѣ въ судъ вмѣстѣ съ приставомъ отъ суда посылался и понятой отъ общества, но кажется, уже не по выбору общества, а по назначенію отъ судей; въ то время быть понятымъ считалось тягостию, отъ которой старались уклониться. Въ притчѣ сказано: «Да ему жъ приставу окуню приговорили взять въ понятые рыбу линь. И линь сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: господа судьи, въ понятыхъ мнѣ линю быть нельзя за тѣмъ, что у меня линя и глаза малы, и говорить я не умѣю и память худа, за хворостию съ мѣста не схожу. И судья, по-

говоря промежь собою, приговорили: за тою хворостию рыбу лия отъ понятыхъ ослободить, а вмѣсто его приказали отпустить въ понятые рыбу язя». Хотя этого или подобнаго указа- ния мы не находимъ въ Судебникѣ, но оно вполне согласно съ Новгородскою судною грамотою, гдѣ также судебныя приставы должны были брать истцовъ, когда отправлялись вызывать ко- го-либо въ судъ. Слѣдовательно, это указаніе настоящей прит- чи не представляетъ въ себѣ ничего такого, чтобы было не- согласнымъ съ тогдашнею судебною практикою, и тѣмъ болѣе, что такой порядокъ нисколько не противорѣчилъ устройству тогдашняго русскаго общества, по которому судъ не могъ взять члена какой-либо общины безъ согласія самой общины и ея представителей, какъ сказано въ царскомъ Судебникѣ.

Порядокъ вызова въ судъ, утвержденный Судебниками, очевидно къ концу XVI и въ началѣ XVII столѣтія сталъ уже колебаться на практикѣ, въ слѣдствіе измѣнившихся отношеній въ Русскомъ обществѣ, особенно по случаю безпорядковъ само- званщины и междоусобицъ, сильно перепутавшихъ многія об- щественныя отношенія. Посему, когда Московское государство нѣсколько поуспокоилось съ воцареніемъ Михаила Федоровича Романова, то между многими другими вопросами по тогдан- нему административному и судебному устройству поднялось нѣ- сколько вопросовъ и относительно порядка вызова въ судъ. По симъ вопросамъ правительство сначала признало нужнымъ от- мѣнить нѣкоторыя правила Судебниковъ и ввести новыя на иныхъ основаніяхъ, но вскорѣ отказалось отъ своихъ ново- введеній и обратилось болѣе или менѣе къ старому порядку, стараясь дать ему болѣе опредѣленности, согласно съ возник- шими вопросами и недоразумѣніями. Это двойное направленіе правительства ясно высказывается въ статьяхъ, относящихся до вызова въ судъ, помѣщенныхъ въ росписяхъ дополнитель- ныхъ статей къ царскому Судебнику, изданныхъ въ 1628 и 1629 годахъ, къ которымъ мы теперь и обратимся.

Роспись 1628 года, свидѣтельствующая о новомъ направ- леніи законодательства съ явнымъ стремленіемъ измѣнить по- рядокъ вызова въ судъ, узаконенный Судебникомъ, въ первой же статьѣ своей утверждаетъ введенное практикою правило да-

вать, въ противность Судебника, три срока неявляющемуся на судъ истцу или отвѣтчику, давшему по себѣ поручную запись. Статья сія начинается весьма любопытнымъ докладомъ, свидѣтельствующимъ о страшныхъ безпорядкахъ при вызовѣ въ судъ, о своеволии вызываемыхъ и злоупотребленіяхъ со стороны мѣстныхъ властей. Въ докладѣ семь сказано: «Которые люди по государевымъ по двумъ или по тремъ грамотамъ, давъ по себѣ поручныя записи, къ отвѣту къ Москвѣ на указные сроки не прїѣдутъ, а иные люди тѣхъ государевыхъ грамотъ не слушаютъ, чинятся сильные, и о томъ ихъ непослушаньи воеводы и приказные люди пишутъ къ Государю, а инымъ въ городѣхъ воеводы по государевымъ грамотамъ указные сроки для своихъ корыстей пересрочиваютъ, а присылаютъ ихъ къ Москвѣ на иные сроки, которые они имъ чинять.» Изъ этого доклада прямо видно, что порядокъ вызова въ судъ, утвержденный Судебникомъ, на практикѣ потерялъ всякое значеніе; его не только нарушаютъ безнаказанно, но и судъ не знаетъ или недоумѣваетъ, какое назначить наказаніе нарушителямъ, какъ будто бы вовсе не существовало Судебника, которымъ прямо опредѣляется выдача безсудной грамоты на неявившагося въ срокъ по поручной записи. Мало этого, изъ доклада видно, что судебная практика признаетъ уже законными какіе то три срока для явки въ судъ упорствующему въ явкѣ, тогда какъ по Судебнику извѣстенъ только одинъ срокъ для явки и двѣ отсрочки собственно для производства суда, которыя выдавались не иначе, какъ по просьбѣ самихъ тяжущихся или ихъ повѣренныхъ, явившихся на судъ.

Самое рѣшеніе настоящаго доклада законодателемъ прямо указываетъ на отступленіе отъ стараго порядка и узаконеніе противныхъ Судебнику нововведеній, данныхъ практикою. Въ этомъ рѣшеніи сказано: «И о той статьѣ Государь и Государь Патріархъ указали: которые люди, давъ по себѣ поручную запись, на срокъ или на два не станутъ; и тѣмъ не винити, а имать на нихъ или на поручникахъ ихъ проѣсть и волокиты, да и убытки приставныхъ счетчи; а на третій срокъ не станутъ, и тѣмъ винити въ иску; а что воеводы пересрочиваютъ, и тѣмъ не винити.» Здѣсь новый законъ не

только утверждает три срока, неизвестные по Судебнику, но и отменяет порядок Судебника выдавать безсудную грамоту осьмымъ днемъ послѣ срока, и прямо послѣ третьяго срока повелѣваетъ вникнуть неявившагося неявкою. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ порядокъ, утвержденный Судебникомъ, тогда уже былъ забытъ судебною практикою.

Вторая статья той же росписи слѣдуетъ еще яснѣе новому направленію, высказанному въ первой статьѣ; она узаконяетъ, что ежели кто, начавъ тяжбу, и давъ по себѣ поручную запись, съѣдетъ съ Москвы не дождавшись рѣшенія, а противная сторона о томъ станетъ бить челомъ, и съѣздъ дѣйствительно будетъ доказанъ, то на таковомъ или на его поручителѣ доправить проѣсть и волокиту, а дѣло рѣшить по суду. «А которые люди, сказано въ сей статьѣ, искавъ или отвѣчавъ, и давъ по себѣ поручную запись, съ Москвы съѣдутъ, и истцы ихъ или отвѣтчики бьютъ челомъ съѣздомъ, и про то сыскапо. И о той статьѣ Государи указали: кто съѣдетъ съ Москвы, давъ по себѣ запись, не дождався вершенія; и на томъ или на поручникахъ взять проѣсть и волокита, а дѣло вершатъ по суду». Эта статья явно представляетъ не взглядъ Судебника на явку въ судъ; по Судебнику истецъ или отвѣтчикъ, не явившіеся въ судъ, проигрывали дѣло; на нихъ по истеченіи семидневнаго срока выдавалась безсудная грамота; а здѣсь напротивъ за съѣздъ съ Москвы, не дождавшись рѣшенія дѣла, взыскивались только проѣсть и волокита, т. е. требовалось удовлетвореніе противной стороны за проволочку суда и лишнія издержки, дѣло же рѣшалось по суду, т. е. съѣхавшій съ Москвы могъ быть и оправданъ. Судебникъ же именно о неявкѣ на судъ къ окончанію дѣла, когда уже будетъ приготовленъ судный списокъ, прямо говоритъ: «А не станетъ за спискомъ исcea или отвѣтчикъ на срокъ, а доводчикъ на него запись поручную положить; и того который не сталъ по доводчикову слову, обвинити, а подписати на него списокъ за сто версть седмымъ днемъ по сроцѣ, а долѣ ста версть или ближе, ино подписывати списки послѣ срока по тому жъ разчету» (ст. Суд. 69).

Третья статья той же росписи 1628 года представляетъ еще сильнѣйшее противурѣчіе Судебнику и свидѣтельствуесть,

что на практикѣ порядокъ вызова въ судъ по Судебнику чуть ли не пришелъ въ забвеніе, такъ что вопросы, уже рѣшенные Судебникомъ, нужно было поднимать вновь. Такъ по Судебнику уже рѣшенъ былъ вопросъ о томъ, что истецъ ли, взявшій приставную на отвѣчика, отвѣчикъ ли, давшій на себя поручную запись, ежели не явятся въ судъ въ назначенный срокъ, то тѣмъ самымъ проигрываютъ дѣло, и неявившійся на срокъ тѣмъ и обвиняется. Или Судебникъ также разрѣшилъ вопросъ, что отвѣчикъ, не дающій по себѣ поруки, долженъ быть взятъ педѣльщикомъ подъ арестъ и отвезенъ скованный на мѣсто суда. А въ докладѣ при настоящей статьѣ сіи вопросы поднимаются вновь; въ докладѣ сказано: «А которые люди, пристава и неискавъ долгое время, съѣдутъ, а отвѣчики ихъ быють челомъ на нихъ, что они хотять ихъ испродать, и, неискавъ долгое время, съ Москвы съѣхали; и которые отвѣчики, давъ по себѣ поручную запись къ суду, и не дождався суда, съ Москвы съѣдутъ же, а истцы ихъ быють челомъ съѣздомъ же. И которые люди педѣльщикомъ въ исцовыхъ искѣхъ на порукѣ не даютца, чинятца сильны, а педѣльщики о томъ провозятъ доѣздныя памяти. И о той статьѣ какъ государи уважутъ?» Здѣсь ни о срокахъ, ни о строгости сроковъ по Судебнику нѣтъ уже и помяну. Истецъ, подавши челобитную и вызвавши по приставной отвѣчика, могъ не явиться въ судъ и не начинать дѣла, даже съѣхать съ Москвы, такъ что самъ отвѣчикъ принужденъ будетъ жаловаться на него, что онъ хочеть его испродать, т. е. избыточить проѣстями и волокитеми; отвѣчикъ также, давши по себѣ поручную запись, могъ тянуть дѣло неявкою въ судъ, и даже съѣхать съ Москвы, не дождавшися суда, и все это прямое противорѣчіе Судебнику даже не считалось незаконнымъ, а только возбуждало новый вопросъ законодательства. И законодательство рѣшаетъ этотъ вопросъ, не справляясь съ Судебникомъ, по новымъ началамъ. Въ статьѣ сказано: «п о той статьѣ Государи указали: которые исцы подавъ челобитную, а къ суду нейдуть и не ищеть педѣлю времени; а отвѣчики учнутъ битъ челомъ и челобитье и сказка педѣльщиковъ записана; и тѣмъ послѣ указныя педѣли суда не давать, и отвѣчикомъ запись выдать, сыскавъ про то, будетъ не боленъ. А которые люди въ городѣхъ не даются на поруки, а чинятся

сильны; и на томъ имать проѣсть и волокиты и за ослушанье, что не послушалъ государева указа, учинить наказанье». Здѣсь новый законъ совершенно отмѣняетъ порядокъ Судебника и вмѣсто того, чтобы на неявившагося дать безсудную грамоту, объявляетъ дѣло прекращеннымъ, и выдаетъ отвѣтчику запись, освобождающую его отъ суда, но не прежде какъ по истеченіи недѣли послѣ срока, и притомъ ежели неявившійся къ суду окажется не боленъ. Мало этого, новый законъ не дозволяетъ недѣльщикамъ и вообще судебнымъ приставамъ арестовать и ковать ослушниковъ, не дающихъ по себѣ поручныхъ записей и отказывающихся явиться въ судъ, а довольствуется только назначеніемъ платежа за проѣсти и волокиту и наказаніемъ за ослушаніе государеву указу.

Впрочемъ новый порядокъ вызова въ судъ, заявленный статьями 1628 года, очевидно еще не былъ удобоприложимъ къ дѣлу, и только запутывалъ поднятые вопросы; посему Царь Михаилъ Федоровичъ, на другой же годъ по изданіи сихъ статей, долженъ былъ болѣе или менѣе обратиться къ старому порядку, завѣщанному Судебникомъ, хотя нѣсколько и измѣненному. И мы въ росписи законовъ за 1629 годъ находимъ статьи о вызовѣ въ судъ, только дополняющія правила Судебника или объясняющія, и прямо уже противорѣчающія статьямъ 1628 года. Такъ:

Во 1-хъ, по второй статьѣ росписи 1628 года, истецъ или отвѣчикъ, съѣхавшіе съ Москвы, не дождавшись вершенія дѣла, наказывались только платежемъ проѣстей и волокитъ, а дѣло рѣшалось по суду, т. е. съѣхавшій съ Москвы и заплатившій за съѣздъ проѣсти и волокиты могъ быть и оправданъ по дѣлу. Напротивъ того 5-я статья росписи 1629 года прямо предписываетъ съѣхавшаго тѣмъ и обвинить, что онъ съѣхалъ, не дождавшись рѣшенія дѣла. Въ статьѣ сказано: «А которые отвѣчики ставъ къ суду по себѣ поручную запись, съ Москвы съѣдутъ, а истцы ихъ на нихъ бьютъ челомъ съѣздомъ, или который истецъ, искавъ, недождався вершенія дѣла, съѣдетъ, а отвѣчикъ учнетъ бить челомъ, что истецъ, не дождався вершенья дѣла, съѣхалъ. И о томъ Государи указали; буде истецъ и отвѣчикъ, давъ по себѣ съ суда

поручную запись, что не съѣзжать, да не дождався вершенья съѣдетъ; и то дѣло вершить съѣздомъ, обвинить съѣздомъ.» А 11-ою статьею той же росписи 1629-го года обвиняются съѣздомъ съ Москвы до вершенья дѣла, даже тѣ люди, которые только написаны въ приставной памяти или исковой челобитной, какъ товарищи истца или отвѣтчика, а сами стоя у суда не ищутъ и не отвѣчаютъ. Статья говоритъ: «А которыхъ чиновъ люди, кто кому пристава въ каковѣ дѣлѣ ни буди, а на пишутся въ приставной памяти человекъ два или три, а въ исковой челобитной напишутся тѣже люди, а на судѣ ищетъ или отвѣчаетъ одинъ, а тѣ его товарищи стоятъ тутъ же. А послѣ суда приставъ своруетъ, дастъ одного на поруку, кто искалъ, а товарищевъ его на поруку не дастъ; и тѣ люди, которые въ приставной памяти и въ исковой челобитной писаны, а на поруку не даны, а на судѣ тутъ же были, съ Москвы съѣдутъ, недождався вершенья суднаго дѣла, а истецъ или отвѣтчикъ бьетъ челомъ Государю съѣздомъ, и тѣхъ людей съѣздомъ по тому дѣлу и винить.» Обѣ сии статьи представляютъ явное обращеніе къ порядку Судебника, и прямо отмѣняютъ вторую статью росписи 1628 года, ибо обвинить съѣздомъ значитъ тоже, что дать безсудную грамоту на неявившагося въ судъ, или съѣхавшаго не дождавшись рѣшенія суднаго дѣла.

Во 2-хъ, по третьей статьѣ 1628 года, неявкою истца или отвѣтчика къ суду на срокъ, прекращалось дѣло и только черезъ недѣлю послѣ срока отвѣтчику выдавалась запись объ освобожденіи отъ суда, по 16-й же статьѣ росписи 1629 года, неявившіеся на срокъ къ суду обвинялись неявкою, т. е. на нихъ выдавалась согласно съ Судебникомъ безсудная грамота. Въ статьѣ сказано: «А которыхъ чиновъ люди емлютъ Государевы зазывныя грамоты въ городы по служилыхъ и по посадскихъ и по всякихъ чиновъ людей, и тѣмъ людямъ, по которыхъ емлютъ Государевы зазывныя грамоты, учинять имъ срокъ, какъ имъ стать къ отвѣту на Москвѣ, и тѣ отвѣтчики на срокъ стануть, а которые на нихъ исцы били челомъ Государю, и имали зазывныя грамоты, и тѣ по своему челобитью по тѣмъ зазывнымъ грамотамъ съ отвѣтчики на срокъ не стануть; а отвѣтчики учнутъ бить че-

ломъ, что они по тѣмъ исцовымъ зазывнымъ грамотамъ на срокъ на Москвѣ стали, а тѣ ихъ исцы, взявъ по нихъ зазывныя грамоты, съ ними на срокъ не стали, и тѣмъ ихъ волочатъ. И тѣхъ исцовъ тѣмъ винить ли, и будетъ винить, и впредь въ тѣхъ дѣлѣхъ тѣмъ же людямъ на тѣхъ людей, на которыхъ людей бьютъ челомъ, судъ давать ли? И по той статьѣ Государи указали: будетъ истецъ не станеть на срокъ, и послѣ сроку пождавъ недѣлю, и будетъ не станеть, и тѣмъ истца обвинити.»

Въ 3-хъ, наконецъ тотъ же порядокъ обвиненія неявкою предписывается седьмою статьею той же росписи, въ случаѣ ежели истецъ или отвѣтчикъ, бывши на двухъ ставкахъ у крестнаго цѣлованія, къ третьей ставкѣ не явится. «А которые люди, сказано въ статьѣ, у крестнаго цѣлованія истецъ станеть, а отвѣтчикъ не станеть, или отвѣтчикъ станеть, а истецъ не станеть, или будетъ одинъ истецъ или отвѣтчикъ на ставкѣ на первой и на другой станеть; а на третьей не станеть. И о томъ Государи указали: кто на третьей ставкѣ у крестнаго цѣлованія не станеть самовольствомъ, безъ челобитья, и того тѣмъ и обвинити.» Здѣсь опять является безсудная грамота Судебника, за неявку въ судъ.

Такимъ образомъ первая половина XVII-го вѣка въ Московскомъ законодательствѣ представляетъ замѣтное колебаніе между старымъ и новымъ порядкомъ вызова въ судъ. Старый порядокъ явно уже отживалъ свой вѣкъ, а новый плохо еще прививался; попытки законодателя ввести новое направленіе просто не удавались, онѣ еще болѣе запутывали дѣла и не удовлетворяли требованіямъ современной жизни, такъ что законодательство волей неволей должно было обращаться къ старому порядку. Но, очевидно, старый порядокъ не могъ уже держаться долгое время. Русское общество XVII-го вѣка уже далеко не походило на тоже общество въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ, и неудавшіяся попытки новаго направленія нисколько не доказывали, чтобы старый порядокъ былъ удовлетворителенъ, а напротивъ явно выказывали, что нужна коренная реформа всего порядка, а не частныя измѣненія; и съ этой то реформой выступило Соборное Уложение 1649-го года, объявившее на отрѣзъ, что нужно окончательно отмѣнить безсудныя грамоты, какъ вредныя и производящія одни только безпорядки. Въ 153-ей статьѣ X-ой гла-

вы Уложенія прямо сказано: «а несудимыхъ грамотъ въ города чьему не давать для того, что отъ несудимыхъ грамотъ въ городѣхъ всякимъ людямъ чинятся продажи и обиды и убытки великіе.» И это то окончательное отмѣненіе несудимыхъ грамотъ повело къ кореннымъ преобразованіямъ стараго порядка, соблюдавшагося по Судебникамъ при вызовѣ въ судъ, въ слѣдствіе которыхъ многія статьи Судебниковъ, относящіяся къ сему предмету, были измѣнены или вовсе отмѣнены, и вызовъ въ судъ получилъ болѣе строгости и опредѣленности; но о преобразованіяхъ сихъ, какъ начавшихъ новое направленіе и тѣсно связанныхъ съ послѣдующимъ законодательствомъ, будетъ сказано въ другое время.

И. ВЪЛЧЕВЪ.

СПБГУ

000187529

ЮФ СПБГУ

Отдѣль. II. Судебная практика.

А. РУССКАЯ.

Изложеніе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, въ коихъ разрѣшаемы были вопросы:

I. Объ условіяхъ взятія завѣщаннаго имѣнія въ опеку по случаю спора о свойствѣ сего имѣнія.	33.
II. О порядкѣ примѣненія сроковъ десятидневнаго и десятилѣтняго къ жалобамъ на завладѣніе.	40.
III. О порядкѣ ответственности векселедателей и бланконадписателей по простымъ векселямъ.	47.
IV. О недѣйствительности продажи имѣнія, совершенной послѣ открытія злоупотребленій или неправильныхъ дѣйствій владѣльца, могущихъ подвергнуть его денежному взысканію.	54.
V. О случаяхъ вторичной явки крѣпостныхъ духовныхъ завѣщаній.	58.
VI. Объ обязанности гражданскихъ палатъ свидѣтельствовать такія духовныя завѣщанія, съ которыхъ не приложено при прошеніи копій.	61.
VII. О формальности духовнаго завѣщанія, засвидѣтельствованнаго двумя простыми свидѣтелями, но переписаннаго духовнымъ отцомъ завѣщателя.	65.

В. ИНОСТРАННАЯ.

I. Процессъ по обвиненію купца Шала въ убійствѣ Готлиба Эбермана.	68.
II. Процессъ доктора Чернаго, обвиненнаго въ противузаконномъ употребленіи медицинскихъ средствъ.	87.

Отдѣль III.

О вызовѣ въ судъ по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія 1649 г. . И. Д. Бѣляева. 97. X

Издаваемый съ іюля 1859 года *Журналъ Министерства Юстиціи* выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: 1) за годовое изданіе съ января 1860 по январь 1861 года составляетъ, безъ пересылки и доставки, *шесть* руб. сер., а съ пересылкою и доставкою на домъ *семь* руб. *пятьдесятъ* копѣекъ сер., 2) за полугодовое изданіе съ іюля 1860 по январь 1861 года (для лицъ, подписавшихся прежде на годовое изданіе съ іюля 1859 по іюль 1860 года,) *три* руб. сер. безъ доставки, съ доставкою же *три* руб. *семьдесятъ пять* коп. сер.

Подписка на журналъ принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи, находящейся при книжномъ магазинѣ Коммисіонера Министерства Юстиціи книгопродавца А. И. Давыдова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Завѣтнава.

Желающіе доставить въ журналъ статью или какое-либо свѣдѣніе благоволятъ обращаться въ Редакцію *Журнала Министерства Юстиціи*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 8 февраля 1860 года.
Ценсоръ *Обертъ*.